

44796

ПРОБЕЖНО
1957 г.

288

Р. 1404. III

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ В. А. ОШУРКОВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ВОСТОЧНОМУ ОБЗРѢНІЮ“
1892 годъ.

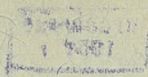
— ♦ — ВЫПУСКЪ I. — ♦ —

В. А. Ошурков
Кор. п. — Кан
1918-107 съ думаской каппей
Сидвин?

ИРКУТСКЪ.

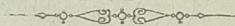
Типографія К. И. Витковской, Харламп. ул. д. № 1.

1893.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Охота за оленями въ лѣсахъ дальняго сѣвера (отрывокъ изъ повѣсти «На краю лѣсовъ») Вацлава Сирно.	1
II. Стихотвореніе Е. Д.	18
III. Промысловыя артели (Енисейскія артели рыбаковъ; способы ловли неводомъ и сѣтью. Артели охотниковъ. Артели, заготовляющія лѣсной матеріалъ) М. М. Дубенскаго	19
IV. Деревенская грѣшница. (Изъ воспоминаній сибирскаго сельскаго учителя) Инн. Ангарскаго	51
V. Изъ странствованій по землѣ Урянховъ В. Ошуркова	73

СИБИРСКИЙ СБОРНИКЪ

ПРОВЕРЕНО
1948 г.

подъ редакціею В. А. Онукова.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ВОСТОЧНОМУ ОБОЗРѢНІЮ“

1892 Г.

ВЫПУСКЪ I.

ИРКУТСКЪ.

Типографія К. І. Витковской, Харламп. ул. д. № 1.

1893.

Дозволено цензурою: Иркутскъ, Января 28-го дня 1893 года.

ОХОТА ЗА ОЛЕНЬЯМИ ВЪ ЛѢСАХЪ ДАЛЬНЯГО СѢВЕРА.

Отрывокъ изъ повѣсти «На краю лѣсовъ».

Вацлава Еуро.

ГЛАВА I.

ЛѢСЪ.

Странное впечатлѣніе производитъ у своихъ предѣловъ этотъ полярный лѣсъ, похожій скорѣе на кладбище лѣса, чѣмъ на собраніе живыхъ деревьевъ.

Упавшихъ пней и вѣтокъ, здѣсь валяется значительно больше, чѣмъ растетъ ихъ, да и тѣ, что еще не упали, до того жалки, хилы, слабо листвою одѣты, до того уныло скрипятъ и стонутъ, когда вѣтеръ ими колышетъ, что кажется не за жизнь свою онѣ борются, а молятъ о скорой смерти. Всюду виднѣются погибшія лиственницы и березы, то полуистлѣвшія, уже одѣтыя саваномъ мховъ и лишавевъ, то полуживыя, съ обломанными въ паденіи вѣтвями и и верхушками, съ каплями пахучей смолы, сочащимися точно кровь изъ свѣжихъ ранъ. Всюду чернѣютъ большіе щиты, вырванныхъ съ землей и дерномъ корней, уродливо скрученныхъ, точно пальцы и ступни покойниковъ, сведенные судорогою насильственной агоніи.

Да, дѣйствительно, здѣсь поле битвы. Здѣсь лѣсъ боролся не на животъ, а на смерть съ вѣтрами, съ холодомъ, съ безплодіемъ почвы. Много погибло, но борьба не кончена,

о чемъ свидѣтельствуяютъ молодые побѣги, пробивающіеся среди тлѣющихъ пней и лому. Съ забавной важностью, съ безусловной увѣренностью въ свои права и силы, жаждущіе воздуха и солнца, они стараются возможно широко разставить свои косматыя, блѣдно-зеленыя вѣтки и граціозно покачиваютъ пахучими, кистевидными верхушками надъ тѣлами убитыхъ и въ тѣни умирающихъ. Со временемъ и онѣ погибнуть неожиданной, скоростижной смертью, такъ какъ пока это здѣсь необходимо; — погибнуть рано, но не безслѣдно.

Морскіе вѣтры, пролетающіе съ сѣвера безъ удержа и препятствій надъ тундряными равнинами, нападаютъ на молодой лѣсъ у его предѣловъ съ необыкновенной стремительностью. Холодъ и рѣзкія колебанія температуры сильнѣе даютъ себя чувствовать одинокимъ, далеко другъ отъ друга растущимъ деревьямъ, а земля, оттаивающая въ продолженіи лѣта всего на нѣсколько дюймовъ, не позволяетъ ихъ корнямъ проникать далеко въ глубину и тѣ расплзаются въ поискахъ пищи вширь, почти на поверхности земли, уродливые, скрученные, точно змѣи.

И вотъ вырастаютъ здѣшніе лѣса, лишенные обильнаго питанія, опоры, тепла и свѣта, — чахлыми, слабыми, беззащитными и болѣе сильный напоръ вѣтра опрокидываетъ ихъ безъ труда, лишь только онѣ вырастутъ выше, чѣмъ положено. Однако, падая, онѣ своей тяжестью придавливаютъ корни близъ растущей поросли, придаютъ ей большую устойчивость и она уже растетъ выше, стоитъ крѣпче и со временемъ, когда соки погибшихъ удобряютъ достаточно почву, молодые поколѣнія на ихъ тѣлахъ вырастутъ крѣпкія, дружныя и многочисленные. Они сообща умиряютъ вѣтры, привлекаютъ влагу, измѣняютъ климатъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то безнадежно пали первые бойцы, зашумитъ мощный зеленый лѣсъ, которому нипочемъ непогоды.

Но теперь жалки лѣса у своихъ предѣловъ.

Тѣмъ болѣе величаво въ этой ничтожной оправѣ сонныхъ лѣсовъ представляются огромныя, серебристыя, чуткія ко всякой перемѣнѣ озера.

А есть ихъ тутъ разной величины и формы и лежащихъ на разномъ уровнѣ — тьма-тьмушая.

Вѣдь земля эта относительно недавно появилась со дна океана и вся еще влажная, сверкаетъ и струится водою, точно всплывшая на поверхность русалка.

Впрочемъ, ея водоемы давно уже утратили свой океанический характеръ. Весенніе разливы мало-по-малу унесли съ собою морскую соль и горечь, — берега, первоначально плоскіе и неопредѣленные, возвысились и одѣлись лѣсомъ. Плѣнные воды теперь заперты со всѣхъ сторонъ и нѣкогда тяжелая раскатистая ихъ морская волна превратилась въ игривую, звонкую волну прѣсныхъ водъ.

Чѣмъ дальше уходитъ отъ нихъ океанъ, чѣмъ выше вырастаетъ окружающій лѣсъ, тѣмъ озера дѣлаются тише, спокойнѣе, лѣнивѣе, точно привыкающія къ своей долѣ рабыни. Легкій вѣтерокъ едва можетъ колебать зеркальныя ихъ лица, затѣненные бордюромъ прибрежныхъ травъ и только, когда на ихъ родинѣ, въ открытомъ океанѣ, реветъ буря и вздымаются къ самому небу громадныя волны, они начинаютъ дышать страстиѣе, и всплескиваютъ пѣнистые гребни, стараясь взглянуть еще разъ дальше своихъ береговъ, и бѣгутъ одна за другой чередою на отлогій берегъ, будто надѣясь, авось дадутъ имъ уйти туда, въ утерянный на всегда просторъ. Но берега неуклонно стоятъ на стражѣ и волны ударяясь о нихъ разбиваются въ мелкую пыль.

И такъ въ продолженіи всей бури бѣгутъ легіоны волнъ и гибнутъ, оставляя послѣ себя только грустный, протяжный всплескъ.

И у каждаго озера есть свой напѣвъ волненія и каждое дуновеніе вѣтра поражаетъ въ немъ особые тоны. Все-же они, смѣшиваясь съ шумомъ деревьевъ, создаютъ своеобраз-

ную, дикую, мощную мелодію, похожую на бурныя, жалобныя причитанія пустыни надъ чѣмъ то безвозвратно утраченнымъ.

Слушая ея, груститъ веселый тунгусъ, бродящій одиноко въ глубинѣ тайги, и чувствуя непонятную въ сердцѣ тревогу, ставитъ алтари и молится, рыбакъ-же якутъ, также оставленный непогодой далеко отъ дому на пути по озерамъ, разводитъ огонь на берегу и, тихонько напѣвая, воспоминаетъ славное прошлое и мечтаетъ о лучшемъ будущемъ.

.

Зимою здѣсь ровно, бѣло и вѣтренно.

.

ГЛАВА II.

.

.

ГЛАВА III.

.

.

.

ГЛАВА IV.

Точно нѣжный отголосокъ яснаго, теплаго дня, умиралъ погожій прозрачный вечеръ. Ночь обѣщала быть холодной, а завтрашній день также яснымъ и теплымъ, какъ минувшій. Серединой огромной снѣговой равнины, поверхность которой дымилась уже морозной мглой, двигался небольшой караванъ людей. Они вытянулись гуськомъ и шли такъ близко другъ за другомъ, что три идущіе впереди на лыжахъ охотника, чтобы не задѣть другъ друга, принуждены

были двигать ногами въ разъ, точно солдаты и въ разъ упирались на ходу въ землю своими длинными луками, снабженными на концахъ небольшими кружками, не позволяющими грузнуть дереву глубоко въ снѣгу. Все это придавало движеніямъ крошечнаго отряда особенную стройность и прелесть. Всѣ охотники одѣты были одинаково въ легкія, темныя, мѣховыя куклянки и такія-же шлемовидныя шапки съ наушниками. У всѣхъ были на плечахъ ошейники изъ бѣлчихъ хвостовъ, а на ногахъ длинные, камусовые тунгускіе «торбаса», туго подтянутые ремнями къ бедрамъ и подвязанные у колѣнъ. Такая обувь удивительно послушна движеніямъ; ногѣ въ ней легко, тепло, привольно и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ то особенно устойчиво.

Всѣ охотники были подпоясаны, у каждого былъ съ лѣвой стороны ножъ въ чехлѣ, а за спиной небольшой кочанъ со стрѣлами, у всѣхъ на глазахъ волосыныя очки, въ видѣ прозрачной, вздутой, сѣтчатой олояски.

Все, значить, происходило такъ, какъ мечталъ заранѣе Нерпа, къ вящему его воехищенію, такъ какъ въ числѣ охотниковъ былъ и онъ — именно тотъ третій въ ряду, движенія котораго, черезъ-чуръ торжественныя и дѣланныя, обнаруживали новичка.

Отрядъ велъ Джянга, признанный знатокъ и предводитель всѣхъ подобнаго рода предпріятій. За нимъ шелъ Уйбанчикъ ¹⁾, дальше Нерпа, а въ хвостѣ отряда ѣхалъ двѣнадцатилѣтній Нюстеръ, на небольшой легкой нартѣ, запряженной шестью мохнатыми псами. Собаки бѣжали весело, съ перевальцей, задравъ къ верху острыя морды и высоко поднявъ свернутые въ трубочку лисьи хвосты. Онѣ, какъ и люди, согласно двигались, забавно постукивая о твердый «насть» ²⁾ лапками, одѣтыми, во избѣжаніе «подбоя», въ маленькіе, кожаные башмачки.

¹⁾ По-якутски уменьшительное отъ Иванъ—Ваня.

²⁾ «Настъ» — ледяная кора, образующаяся весною на поверхности снѣга.

Люди шли молча и глядѣли все впередъ, туда, гдѣ на краю горизонта виднѣлась болѣе темная линія лѣса; это былъ противоположный берегъ, такъ какъ равнина, по которой проходили, была — замерзшее покрытое снѣгомъ озеро.

Охотники не намѣревались начинать сегодня промысла и только искали удобное мѣсто для ночлега.

Сумерки уже порядочно сгустились, туманъ окуталъ окрестности и сонмы звѣздъ дружно загорѣлись въ небесахъ, когда, наконецъ, караванъ достигъ лѣса и найдя подходящий, занесенный снѣгомъ откосъ холма, остановился. Снявши лыжи, люди быстро вырыли имъ въ сугробѣ яму, вплоть до черной земли, выровняли дно, убили бока, поправили кругомъ насыпь снѣга, и яма стала похожа на опрятный выложенный каррарскимъ мраморомъ бассейнъ. Нерна и Нюстеръ сейчасъ-же ушли собирать молодые вѣтки лиственницы на подстилку, Уйбанчикъ рубилъ по близости отысканное высохшее на пнѣ дерево, а Джянга, важно сидя на корточкахъ по серединѣ ямы, строгалъ сухую, принесенную изъ дому, лучину на тонкія, нитевидныя стружки. Когда принесли дровъ и сложили костеръ, онъ ловко добылъ огнемъ огня и мгновенно нѣсколькими сильными взмахами руки раздулъ тлѣющія въ приготовленномъ имъ древесномъ пуху искры въ яркое пламя. Красный отблескъ фантастически озарилъ бѣлую внутренность ямы и черные силуеты стоящихъ среди нея людей. Вверху на краю лежали собаки и, уткнувъ морды между протянутыхъ лапъ, слѣдили внимательно за движеніями господъ. Тѣ развязывали принесенные изъ «нарты» туки, подвѣшивали на палкѣ наполненные снѣгомъ котелъ и чайникъ, разстилали постели и, по мѣрѣ окончанія работъ, усаживались на медвѣжьихъ шкурахъ кругомъ огня, разговаривая:

— «Что это дастъ Богъ завтра?» — безпечно повторялъ Нерна, поглядывая на далекое, звѣздное небо.

— «Что будетъ, то будетъ... Нечего загадывать!»...

— «Говорять, народъ «Менге» добываетъ!»...

— «Ну и пускай добываетъ... И мы добудемъ!»...

— «Сказать правду — стосковался я за мясомъ, не пробоваль его давно!»...

— «Будто ужъ такъ: поймалъ и сейчасъ-же съѣлъ! — Подожди!...»

— «Да и не вкусно теперь мясо «дикаго»... Это не то, что домашній, — тотъ всегда одинаковый... «Дикій» иной... Онъ чѣмъ питается, тѣмъ и отдаетъ. Осенью мясо его жирное, пахучее: за лѣто все онъ больше кормится травами да молодыми побѣгами, вотъ отъ чего тѣло его, — что цвѣтущій лѣсъ, что топленое масло. Да и охота тогда — ой, охота! не-сказанная!...» — началъ тихо и медленно съ пріемами опытнаго рассказчика Джянга.

— «Расскажи, ой, расскажи, Джянга!...» — закричали молодые парни.

— «Да, любопытно бываетъ, а только не всегда согласно. Разъ, помню, случилось, что нѣкоторые чуть не погибли. Пошли мы это артелью, какъ и теперь, на озера, на западь... Я, «Казакъ», да «Длинный» — сынъ Филиппа. Ладно... Пошли да пришли. «Казакъ» остался стеречь вещи, лошадь, да пищу варить, а я съ «Длиннымъ» отправился сторожить. «Длинный» засѣлъ въ кустахъ на берегу, а я — на вѣткѣ въ травахъ. Ночь хорошая: темная, облачная — руки протянутой не замѣтишь... Тихо, ничто не шелохнется, всякій всплескъ да шорохъ далеко по водѣ слышно. Въ такую ночь олени охотно ходять ѣсть водоросли. Залѣзутъ въ воду, жрутъ, купаются. Мѣсто, гдѣ мы стали, тоже извѣстное — самое ихъ кормовище; я ждалъ, ждалъ — нѣтъ никого и ничего не слышно. Хотѣлъ я уже уходить, вдругъ — трескъ — идетъ звѣрь! И такой дюжій, трещить, ломаетъ. Не олень, думаю, а самъ сохатый. Подошелъ къ берегу, но въ воду не идетъ, а стоитъ у берега и пьетъ. И пьетъ-то будто не «дикій» и рога-то у него будто не

рога, а сосѣдній кустъ. Гляжу, высматриваю, медленно подплываю. Поднялъ копые — эхъ, была не была!... Вдругъ какъ засопитъ, заѣвываетъ... Узналъ я, кто онъ, и сердце у меня прыгнуло въ ротъ. Стою, не шелохнувшись. А «онъ» позѣвалъ, пофыркалъ, лапою почесался, воды еще полакалъ да и ушелъ... Только затрещало по лѣсу...

— «Чего-же ты не билъ?» — спрашиваетъ, выскакивая «Длинный».

— «Молчи... Кокъ!...» ¹⁾).

— «Кокъ» — повторилъ онъ — и только его я и видѣлъ. Убѣжалъ въ станъ. А я остался и оленя еще въ эту ночь упромыслилъ. Чего буду бояться: отъ него все равно, если онъ тебя намѣтитъ, не уйдешь: всюду найдетъ. Не тронулъ — значитъ, еще это время не настало...

— «А «Длинный»? — перервалъ Нерпа.

— А «Длиннаго», вѣрно, медвѣдь съѣлъ, пояснилъ серьезно Нюстеръ.

— «Какъ-же съѣлъ, если онъ теперь живой ходитъ?»...

— «А «Длинный» вмѣстѣ съ «Казакомъ» натерпѣлись въ эту ночь ухъ! ухъ!» — продолжалъ, улыбаясь, Джянга. «Кокъ», вѣдь, прямо къ нимъ пошелъ, коня хотѣлъ взять. Всю ночь огонь жгли, а «онъ» ходилъ кругомъ, все пугалъ, все страшалъ до самой зари. У «Длиннаго» животъ заболѣлъ, у «Казака» борода за эту ночь на цѣлый вершокъ выросла...

— «Ха, ха, ха! Бѣдняга!... Ну!»

— «Ну, чтожъ... По утру пришелъ я съ винтовкой...»

Тутъ Джянга оборвалъ и принялся набивать трубку. Слушатели поняли, что онъ не хочетъ рассказывать о своей побѣдѣ надъ звѣремъ, который можетъ быть гдѣ-нибудь по близости спалъ въ берлогѣ.

— «Ну и гонять «звѣря» ²⁾ тоже недурно. Если выдѣтся счастливый день, добыть можно много...» — началъ

¹⁾ Одно изъ прозвищъ медвѣдя у сѣверныхъ якутовъ.

²⁾ Оленя.

снова послѣ нѣкотораго перерыва Джянга — «а только «звѣрь» не тотъ: тощій, измученный...»

— «Даль-бы Богъ хоть тощаго...» — вздохнулъ притворно Уйбанчикъ.

— «Зачѣмъ такъ!? Нехорошо тоже такъ говорить!» — оборвалъ брата Джянга и въ знакъ того, что считаетъ разговоръ оконченнымъ, досталъ изъ сумы глыбу мерзлаго хаяку ¹⁾ и сталъ колоть его на мелкіе куски. Остальные принялись разставлять чайную посуду и готовиться къ ужину.

Хотя усталые и голодные, но ѣли и пили охотники очень умѣренно, во-первыхъ, потому, что ничего еще не «упромыслили,» а домъ былъ далеко и провизіи мало, затѣмъ, потому, что вообще обычай передъ этого рода охотой запрещаетъ есть много.

— «Ты, Нерпа, не пей больно чаю. Смотри, завтра не выбѣжишь. Отъ воды человѣкъ дѣлается сырой, тяжелѣетъ, подъ сердце закатывается, побѣжитъ и весь напунеть...» — совѣтовалъ неугомонному мальчику Уйбанчикъ, укладываясь спать рядомъ съ братомъ. Тотъ уже раздѣтый, совсѣмъ нагой, сидѣлъ неподвижно, точно бронзовая статуя, на мѣховой постели и задумчиво глядѣлъ на пламя. Нерпа неохотно послушался совѣта и отставилъ чайникъ въ сторону. Они оба съ Нюстеромъ, какъ самые младшіе и неопытные въ охотѣ, должны были бодрствовать, чтобы сварить въ освободившейся посудѣ пищу для собакъ.

Ихъ крошечный, но полный движенія и говора станъ, замолкъ. Огонь ослабѣлъ неподдерживаемый больше дровами, за которыми не хотѣлось мальчикамъ сходить въ лѣсъ, сияніе, закрывшись съ головой заячими одѣялами, заглушили даже свое дыханіе, только вода въ котелкѣ, вскипая, лепетала и бурлила съ промежутками. Мальчики, сидя рядомъ на корточкахъ у костра, все тревожище и внимательно вслушивались въ безмолвіе пустыни, окружающей ихъ сплошнымъ широкимъ кольцомъ.

¹⁾ Хаякъ — кислое не выпаханное и въ такомъ видѣ замороженное масло.

— «Нерпа, Нерпа... Что-бы ты сдѣлалъ,» — зашепталъ неожиданно Нюстеръ — «если-бы вдругъ появился «онъ»?...

— «Кто?»

— «Онъ»... Человѣкъ, лишенный лица...» — Нерпа съ ужасомъ взглянулъ на край ямы, гдѣ въ мерцающемъ свѣтѣ огня то появлялись, то исчезали бѣлыя привидѣнія близъ растущихъ деревьевъ. Въ тотъ-же мигъ одна изъ собакъ, привязанныхъ тамъ у саней, залаяла отрывисто и возбужденно.

— «Джянга!... Уйбанчикъ!... Уйбанчикъ!...» — закричали мальчики, расталкивая спящихъ.

— «Что?... Что-такое?... Что случилось?...

— «Собака лаетъ!...»

— «Тьфуй!... Пусть лаетъ!...» — выругался охотникъ, но всталъ и, набросивъ на обнаженные плечи свиту, приблизился къ указываемому краю ямы. Снѣговая насыпь кругомъ отъ собственной тяжести и тепла сильно осѣла и теперь свободно можно было поверхъ нея оглядѣть сумрачную, затуманенную даль лѣса. Собака перестала лаять и, усѣвшись на заднихъ лапахъ, уставила морду съ настороженнымъ чутьемъ ушами въ ту-же сторону. Оттуда не долетало, однако, ни звука, ни шороха. Остальныя собаки даже не пошевелились и, засыпанные инеемъ, спали спокойно, свернувшись въ клубокъ.

— «Волкъ, должно быть, или лиса»... проворчалъ, зѣвая, Джянга и поспѣшно возвратился въ теплую постель.

Мальчики, обнявшись, долго стояли съ устремленными въ даль глазами и все вслушивались, все высматривали; ихъ до нельзя возбужденныя чувства жаждали найти въ окружающемъ родственные звуки и формы, но кругомъ было мертво и мальчики только ближе прижимались другъ къ другу.

— «Видишь вотъ эти три звѣзды на небѣ?» заговорилъ, наконецъ, Нерпа. «Эта первая впереди, самая большая, это, говорятъ, сохатый... а двѣ поменьше, сзади нея—это

два брата тунгуса, а четвертая около нихъ, самая маленькая, сказываютъ, собака... Они давно, очень давно, пошли, какъ мы, на охоту и больше не возвратились... А видишь эту звѣздную полосу, что бѣжитъ серединой неба? — Это дорога, по которой ходилъ Богъ, когда созидаль міръ...»

Долго такъ стояли подростки, обмѣниваясь мыслями и вспоминая старинныя преданія и вѣрованія родины.

На завтра, чуть свѣтъ, охотники тронулись въ путь. Велъ ихъ опять, какъ вчера, Джянга, ловко минуя препятствія и запрещая имъ касаться сучьевъ и вѣтокъ, которые отъ мороза лопались съ сухимъ, стекляннымъ, далеко по лѣсу разносившимся трескомъ.

За предводителемъ, подражая ему во всемъ, шли охотники, одѣтые и вооруженные, какъ вчера.

Обильный иней нависъ за ночь серебристыми гроздьями на вѣтвяхъ и пняхъ деревьевъ, съ которыхъ весенніе вѣтры уже было чуть-чуть отряхнули зимніе снѣга.

Прозрачная, слегка колышущая утренняя мгла придавала бѣлымъ очертаніямъ тайги смутный видъ облачныхъ, туманныхъ картинъ. Сѣрые остатки ночи, по мѣрѣ того, какъ разгорался день, осаждались все ниже и ниже; между тѣмъ какъ верхушки тумана уже рдѣли, чуть тронутыя дальней зарей.

Все яснѣе вырисовывались предметы и темныя фигуры охотниковъ предательски обозначались на бѣломъ фонѣ. Сознавая это, послѣдніе двигались все медленнѣе и осторожнѣе и все внимательнѣе поглядывали въ даль. Вдругъ Джянга остановился и нетерпѣливымъ жестомъ задержалъ товарищей.

Тѣ послушно замерли на мѣстѣ и только устремили въ указанномъ направленіи разгорѣвшіеся глаза. Въ началѣ не увидѣли ничего кромѣ густой, невысокой чащи, затканной кристаллами и хлопьями снѣга. Джянга стоялъ сгорбившись, что-то высматривая. Это длилось довольно долго. Уже Уйбанчикъ и Нерпа подумали, что онъ ошибся

и хотѣли къ нему приблизиться, какъ вдругъ вблизи раздался характерный вздохъ; затѣмъ заколебалась, роняя снѣгъ, одна изъ вѣтокъ чащи и темное, чуть подернутое инеемъ, туловище звѣря поднялось изъ-подъ куста съ ночного логова.

Джянга методично, не перемѣняя позы, заложилъ руку за спину и досталъ съ колчана стрѣлу. Но оленя, какъ онъ стоялъ, стрѣлять было невозможно и пришлось ждать пока звѣрь не перемѣнитъ положенія и не появится въ одномъ изъ пролетовъ среди вѣтвей. Олень, неподозрѣвая опасности, разгребалъ снѣгъ копытами и съ возрастающимъ аппетитомъ добывалъ оттуда мохъ, траву и молодые побѣги. Вдругъ Нерпа, который по неопытности замеръ въ очень неудобномъ положеніи, не выдержалъ продолжительнаго напряженія и перемѣнилъ позу. Снѣгъ слегка заскрипѣлъ подъ надавленной лыжей.

Звѣрь дрогнулъ, поднялъ голову и насторожилъ уши. И въ тотъ-же мигъ взглядъ его пламенныхъ глазъ встрѣтился съ не менѣе пламеннымъ взглядомъ, притаившихся за кустомъ людей. Объятое ужасомъ и изумленіемъ, животное окаменѣло на нѣкоторое время. Джянга съ быстротою молніи натянулъ лукъ и выпустилъ стрѣлу прямо въ рогатый, виднѣющійся среди вѣтокъ лобъ. Но раньше чѣмъ стрѣла покинула тетиву, голова исчезла и дротикъ, жалобно завизжавъ, пробилъ пустой воздухъ.

— «Трогай!.. Ай-да!..»

— «Гдѣ, что, какъ!?. Что-же дѣлать!?» ревѣлъ Нерпа, ломясь, очертя голову, сквозь кусты за бѣгущими товарищами. Тѣ то бокомъ, то нагибаясь и присѣдая миновали препятствія, кусты и деревья и мчались стремглавъ по слѣду, который широкой, разухабистой лентой ложился по лѣсу. Звѣря нигдѣ не было видно.

— «Стрѣлы... подбирай стрѣлы!..» закричали Нерпѣ издали Уйбанчикъ и Джянга. Парень, однако, совсѣмъ ошалѣлъ и не разобралъ приказанія. Онъ только во что-бы то

ни стало хотѣлъ нагнать убѣгающаго и рвался впередъ, не обращая вниманія на пни и сучья, которые поминутно задѣ-
валъ ногами и платьемъ и ранилъ тѣло. Паръ отъ собствен-
наго дыханія застилалъ ему очи; потъ размягчилъ ремни и
связки платья; грудь съ трудомъ подымалась, а сердце би-
лось не ровно и судорожно. Онъ все бѣжалъ близкій къ по-
терѣ сознанія. Наконецъ, лыжа погрузилась концомъ въ од-
ну изъ выбитыхъ оленемъ въ твердомъ «настѣ» ямъ и
парень упалъ съ громкимъ плачемъ.

— «Подождите!..» кричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ.
Но никто не откликался, а только сзади все яснѣе раздава-
лись восклицанія «нохъ, нохъ, нохъ!..» — которыми Нюстеръ
подгонялъ своихъ собакъ. Нерпа огорченъ былъ не на шутку:
что, если мальчишка настигнетъ его здѣсь лежащимъ въ
снѣгу — то-то будетъ смѣху, обязательно расскажетъ всѣмъ...

Онъ собралъ все оставшееся у него хладнокровіе, быстро
распуталъ ремни, всталъ, вдѣлъ опять ногу въ петлю
лыжи, и помчался, уже болѣе внимательный къ препят-
ствіямъ и направленію. Выбравшись на край озера, онъ уви-
дѣлъ двѣ черныя точки, движущіяся по срединѣ, и устрѣ-
мился къ нимъ наискось, бросивши слѣдъ, описывающій
здѣсь дугу. Звѣря все не было видно. Охотники бѣжали по
свѣжей тропѣ, а такъ какъ послѣдняя извивалась довольно
прихотливо, то вскорѣ Нерпа потерялъ ихъ изъ виду и что-
бы окончательно не запутаться въ лѣсу, принужденъ былъ
тоже придерживаться тропы, оставленной оленемъ. Усталый,
раздраженный, онъ брелъ уже совсѣмъ тихо, подумывая о
томъ, что недурно-бы подождать Нюстера и присѣсть на
сани, какъ вдругъ увидалъ передъ собою капли крови и
стрѣлу до половины погрузившуюся въ снѣгъ. Видъ этотъ
сразу возвратилъ ему бодрость; онъ подобралъ стрѣлу и пу-
стился, сокращая сколько возможно путь, догонять товарищей.
Наконецъ, онъ опять увидалъ ихъ; братья уже настигали
утомившагося звѣря. Все-таки онъ не давался и, забросивъ
рога на спину и, высунувъ языкъ, бѣжалъ, тяжело выдер-

гивая ноги изъ вязкаго снѣга. Онъ уже не мчался безотчетно по прямой линіи, а явно старался описать кругъ, чтобъ попасть на свои старые слѣды.

Охотники не допускали этого, такъ какъ тогда звѣрь былъ-бы для нихъ потерянъ. На подмогу имъ изъ центра наискось бѣжалъ Нерпа. Парень былъ уже недалеко и даже лукъ натягивалъ и возможно, что убилъ-бы оленя, если-бъ тотъ случайно не попалъ на болѣе плотную полянку «наста» и не исчезъ съ ихъ глазъ съ быстротою пули. Крикъ бѣшенства вырвался изъ груди Нерпы, но оленя не было и только легкое облако оставленнаго имъ пара рѣяло на томъ мѣстѣ, куда онъ мѣтилъ стрѣлою. Въ дали по лѣсу разносился гулъ и трескъ—это рогачъ ломалъ кусты. Встревоженные, что онъ успѣетъ пробраться на тропу, бросились охотники къ этому мѣсту. Но олень опять проваливался и цѣплялся рогами за вѣтви; охотникамъ безъ труда удалось отрѣзать ему дорогу.

Нерпа уже не покидалъ товарищей; онъ разобрался въ ходѣ охоты и умѣло пользовался молчаливыми указаніями товарищей, подражая имъ во всемъ.

— «Ай-да!.. Молодецъ... молодецъ, Нерпа!.. Чуть оленя не убилъ...» ободрялъ его, смѣясь, Дзянга, «а только ремни-то у торбасовъ подвяжи, а то упадешь!..»

Нерпа смущенный взглянулъ на свои ноги и почувствовалъ, что опять готовъ заревѣть: развязавшіеся ремни волочились по землѣ, а обувь сползла ниже колѣнъ. Пришлось остановиться, а между тѣмъ мимо пролетѣлъ съ веселымъ смѣхомъ немного замѣшкавшійся Уйбанчикъ.

— «Убьютъ...уу.. безъ меня убьютъ!...» шепталъ парень, съ тревогою поглядывая на лѣсокъ, въ которомъ исчезли товарищи.

Онъ удивился, когда, немного спустя, нашелъ ихъ стоящими на краю этого-же лѣсочка. Они знаками предупредили его, что нужно быть осторожнымъ и обходить бугоръ съ противоположной стороны. Приблизившись онъ увидѣлъ и

звѣря. Тотъ глубоко завязъ въ сугробъ снѣга. Переднія ноги онъ выкинулъ на край выбитой его-же паденіемъ ямы, но выпрыгнуть изъ нея уже не могъ; низко повѣсилъ голову, полузакрывъ глаза и, тяжело дыша, выбрасывалъ изъ широко раздутыхъ ноздрей струи бѣлаго пара. Изъ его пасти сочилась кровавая пѣна, и кровь, точно коралловые бусы, капала изъ его прободенныхъ, стрѣлами израненныхъ боковъ. Свободными задними ногами онъ безпокойно переступалъ, все глубже и глубже вытаптывая яму, края которой взошедшее солнце уже покрыло золотыми блестками, а дно—синей тѣнью. Джянга съ готовымъ лукомъ въ рукахъ, осторожно подкрался къ нему шаговъ почти на десять, но замѣтивъ по усиленной дрожи звѣря, что ближе подходить не слѣдуетъ, остановился и выпустилъ стрѣлу. Не смотря на близость, онъ промахнулся; олень, испуганный хорошо знакомымъ ему, ужаснымъ свистомъ желѣза, собрался съ послѣдними силами и отчаяннымъ прыжкомъ выбрался изъ западни. Опять двинулась страшная погоня, но израненный, измученный звѣрь не могъ уже бѣжать такъ скоро. Разстояніе между нимъ и преслѣдующими его охотниками все уменьшалось. Джянга бѣжалъ съ праваго боку, Уйбанчикъ—съ лѣваго, нуская по временамъ стрѣлы, а сзади, бросивъ лукъ и колчанъ, безъ рукавицъ и съ голой головой, неся съ дикимъ ревомъ, сжимая ножъ въ рукахъ, Нерпа. Олень уже не глядѣлъ впередъ; головы не несъ онъ высоко и гордо, а повѣсилъ ее и ежеминутно бросалъ назадъ взоры, полныя безконечнаго ужаса и муки. Всякій разъ, когда взвизгивала сзади тетива, онъ ежился и ускорялъ замирающій шагъ. Люди тоже начинали испытывать муки. Блѣдные, облитые холоднымъ потомъ, съ стиснутыми судорожно зубами, испытывая страшную жажду; они мчались съ непреклоннымъ рѣшеніемъ скорѣе пасть замертво, чѣмъ упустить добычу.

— «Долго-ли еще? Долго-ли... продлится все это?..» мучительно мелькало въ ихъ сознаніи, а силы слабѣли и туманъ застилалъ имъ глаза. Уже не хватало у нихъ стрѣлъ,

между тѣмъ звѣрь бѣжалъ, все бѣжалъ также тихо, но безостановочно.

— «Уйбанчикъ, лови!» прокричалъ хриплымъ голосомъ Джянга, выпуская послѣднюю стрѣлу. Онъ мѣтилъ такъ, чтобы въ случаѣ, если промахнется, стрѣла упала на дорогу брату. Съ обычнымъ жужжаніемъ пронеслась надъ звѣремъ пернатая и, взмывъ слегка кверху два раза, граціозно опустилась на равнину. Уйбанчикъ на бѣгу поднималъ ее и выпустилъ въ свою очередь. И такъ перебрасывали ее нѣкоторое время, пока она, наконецъ, не попала въ добычу и, вонзившись глубоко въ живое тѣло, задрожала сладострастно сама, точно живая. Олень взвился на дыбы и рухнулъ головою внизъ.

— «Уруй!..» закричалъ Джянга и, отбросивъ въ сторону лукъ, проворно сѣлъ на трепещущаго еще звѣря и погрузилъ ножъ въ его глотку.

Олень немного еще побился и сталъ отходить.

— «Чего ты на меня такъ худу смотришь!..» закричалъ съ нехорошимъ смѣхомъ Джянга и пальцемъ надавилъ полный слезъ глазъ умирающаго животного, съ безконечнымъ упрекомъ и болью глядящаго на своихъ убійцъ.

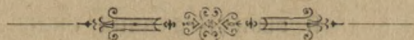
Уйбанчикъ, молча, стоялъ въ сторонѣ, опираясь на лукъ и, съ наслажденіемъ вдыхая усталою грудью теплый воздухъ, глядѣлъ спокойно на залитыя солнцемъ окрестности.

Минуту спустя, прибѣжалъ и Нерпа. Онъ тоже непременно захотѣлъ ударить оленя ножомъ, но братья не допустили этого ради цѣлости кожи, наоборотъ, они напустились на Нерпу за то, что тотъ побросалъ по дорогѣ оружіе и одежду, и послали его сейчасъ-же отыскивать потерянное.

Того-же дня охотники «добыли» еще одного «звѣря» и такъ цѣликомъ, вмѣстѣ съ кожей и внутренностями, нагрузивъ на нарту, отослали вечеромъ съ Нютеромъ домой. Сами же опять вырыли въ снѣгу яму и веселые, довольные сѣли кругомъ костра, нѣжась въ теплѣ, отдыхая въ покоѣ и

вспоминая мелочи минувшей охоты. Хотя жажда ихъ мучила страшно, но, исполняя завѣты старины, чаю не пили, а только теплое, топленое масло, дающее свѣжесть груди и упругость усталымъ членамъ. Ъли мясо, пили оленій бульонъ и смѣялись много и громко. Не забыли также и своего покровителя, косматого причудливаго «Баинная», бога охотниковъ, и по временамъ бросали ему на огонь куски, что по слаще да пожирѣе.

Вацлавъ Сирко.

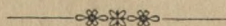
СТИХОТВОРЕНІЕ.

Никого не любить, ничего не желать,
Жить, довольствуясь тѣмъ, какъ живется, —
Тяжело для того, въ чьей груди молодой
Сердце чуткое трепетно бьется.
Онъ не можетъ такъ жить, бесполезно губить
Юныхъ дней своихъ лучшія силы...
Молодая душа горяча и сильна...
Тяжко ей въ этой душной могилѣ,
Погребенной живой, жить безвольной нѣмой
Безъ желаній, безъ страсти, безъ дѣла;
Ее манить, влечетъ все впередъ и впередъ...
(Нѣтъ для душъ горделивыхъ предѣла).
Она рвется туда, гдѣ живутъ для труда
Жизнью полной, кипучей, свободной;
Гдѣ за ближняго радъ каждый грудью стоять,
Каждый скорбью болѣетъ народной;
Гдѣ родимой странѣ силы лучшія всѣ
Безкорыстно людьми отдаются...
А нагрянетъ бѣда — не страшна имъ она,
Даже смерти въ глаза посмѣются.

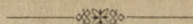
Е. Д.

Иркутскъ, Октября 15-го 1892 года.

ПРОМЫСЛОВЫЯ АРТЕЛИ.¹⁾

Енисейскія артели рыбаковъ; способы ловли неведомъ и сътъю. Артели охотниковъ. Артели, заготовляющія лѣсной матеріаль.

Едва-ли въ Россійской имперіи есть еще губернія, которая на своемъ пространствѣ была-бы также разнообразна, какъ губернія Енисейская: длинный рядъ горныхъ хребтовъ въ юго-западной ея части, переходящій затѣмъ въ необозримыя степи, непроницаемая вѣковая тайга, покрывающая всю юго-восточную часть ея, плодороднѣйшія черноземныя поля Минусинскаго округа, затѣмъ въ перемежку степи и тайга, оканчивающіяся необъятными вѣчно ледяными тундрами Турханскаго края, — все это придаетъ губерніи въ естественно-географическомъ отношеніи характеръ чрезвычайной пестроты и разнообразія.

Съ юга на сѣверъ вдоль всей губерніи, раздѣляя ее пополамъ, протекаетъ одна изъ величайшихъ въ мірѣ рѣкъ Енисей, принимающій немало большихъ судоходныхъ притоковъ, каковы рѣки Абаканъ, Туба, Мана, Канъ, Ангара и друг. По справедливости Енисей называется артеріей Восточной Сибири. По Енисею расположены три большихъ города: Минусинскъ, Красноярскъ и Енисейскъ; въ губерніи множество золотыхъ рѣисковъ, являющихся еще болѣе, нежели города, исключительно потребительными населенными пунктами, если не считать, конечно, производимаго ими золота. Наконецъ, пересѣкая Енисей почти подъ прямымъ угломъ,

¹⁾ Докладъ, читанный въ Восточно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Географическаго Общества 5 октября 1891 года.

проходить через три округа губерніи большой московскій трактъ, и въ недалекомъ, вѣроятно, будущемъ пройдетъ желѣзная дорога.

Енисей съ своими притоками изобилуетъ массами всякой рыбы; въ тайгѣ заготавливаютъ въ огромныхъ количествахъ строевой и дровяной лѣсъ, добываютъ пушнину, промысляютъ лося, медвѣдя, изюбря. По степямъ пасутся многочисленныя стада домашнихъ животныхъ; на черноземныхъ поляхъ хлѣба даютъ превосходные урожаи. Города и прииски представляются для сбыта удобными пунктами, а крестъ-накрестъ пересѣкающіеся Енисей и Московскій трактъ, — удобными путями.

Совокупность описанныхъ условій вызываетъ къ жизни немало разнообразныхъ промысловъ: въ селеніяхъ, расположенныхъ по Енисею и его притокамъ, въ широкихъ размѣрахъ занимаются рыболовствомъ, а въ селеніяхъ, близкихъ къ тайгѣ, — звѣроловствомъ, заготовкой лѣсныхъ матеріаловъ, добычей кедровыхъ орѣховъ, сборомъ ягодъ. Степныя мѣстности промысляютъ скотомъ и продуктами скотоводства; избытокъ хлѣба въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Минусинскаго округа создаетъ два большихъ промысла — судостроеніе и сплавъ хлѣба въ города и на прииски. Къ веденію всѣхъ этихъ промысловъ широко прилагается кооперативно-артельный трудъ, и соответственно объекту промысла, мы на всемъ населенномъ пространствѣ губерніи во множествѣ встрѣчаемъ артели рыболововъ, охотниковъ, «лѣсниковъ», плотниковъ, пильщиковъ, сплавщиковъ хлѣба, скотопромышленниковъ.

Въ теченіи своихъ постоянныхъ разъѣздовъ по Енисейской губерніи я собралъ изъ разспросовъ и бесѣдъ съ мѣстными жителями нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи, техникахъ, экономикѣ и доходности названныхъ промысловъ, стараясь выяснитъ, главнымъ образомъ, тѣ обычно-правовыя артельные начала, на которыхъ промысла эти ведутся. Изложеніе собраннаго матеріала пріобрѣтаетъ вполне понятный интересъ

въ виду той важной роли, которую играютъ промысловыя артели въ экономической жизни огромной губерніи¹⁾).

Промысловыя артели въ Енисейской губерніи рѣзко раздѣляются на двѣ группы: въ первую входятъ тѣ изъ нихъ, гдѣ всѣ необходимыя для веденія промысла затраты труда и капитала осуществляются каждымъ артельщикомъ въ равной степени; эти артели, преслѣдуя исключительно цѣли коопераціи труда и только въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то въ самой слабой степени, его раздѣленія, состояются изъ членовъ, равныхъ по своимъ личнымъ способностямъ и по своимъ вкладамъ въ основной артельный капиталъ. Факты приложенія наемнаго труда встрѣчаются здѣсь лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Наиболѣе видными представителями этой группы являются артели рыболовныя, охотничьи и такъ называемыя «лѣсныя», т. е. заготовляющія строевой и дровяной лѣсъ. Въ артеляхъ второй группы капиталъ уже болѣе или менѣе значительно отъ труда дифференцированъ; въ данномъ случаѣ получается съ одной стороны артель предпринимателей, обладающихъ извѣстнымъ капиталомъ, съ другой—наемные рабочіе. Правда и самъ капиталистъ-артельщикъ нерѣдко работаетъ наравнѣ съ наемнымъ рабочимъ; но доля того и другого въ барышахъ существенно разная. Типичной представительницей артелей такого рода является артель сплавщиковъ хлѣба, а въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ—гуртовщиковъ. Въ настоящемъ очеркѣ я имѣю въ виду остановиться на артеляхъ первой группы и выбираю изъ нихъ рыболовныя, охотничьи и лѣсныя, какъ наиболѣе распространенныя. Артели второго типа встрѣчаются лишь въ ограниченномъ районѣ одного округа и то въ небольшихъ размѣрахъ, такъ какъ сплавъ хлѣба и скотопро-

¹⁾ Считаю, однако, необходимымъ сдѣлать оговорку, что въ самомъ горномъ малонаселенномъ округѣ губерніи—Усинскомъ мнѣ бывать не приходилось. Точно также не былъ я и на крайнемъ сѣверѣ, именно въ Енисейскомъ округѣ съ Туруханскимъ краемъ. Поэтому не могу ручаться, что въ этихъ мѣстахъ не встрѣтятся какія-либо отличія, даже и значительныя, въ организаціи промысловыхъ артелей сравнительно съ той, которая здѣсь описывается.

мышленность сосредоточиваются главнымъ образомъ въ рукахъ нѣсколькихъ богатыхъ скушниковъ-купцовъ¹⁾

Примитивность промысловой техники, а съ тѣмъ вмѣстѣ сравнительная незначительность капитальныхъ затратъ, необходимыхъ для образованія промысловой артели, а главное отсутствіе очень крупныхъ рынковъ для сбыта продуктовъ промысла, являются причинами, почему въ артеляхъ рыболововъ, звѣролововъ или лѣсниковъ нѣтъ раздѣленія труда и капитала, почему каждый найщикъ такой артели является предпринимателемъ и производителемъ въ одно и тоже время. Такая артель, состоящая изъ полноправныхъ и равноправныхъ членовъ, способныхъ выполнить всякую работу, необходимую для веденія промысла, не нуждается въ наемномъ трудѣ: этотъ трудъ даже прямо для нея невыгоденъ; съ другой стороны она не нуждается и въ помощи внѣ артельного капитала, такъ какъ одного артельного, даже въ очень скромныхъ размѣрахъ, обыкновенно вполне достаточно, а рыболовныхъ и лѣсныхъ угодій, совершенно свободныхъ и доступныхъ для каждого желающаго, болѣе чѣмъ достаточно. Наконецъ, за отсутствіемъ рынковъ съ большимъ спросомъ, исчезаетъ серьезная побудительная причина къ веденію промысла въ широкихъ размѣрахъ, требующихъ болѣе или менѣе значительныхъ затратъ капитала. И такъ фактъ полного совпаденія въ одномъ лицѣ предпринимателя и производителя является общимъ характернымъ признакомъ рыболовныхъ охотничьихъ и лѣсныхъ артелей. Болѣе детально приложеніе артельного начала къ каждому изъ названныхъ промысловъ, въ связи съ экономикой и техникой послѣднихъ, я надѣюсь выяснитъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Начну съ артелей самыхъ простыхъ, именно рыболовныхъ.

¹⁾ Всѣ встрѣчающіеся въ губерніи промыслы имѣютъ быть всесторонне и подробно описаны въ «Матеріалахъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Енисейской губерніи», которые будутъ изданы по окончаніи предпринятаго министерствомъ государственныхъ имуществъ изслѣдованія въ концѣ 1892 или въ началѣ 93 г. Поэтому я стараюсь быть въ своемъ очеркѣ возможно краткимъ, останавливаясь лишь на типичнѣйшихъ чертахъ описываемыхъ артелей.

Ловля рыбы въ Енисеѣ производится главнымъ образомъ неводами; при этомъ способы ловли—артели обязательны. Также и ловля сѣтями производится большею частію артелями. Что же касается такъ называемыхъ переметовъ, самолововъ, животниковъ и мордъ, то въ данномъ случаѣ предлагается форма труда единичнаго или чаще семейнаго. Численный составъ артелей, размѣры паевыхъ взносовъ, взаимныя отношенія артельщиковъ, наконецъ, продолжительность существованія артели опредѣляются способомъ ловли—неводомъ или сѣтью. При ловлѣ неводомъ въ артель «сшиваются» 4—6 и до 10 пайщиковъ, которые и принимаютъ обязательное участіе во всѣхъ артельныхъ работахъ. Основнымъ капиталомъ такой артели является общій неводъ, составленный или «сшитый» изъ отдѣльныхъ паевъ артельщиковъ. Каждый пай представляется въ видѣ невода длиною отъ 6 до 10 сажень и шириною или вышиною отъ 2 до 3 арш.; всѣ пай въ артели подбираются приблизительно равные по длинѣ и вышинѣ; послѣднее условіе необходимо, меньшая-же длина паеваго невода сравнительно съ другими можетъ уравниваться его лучшимъ качествомъ, большею прочностію, новизною и т. п. Такимъ образомъ, длина всего артельного невода простирается отъ 30 до 100 сажень. На одной квадратной сажени невода умѣщается отъ 2 и до $3\frac{1}{2}$ тысячъ ячеекъ. Плетутся невода большею частію своими-же семейскими бабамъ-старухами, да дѣтьми; если нанимаютъ, то платятъ отъ 20 до 30 коп. съ «ручной» сажени изъ хозяйскаго матеріала («мотауза»), но на своихъ харчахъ. На пай длиною въ 10 «печатныхъ», т. е. мѣрныхъ сажень, уходитъ около 15 ручныхъ сажень невода, не насаженнаго на тетиву. Двѣ тетивы, нижняя и верхняя, обходятся около 1 руб., столько-же, приблизительно, стоитъ насадить неводъ и прикрѣпить наплавъ и кибася. Наплавъ и кибася привязываются первый сверху, второй снизу черезъ каждыя 15—20 ячей длины невода. Мотаузы изъ конопли обходятся въ 3—4 и 5 руб., смотря по добротности матеріала. Вполнѣ готовый

пай стоитъ, стало-быть, отъ 8 до 10 руб., а стоимость всего артельного невода доходить до 100 руб.

Сшиваются въ артель, какъ сказано было, вполне готовыми, цѣлыми и надежными неводами. Отвѣтственность каждого члена артели за свой пай невода выражается въ томъ, что въ случаѣ какой-либо порчи онъ долженъ произвести ремонтъ за свой, а не за артельный счетъ. Вообще артель никогда не отвѣчаетъ взаимной круговой порукѣ передъ отдѣльнымъ пайщикомъ за цѣлость артельного капитала. Этотъ фактъ обуславливается, вѣроятно, тѣмъ, что серьезныхъ поврежденій не бываетъ почти никогда, а въ случаѣ какого-либо несчастія, послѣднее ложится почти въ одинаковой мѣрѣ на каждого изъ артельщиковъ.

Кромѣ невода, необходимою принадлежностью неводьбы является лодка. Если въ неводѣ паевъ 6, то, обыкновенно, достаточно бываетъ одной лодки, если ихъ больше, то 2. Лодки употребляются долбленные, длиною до 3—4 сажений и шириною на серединѣ въ 6—10 четвертей. Такая лодка обходится отъ 5 до 10 руб. и, безъ особыхъ затратъ на ремонтъ, можетъ служить отъ 3 до 5 лѣтъ. Лодку имѣетъ почти каждый хозяинъ-рыбакъ. Поэтому для дѣйствій артели выбираются такія изъ принадлежащихъ членамъ ея лодки, которыя окажутся лучшими въ смыслѣ прочности и вмѣстительности. Владѣлецъ лодки не пользуется сравнительно съ другими пайщиками рѣшительно никакими преимуществами; это потому, что лодка окупаетъ свою стоимость удовлетвореніемъ множества другихъ потребностей прирѣчныхъ жителей, помимо неводьбы; но въ случаѣ поврежденія ея ремонтъ или покупка новой производится на счетъ всей артели, такъ что лодка является единственной составной частью основнаго артельного капитала, цѣнность котораго гарантируется круговою порукой.

Неводьба начинается въ концѣ августа, обыкновенно съ Иванова дня, и продолжается вплоть до рѣжкова, мѣ-

сяца 1¹/₂—2. Неводятъ немного и въ началѣ мая со спадомъ весенней воды, но именно осенью производится настоящій ловъ: въ это время Енисей сильно мелѣетъ, особенно у береговъ, и тогда, по выраженію крестьянъ, — «рыба просто коннами на днѣ ходить, хоть руками ее въ кучи загребай, словно какъ пьяная шатается.» Передъ наступленіемъ этого времени хозяева-рыбаки, имѣющіе въ исправности рыболовную снасть, и начинаютъ сшиваться въ артели, подбирая товарищей. Если предвидится хорошій уловъ, то численный составъ артелей достигаетъ максимума; въ противномъ случаѣ стараются, чтобы артели были небольшія, такъ какъ тогда и въ малый и въ большой неводъ рыба попадаетъ одинаково, а потеря времени и труда съ большимъ неводомъ не пропорціонально больше. Постоянныя артели встрѣчаются, однако, лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, и личный составъ ихъ мѣняется ежегодно. Но въ теченіи рыболовнаго сезона участники выходятъ изъ артели только въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, — при явной недобросовѣстности кого-либо изъ артельщиковъ, дающей поводъ къ крупнымъ ссорамъ или при физической невозможности, вслѣдствіе, напримѣръ, болѣзни, принимаетъ дальнѣйшее участіе въ артельныхъ операціяхъ.

Рыба идетъ въ невода лучше всего въ ночное время. Поэтому на ловъ выѣзжаютъ всей артелью подъ вечеръ, въ сопровожденіи стариковъ, подростковъ и бабъ, которые, пугая рыбу пѣснями и крикомъ, помогаютъ въ тоже время тянуть неводъ и получаютъ за это нѣкоторую небольшую долю въ артельныхъ барышахъ. Большей-же частью артельщикамъ помогаютъ свои семейскіе. Въ теченіи 1—2 часовъ закидываютъ неводъ 3—4 раза, вытягивая его каждый разъ на выступающіе изъ воды откосы и складывая рыбу въ лодки. Если ловъ удачный, то, тутъ-же на берегу, раскладываютъ костеръ, стягомъ убиваютъ крупную рыбу, варятъ уху и вообще устраиваютъ довольно фантастическій ночной пиръ, нерѣдко оканчивающійся повальнымъ пьянствомъ; ссоры

и даже драки въ такихъ случаяхъ являются почти постоянными спутниками тутъ-же происходящаго дѣлежа добытой рыбы; крупная, цѣнная рыба дѣлится поштучно, мелкая — ведрами или котелками.

Съ окончаніемъ дѣлежа рыбы прекращаются и артельные отношенія; соленіе и продажа производятся уже каждымъ пайщикомъ вполне отъ артели независимо, иначе говоря — артельная добыча раздѣляется натурой, а не вырученными за нея деньгами; хотя крестьяне рыбаки и признають, что послѣдній способъ дѣлежа болѣе правильный въ смыслѣ соотвѣтствія цѣлямъ артельной организаціи, но не осуществляютъ его потому, что, во-1-хъ, трудно услѣдить за выручкой отъ продажи, производящейся болѣею частью по мелочамъ въ теченіи всего года, а главное потому, что изрядная доля улова идетъ на личное потребленіе; послѣднее имѣло мѣсто особенно встарину, когда во многихъ селеніяхъ рыболовство не только конкурировало съ земледѣліемъ и скотоводствомъ, но являлось даже единственнымъ промысломъ населенія; за отсутствіемъ рынковъ, часть добычи шла на домашнее потребленіе непосредственно, а другая — вымѣнивалась на хлѣбъ, мясо и проч. Теперь-же, съ развитіемъ городовъ и приисковъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить факты, намекающіе на существованіе въ былое время такого мѣноваго торговаго. Впрочемъ, въ бесплодныхъ тундрахъ сѣвера губерніи и до сихъ поръ имѣетъ мѣсто среди кочующихъ аборигеновъ — инородцевъ, именно обмѣнъ рыбы натурою на разные предметы, необходимые въ ихъ убогомъ хозяйствѣ.

И такъ, при ловлѣ рыбы неводами артель имѣетъ мѣсто въ простѣйшемъ своемъ видѣ: здѣсь не требуется ни особаго умѣнья или навыка, не требуется большихъ затратъ капитала, не приходится также отрываться отъ обычныхъ текущихъ работъ на продолжительное время. Ловъ происходитъ вблизи селенія и запасовъ поэтому никакихъ не требуется. Наконецъ, и само населеніе не придаетъ неводобѣ

серьезнаго значенія въ смыслѣ подспорья въ своемъ хозяйственномъ бюджетѣ. Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляется ловъ рыбы большими наплавными сѣтями, — «трехстѣнками»¹⁾. Простыя сѣти одностѣнки, такъ называемыя «ставновыя» или «ставныя», ставятся каждымъ отъ себя; въ рѣдкихъ случаяхъ составляется артель не болѣе, какъ изъ 2 человекъ. Такія сѣти устанавливаются на глубокихъ мѣстахъ, въ большую воду, главнымъ образомъ около Петрова дня; на днѣ онѣ укрѣпляются камнями, на поверхности же выходитъ бичева, прикрѣпленная къ наплавку. Поставленная вечеромъ, сѣть утромъ вытягивается въ лодку; всѣ эти операціи съ успѣхомъ выполняются однимъ человекомъ или вѣрнѣе — одной семьей. «Съ наплыва» ставными одностѣнками ловятъ рѣдко; тогда образуется артель изъ 3—4—5 человекъ, которые спиваются своими сѣтями, и этотъ способъ въ отношеніи организаціи осуществляющихъ его артелей ничѣмъ не отличается отъ неводьбы.

Ловъ одностѣнными сѣтями производится въ Енисеѣ; съ наплыва ловить здѣсь неудобно, такъ какъ отмели, косы, острова образуютъ множество извилинъ и «задѣвовъ»: «далеко съ сѣтью тутъ не уйдешь». Но по большимъ притокамъ Енисея, широкимъ спокойнымъ и многоводнымъ ловятъ исключительно наплавными трехстѣнками; въ этомъ случаѣ артель получаетъ довольно сложную и твердо установившуюся организацію, и здѣсь артельное начало достигаетъ высокой степени совершенства.

Особенно типичными артелями этого рода являются артели, промышляющія по р. Манѣ, впадающей въ Енисей въ 20 верстахъ отъ города Красноярска. Мана, образуя множество извилинъ, течетъ по первобытной глухой тайгѣ, и на всемъ протяженіи ея теченія — около 500 верстъ —

¹⁾ Я оставляю въ сторонѣ тѣ способы ловли, которые происходятъ, обыкновенно, внѣ артелей, какъ то: самоловами, переметами, животниками, мордами, хотя и эти способы служатъ для отдѣльныхъ хозяйствъ довольно важнымъ подспорьемъ, даже болѣе важнымъ, чѣмъ неводьба.

нѣтъ ни одного населеннаго пункта. Почти весь Красноярскій округъ съ городомъ включительно строится и отапливается добываемымъ и сплавляемымъ по Манѣ лѣсомъ; почти вся появляющаяся на красноярскомъ рынкѣ рыба промышляется на Манѣ. Правда и въ другихъ притокахъ Енисея рыбы ловится немало; но только рыба, добытая на Манѣ, имѣетъ сравнительно крупный сбытъ въ губернскомъ городѣ, и поэтому здѣсь населеніе относится къ промыслу гораздо серьезнѣе, выработавъ и болѣе совершенныя формы приложенія артельного труда.

Для ловли рыбы въ Манѣ употребляется, какъ сказано выше, большая сѣть, называемая трехстѣнкой. Такая сѣть, вышиною въ 2—2¹/₂ арш., составляется изъ трехъ параллельныхъ полотень, одного внутренняго съ мелкими ячейми и двухъ наружныхъ съ ячейми, настолько крупными, что рыба свободно можетъ проходить въ нихъ. Рыба, прошедши черезъ одну изъ наружныхъ сѣтей, ударяется во внутреннюю «частушку», увлекаетъ часть ее за собою, вмѣстѣ съ нею проходитъ въ одну изъ ячей другой наружной сѣти и здѣсь застрѣвается въ образовавшемся, такимъ образомъ, мѣшкѣ изъ части «частушки», прошедшей вмѣстѣ съ ударившейся въ нее рыбой сквозь вторую наружную сѣть. Двѣ наружныя сѣти — для того, чтобы рыба могла попадать съ обѣихъ сторонъ. Такая трехстѣнка, длиною на пай около 10 сажень, обходится рублей въ 20.

Ловъ сѣтями производится весною въ теченіи 25—30 дней, осенью-же отъ 30 до 45. Это называется полной «сходкой» или «дорогой». Весною ловятъ одной лодкой, и тогда простая артель составляется всего изъ 2-хъ человекъ; дѣло происходитъ такимъ образомъ, что одинъ конецъ сѣти находится въ рукахъ сплывающихъ на лодкѣ двухъ рыбаковъ, а другой прикрѣпляется къ такъ называемому «кресту», увлекаемому силою быстротекущей весенней воды. Осенью-же, со спадомъ воды, оба конца сѣти должны направляться

съ лодокъ, и тогда, слѣдовательно, необходимы 2 лодки и 4 рыбака.

Таковъ обычный численный составъ простыхъ артелей. Но въ большинствѣ случаевъ простыя артели соединяются по нѣскольку въ сложныя. При этомъ самый ловъ всетаки производится парами (людей—весною, лодокъ—осенью), но добыча дѣлится сообща между всеми участниками артели независимо отъ того, много или мало добыто каждой парой въ отдѣльности. Образованіе такихъ сложныхъ артелей объясняется тѣмъ, что въ противномъ случаѣ не связанныя артельными интересами отдѣльныя пары рыбаковъ мѣшаютъ другъ-другу и перѣдко портятъ промыселъ, ссорясь изъ-за хорошихъ мѣстъ; бываетъ и такъ, что между нѣсколькими парами, столкнувшимися у хорошаго плеса, происходятъ серьезныя столкновенія, и плесъ недостается никому. Парамъ-же, состоящимъ въ одной сложной артели, ссориться, конечно, незачѣмъ, Старшаго или руководителя артели, какъ и при неводѣ, не избираютъ, но имъ естественно является наиболѣе опытный, умѣлый и энергичный изъ всего артельного состава.

Основной капиталъ описываемой артели слагается прежде всего изъ сѣтей, а затѣмъ лодокъ. Каждый артельщикъ долженъ имѣть обязательно двѣ сѣти, находящіяся въ полной исправности; одна изъ нихъ является запасной, чтобы въ случаѣ порчи находящейся въ дѣйстви сѣти, требующей большого и продолжительнаго ремонта, промыселъ не останавливался; мелкія-же поправки требуются почти послѣ cadaго наплыва. Кто-либо изъ артельщиковъ, имѣющихъ хорошую лодку, беретъ таковую вмѣсто второй сѣти; но это дѣлается рѣдко, и въ большинствѣ случаевъ за лодку въ пользу ея владѣльца идетъ лишнихъ 1 р. 50—2 руб. за «дорогу»; иногда-же пара лодокъ покупается всей артелью рублей за 5—6, а потомъ лодки продаются, обыкновенно, кому-либо изъ артельщиковъ-же. Кромѣ того берутъ съ собой

острогу, топоръ, веревки и проч., строго слѣдя, чтобы всѣ артельные пайки названнаго мелкаго имущества были по возможности равноцѣнны.

За цѣлость основнаго артельнаго капитала отвѣчаетъ при этомъ способѣ ловли передъ каждымъ найщикомъ вся артель круговой порукой: ремонтъ сѣтей или замѣна новыми въ случаѣ совершенной порчи отъ какого-либо несчастнаго, случая, производится силами и на счетъ всей артели. Въ этомъ отношеніи артельный трудъ неразрывно связывается съ артельной отвѣтственностью.

Путемъ равноцѣнныхъ паевыхъ взносовъ составляется, стало быть, артельный основной или постоянный и запасный капиталы. Такимъ-же путемъ составляется и капиталъ потребительный. Дѣло въ томъ, что такъ какъ рыбачить уѣзжаютъ далеко, иногда за нѣсколько сотъ верстъ, и при томъ на время болѣе или менѣе продолжительное, то является необходимость запастись продовольствіемъ на весь періодъ промысла. Всѣ члены артели берутъ съ собой провизіи въ совершенно равныхъ количествахъ, причемъ на найщика, обыкновенно, полагается по 2 пуд. сухарей, 3—4 ковриги хлѣба, $\frac{1}{4}$ кирпича чаю и $\frac{1}{2}$ пуда соли; кромѣ того, берутъ по 10 ф. муки для варки такъ называемаго «бурдука» родъ киселя, которымъ заливается сваренная рыба. Весь харчъ на найщика стоитъ около 3 руб.

И такъ, въ общемъ итогѣ, размѣры артельнаго капитала при 4 найщикахъ представляются въ слѣдующемъ видѣ: величина основнаго капитала, состоящаго изъ 4-хъ сѣтей, стоимостью каждая въ 18—20 руб., выражается въ 65—80 руб., и столько-же стоятъ 4 другихъ сѣти—запасныхъ; лодки стоятъ 5—6 руб.; столько-же разныя мелкія принадлежности промысла, такъ что вся сумма артельнаго капитала основнаго и запаснаго простирается до 140—170 руб.; къ этому нужно прибавить еще около 12—15 руб. потребительнаго капитала, выраженнаго въ харчахъ. Что касается

оборотнаго капитала или правильнѣе переменнаго, то наличность его въ рыболовныхъ артеляхъ такого рода имѣеть мѣсто лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, напримѣръ, при арендѣ лодки или, что еще рѣже, при наймѣ артелью рабѣтника.

Вся добытая рыба тутъ-же, на мѣстѣ, круто просаливается, за исключеніемъ ленковъ, которые большею частію сплавляются въ садбахъ. Для сплава устраивается артелью-же такъ называемый саликъ—родъ небольшого плота, состоящаго изъ 10—12 крупныхъ еловыхъ или сосновыхъ деревьевъ и поднимающаго рыбы до 100 пудовъ; въ этомъ-же саликѣ сколачивается особый ящикъ, служащій садкомъ. Приплавленный саликъ артелью-же распиливается на дрова, которыя продаются въ городѣ или-же поровну дѣлятся между артельщиками. Изъ одного салика дровъ выходитъ около 7—8 сажени, а обычная цѣна сажени въ городѣ 1 р. 40—1 р. 50 коп.

Просоленная рыба только въ рѣдкихъ случаяхъ сплавляется въ городъ немедленно, гдѣ продается или въ розницу на базарахъ, или, чаще, гуртомъ мѣстнымъ прасоламъ; но такъ поступаютъ лишь бѣдные артели, при настоятельной потребности въ деньгахъ. Въ огромномъ-же большинствѣ случаевъ выжидаютъ зимы, когда стоятъ болѣе высокія цѣны. Тогда вся добыча поступаетъ къ одному или двумъ найщикамъ, извѣстнымъ своей опытностью и честностью, и они уже продаютъ рыбу въ удобное время, получая за потраченный трудъ нѣкоторое вознагражденіе изъ артельной выручки; вообще-же вся выручка дѣлится между всѣми членами, какъ простой, такъ и сложной артели поровну. Съ дѣлежемъ выручки прекращаются и артельные отношенія.

Сопоставленіе артелей, занимающихся рыболовствомъ посредствомъ невода, съ артелями, промышляющими рыбу наплавными сѣтями, прежде всего приводитъ къ выводу, что вторыя значительно совершеннѣе первыхъ. И дѣйствительно,

не говоря уже о многихъ преимуществахъ въ деталяхъ ихъ обычнаго артельного устава, нельзя не подчеркнуть, что принципъ общности артельныхъ интересовъ здѣсь гораздо тверже и сознание этой общности гораздо выше. При неводьбѣ рыбу дѣлятъ натурой, во время дѣлежа пайщики нерѣдко ссорятся, бранятся и даже дерутся; во взаимныя отношенія пайщиковъ прокрадывается подозрительность, недовѣріе, недобросовѣтность, личный составъ артелей постоянно мѣняется, наконецъ, принципъ круговой артельной поруки почти не прилагается вовсе. Совсѣмъ въ иномъ видѣ всегда представляются взаимныя отношенія участниковъ артелей второго рода: во-первыхъ, личный составъ ихъ остается безъ измѣненій по-много лѣтъ, и только серьезныя перемѣны въ жизни кого-либо изъ пайщиковъ заставляютъ его разстаться со своими исконными товарищами; далѣе, принципъ круговой отвѣтственности всей артели передъ каждымъ пайщикомъ за его имущество примѣняется въ полной силѣ; наконецъ, безусловное и полное взаимное довѣріе лежитъ въ основѣ всѣхъ артельныхъ операций, начиная съ выѣзда на промыселъ и кончая дѣлежомъ выручки.

Такія существенныя различія въ организаціи рыболовныхъ артелей того и другого рода легко объясняются, съ одной стороны, экономическими условіями, вызывающими промыселъ, съ другой—и самымъ способомъ его веденія. Неводами въ значительной степени для себя; сбывать рыбу въ очень большихъ количествахъ некуда; въ огромномъ большинствѣ случаевъ неводятъ только потому, что рѣка близко, подъ руками и рыбы въ ней много—«хоть руками хватай». Съ наплавной-же сѣтью приходится забѣжать дремучей тайгой за нѣсколько сотъ верстъ, проводить въ дорогѣ 1—1½ мѣсяца, сплывать затѣмъ по рѣкѣ на утломъ саликѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней, нерѣдко въ холодную осеннюю непогоду. Конечно, не съ цѣлью забавы выѣзжаютъ рыбаки на промыселъ, поставленный въ такія тяжелыя условія, и важное значеніе его, какъ подспорья въ хозяйствѣ крестьянъ,

особенно крестьянъ малоземельныхъ селеній, заставляетъ промышленниковъ относиться къ нему съ большою серьезностью и уваженіемъ. Съ другой стороны, вслѣдствіе сравнительной ограниченности хорошихъ плесовъ и сильной конкуренціи множества выплывающихъ сюда артелей, полное согласіе, довѣріе и дружныя дѣйствія членовъ каждой отдѣльной артели являются необходимыми условіями удачнаго лова.

Еще большей точностью и выработанностью отличается уставъ *охотничьихъ артелей*.

Охота и звѣроловство во многихъ мѣстностяхъ губерніи, особенно среди инородцевъ Минусинскаго округа, еще не такъ давно были исключительнымъ промысломъ населенія. Земледѣліе лишь медленными шагами проникало въ таежную глушь, и кое-гдѣ помнятъ еще то время, когда соха выдерживала борьбу съ ручной «копарулей», которой инородцы и до сихъ поръ продолжаютъ добывать себѣ въ пищу «кандыкъ» и саранку. Съ незапамятныхъ временъ охота производится артелями; другой формы организаціи этого промысла не знаютъ. Артельный-же уставъ охотниковъ, имѣющій всюду въ своемъ основаніи одинаковые принципы, въ деталяхъ, однако, варьируется сообразно мѣсту, времени и роду охоты.

Рѣка и ея притоки являются вообще единственными путями, которыми можно проникнуть въ тайгу. Почти каждая небольшая таежная рѣчка, впадающая въ большую рѣку, съ прилежащимъ къ ней лѣснымъ райономъ служитъ мѣстомъ охоты для какой-нибудь артели, обыкновенно, по праву перваго захвата. Это право освящено обычаемъ, поддерживается очень строго, и нарушенія его имѣютъ мѣсто лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, не смотря на множество охотящихся артелей не только изъ разныхъ селеній и волостей, но даже изъ разныхъ округовъ.

Если въ районѣ охоты приходится дѣлать какія-либо болѣе или менѣе капитальныя сооруженія; въ видѣ, наприкладъ, искусственныхъ солонцовъ для ловли изюбря, и вооб-

ще—разныхъ ловушекъ, то право артели на захваченныя мѣста сохраняется до тѣхъ поръ, пока сооруженія эти поддерживаются, иногда—въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и даже передается по наслѣдству. Въ другихъ-же мѣстахъ право захвата прекращается съ прекращеніемъ періода охоты.

Артели въ большинствѣ случаевъ стары; съ полнымъ или временнымъ выходомъ изъ состава найщиковъ кого-либо изъ членовъ, послѣдній замѣняется съ согласія артели другимъ, причемъ, обыкновенно, сынъ замѣщаетъ отца, братъ брата и т. п. Рѣдкіе случаи возникновенія новыхъ артелей происходятъ большею частію такимъ образомъ, что какой-нибудь отдѣлившійся отъ старой артели опытный, хорошій охотникъ одинъ или вдвоемъ съ товарищемъ захватываетъ еще никѣмъ не занятое или давно брошенное охотничье угодье, устраиваетъ въ его предѣлахъ нѣсколько ловушекъ или искусственный солонецъ и приглашаетъ затѣмъ еще нѣсколькихъ товарищей; при-этомъ, за потраченный трудъ по пріисканію мѣста и по устройству охотничьихъ сооруженій онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ получаетъ небольшое вознагражденіе съ прочихъ артельщиковъ въ видѣ нѣкоторой надбавки при первомъ дѣлежѣ добычи; но гораздо чаще дѣло ограничивается угощеніемъ. Случаи полного распаденія артелей еще рѣже; чуть-ли не единственной причиной такихъ случаевъ является сильное уменьшеніе, иногда даже исчезновеніе въ предѣлахъ захваченнаго артелью лѣсного угодья болѣе цѣннаго звѣря; тогда найщикамъ приходится или сообща отыскивать новое, или-же разойтись по другимъ артелямъ. Опытный охотникъ, извѣстный своей ловкостью и искусствомъ въ стрѣльбѣ, всегда можетъ рассчитывать, что его охотно примутъ въ любую артель, даже безъ всякаго имущественнаго паевого взноса; въ охотничьихъ артеляхъ наиболѣе цѣнный взносъ это именно искусство и ловкость; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что старинныя артели, пользующіяся по праву захвата прекрасными звѣроловными

мѣстами, имѣющія также много довольно цѣнныхъ сооруже-
ній въ видѣ всевозможныхъ ловушекъ, принимаютъ въ свою
среду товарищемъ человѣка, неимѣющаго рѣшительно ничего,
кромѣ старой винтовки, мѣткаго глаза и твердой руки; не-
рѣдко даже такого охотника снабжаютъ товарищи на первое
время порохомъ и свинцомъ.

Каждая артель всегда имѣетъ во главѣ наиболѣе опыт-
наго изъ своихъ членовъ, который обыкновенно называется
«старшимъ» или артельнымъ атаманомъ. Распоряженіямъ
этого атамана всѣ артельщики подчиняются безпрекословно.
Зная хорошо способности каждаго участника, атаманъ поль-
зуется ими сообразно обстоятельствамъ съ меньшей для
артели выгодой; однимъ, напримѣръ, онъ назначаетъ ставить
ловушки, другимъ караулить звѣря съ ружьемъ; одни охо-
тятся ночью, другіе днемъ; болѣе смѣлые идутъ на медвѣдя,
болѣе искусные на изюбря. Ни зависти, ни споровъ, ни пре-
реканій распоряженія атамана не вызываютъ почти никогда.

Артелей, промысляющихъ специально одного какого-либо
звѣря, нѣтъ: одна и таже артель промысляетъ и козу, оленя,
лося, изюбря (по мѣстному — «сынъ»), медвѣдя и разнообраз-
ную пушнину, какъ-то: соболя, лисицу, выдру, колонка и
бѣлку.

Наиболѣе прибыльной является удачная охота на изюбрей,
требующая, однако, большого искусства, терпѣнія и ловко-
сти. Собственно въ изюбряхъ цѣнятся рога, называемые «пан-
тами», которые сбываются китайцамъ по высокой цѣнѣ —
отъ 30 и до 150 руб. за пару, смотря по ихъ величинѣ
или правильнѣе — вѣсу. Изъ этихъ роговъ китайцы выдѣ-
лываютъ какой-то возбуждающій препаратъ, но способъ его
приготовленія, равно какъ и цѣль покупки держатъ въ стро-
гомъ секретѣ, такъ что даже сами охотники въ большин-
ствѣ случаевъ ничего объ этой цѣли не знаютъ. Охотятся на
изюбря съ 15 іюня и до 8—10 іюля, такъ какъ рога его
цѣнны только въ это время, именно, когда они достигли уже
достаточной величины, но не успѣли еще окостенѣть; око-

стенѣвшіе рога теряютъ всякую цѣнность и во множествѣ валяются по тайгѣ, никѣмъ даже не подбираемые.

Изюбрь — звѣрь въ высшей степени чуткій, ловкій и осторожный. Застать его врасплохъ можно только на утренней зорѣ, когда онъ приходитъ къ рѣчкѣ напиться или поѣсть водорослей, или-же ночью, когда онъ появляется на солонцахъ, съ цѣлью полакомиться. Обыкновенно, артель, отправившаяся на изюбры, имѣетъ на правахъ захвата свои солонцы, гдѣ ставить засѣдки и наблюдаетъ за звѣремъ по его слѣдамъ; въ тоже время она выслѣживаетъ его у береговъ рѣки. Артель, пріѣхавшая на мѣсто охоты и состоящая изъ 6 человекъ, по распредѣленію атамана, раздѣляется на три пары; одна остается на мѣстѣ, другая подымается по рѣкѣ вверхъ, третья сплываетъ внизъ. Въ каждой парѣ одинъ гребетъ, а другой, болѣе искусный въ стрѣльбѣ, ожидаетъ звѣря съ ружьемъ. Проплывъ утреннюю зорю, къ полудню сплываются; затѣмъ, въ теченіи дня производятъ развѣдки, гдѣ показывался звѣрь, и къ полуночи раздѣляются снова. Такъ продолжается изъ дня въ день во весь періодъ охоты. Если убьютъ звѣря, то, выпотрошивъ его и приготовивъ небольшой саликъ, немедленно сплавляютъ добычу съ кѣмъ-нибудь изъ участниковъ артели, такъ какъ мясо изюбры, а также и лося, на котораго охотятся одновременно и одинаково съ изюбремъ, — употребляется въ пищу; при цѣнѣ мяса въ 2 руб. за пудъ и при количествѣ его въ 10—12 пудовъ отъ одной головы звѣря, — оно составляетъ изрядную доходную статью.

Во все время описываемой охоты, участники артели поочередно отправляются осматривать занятые ими солонцы. Если найдутъ слѣдъ, то кто-нибудь изъ лучшихъ стрѣлковъ, по назначенію атамана, садится, въ засѣдку и выжидаетъ въ теченіи ночи появленія звѣря. Если вблизи естественныхъ солонцовъ нѣтъ, то очень нерѣдко артелью устраиваются солонцы искусственные. Съ этой цѣлью выбираютъ небольшую луговинку, окруженную старымъ высокимъ и

густымъ хвойнымъ лѣсомъ; на поверхности этой луговинки кольями протыкають множество небольшихъ ямокъ въ разстояніи одна отъ другой около $\frac{1}{4}$ арш. и менѣе. Всѣ ямки засыпають обыкновенной поваренной солью и сверху забрасываютъ камнями, хворостомъ и пр.; около засоленной мѣстности устраивають засѣдку, и солонецъ готовъ; охотятся на такомъ солонцѣ совершенно также, какъ и на естественномъ. Солонецъ является исключительной собственностію устроившей его артели.

Въ такомъ видѣ представляется организація артельной охоты на изюбря, также на лося, оленя. Ружьемъ быють еще медвѣдя и козу. Но спеціально на этого звѣря не ходятъ; его быють во время охоты за другимъ звѣремъ по соглашенію членовъ артели и по назначенію старшаго. Козу быють, обыкновенно, случайно, при встрѣчѣ съ ней, или напавши на ея слѣдъ; медвѣдя-же или при встрѣчѣ съ нимъ, что бываетъ весною и лѣтомъ, когда медвѣдь не лежитъ въ берлогѣ, или-же съ 1-хъ чиселъ сентября добываютъ его изъ берлоги. Для этого, найдя берлогу, сначала заламываютъ ее приготовленными стягами, а затѣмъ глушатъ медвѣдя дымомъ, раскладывая у выходнаго отверстія берлоги костеръ изъ гнилыхъ сучьевъ и пней. Чаще всего медвѣдь погибаетъ отъ этого дыма; а если онъ высовываетъ голову съ цѣлью выскочить, то его стрѣляютъ и быють топорами. Рогатинъ здѣсь, кажется, не употребляютъ нигдѣ.

За пушными звѣрями отправляются съ осени и промысляютъ ихъ въ теченіи почти всей зимы. Ружье употребляется въ данномъ случаѣ рѣдко, а больше добываютъ пушнину путемъ множества самыхъ разнообразныхъ ловушекъ. Такъ, на бѣлку ставятъ плашки, нѣкоторыя артели такихъ плашекъ наставляютъ по нѣсколько сотъ. Соболя ловятъ сѣтью, которая является довольно цѣннымъ артельнымъ сооруженіемъ; длина такой сѣти доходитъ до 30—40 сажень, а вышина, обыкновенно, въ 1 сажень; она также, какъ рыболовная, насаживается на 2 тетивы (верхнюю и нижнюю);

ея стоимость и способъ устройства почти одинаковы съ рыболовной. Опредѣливши по слѣдамъ мѣсто, гдѣ спрятался соболь — въ дупло-ли, подъ корни или въ камни, окружаютъ это мѣсто сѣтью, установленной на палкахъ; затѣмъ, выгоняютъ звѣря палкой-же или дымомъ. На колонка ставятъ особаго рода лукъ, приспособленный такъ, что тетива придавливаетъ звѣрька, схватившаго приманку (рыбу или масло). Для ловли кабарги ¹⁾, устраиваютъ по хребту невысокій заборъ съ нѣсколькими воротцами, а въ воротцахъ растягиваютъ петли; кабарга, желая проскочить которыя-нибудь изъ этихъ воротцевъ, попадаетъ въ петлю. Такихъ орудій и способовъ ловли очень много; но эти орудія являются всегда собственностью всей артели, и при осуществленіи любого способа охоты артель всегда дѣйствуетъ съ удивительнымъ единодушіемъ и солидарностію.

Помимо различныхъ орудій ловли, артельной собственностью являются еще устраиваемыя на время зимней охоты избушки. Такую избушку артель въ 4—6 человекъ ставитъ изъ тутъ-же въ тайгѣ, вырубленнаго лѣса въ 3—4 дня; назначеніе ея — служить пріютомъ во время стужи и непогоды. Устраивается она на манеръ черной бани, отапливается простой каменкой, покрывается землей. При переходѣ на другое мѣсто избушка бросается и занять ее можетъ всякій. Вообще-же пріютъ въ ней доступенъ всякому: войти сюда, обогрѣться и переночевать можетъ не только свой-же братъ охотникъ, но и бродяга и бѣглый каторжный; послѣдніе могутъ быть увѣрены, что ихъ никто не спроситъ объ имени или цѣли путешествія: условія сибирской жизни уже давно выработали въ мѣстныхъ жителяхъ привычку не быть любопытными и не задавать бесполезныхъ вопросовъ.

И такъ, если слѣдить за судьбой охотничьей артели съ момента ея возникновенія, то прежде всего слѣдуетъ от-

¹⁾ Родъ дикой козы; въ ней цѣнится такъ назыв. «струя», которая покупается китайцами съ той-же цѣлью, какъ и рога изюбря.

мѣтитъ, что для образованія такой артели имущественныхъ паевыхъ взносов не требуется никакихъ: достаточны лишь опытность, навыкъ, а также извѣстная добросовѣстность. Артельный капиталъ, достигающій иногда, какъ мы видѣли выше, довольно значительныхъ размѣровъ и выражающійся преимущественно въ различныхъ орудіяхъ промысла, составляется, обыкновенно, уже послѣ образованія артели, путемъ совокупной работы всѣхъ членовъ ея и является ея нераздѣльною собственностью. Въ случаѣ совершеннаго оставленія артели кѣмъ-либо изъ пайщиковъ, послѣдній не получаетъ никакого имущественнаго эквивалента за потраченный имъ трудъ на общія капитальныя сооруженія, причемъ въ данномъ случаѣ безразлично, выйдетъ-ли онъ по доброй волѣ или по нежеланію товарищей имѣть его въ своей средѣ. Такой порядокъ вполне понятенъ, если вспомнить, что каждый охотникъ, пользующійся хорошей репутаціей, можетъ быть вполне увѣренъ, что будетъ принятъ въ любую артель также безъ всякаго имущественнаго взноса. Но если большая артель дѣлится на 2 или на 3 новыя, то вмѣстѣ съ этимъ раздѣляется и все артельное имущество на части совершенно равныя. Личнымъ, но въ тоже время безусловно необходимымъ для общихъ артельныхъ дѣйствій постояннымъ капиталомъ каждого пайщика является его ружье; оно приобрѣтается и ремонтируется на личные средства каждого члена артели, является его неотъемлемой собственностью и стоитъ совершенно внѣ всякой артельной регламентаціи, за исключеніемъ развѣ относимыхъ къ нему похвалъ или порицаній товарищей. Порохъ и свинецъ являются переменнымъ капиталомъ, также личнымъ и не подлежащимъ имущественному артельному контролю¹⁾; предполагается только нравственное обязательство каждого члена артели имѣть того и другого въ достаточномъ количествѣ: не имѣя въ исправности ружья и достаточно пороха и свинца, ни одинъ охотникъ никогда и не выйдетъ на промыселъ.

¹⁾ На пуляхъ многіе охотники ставятъ даже свои мѣтки.

Потребительнымъ капиталомъ служатъ съѣстные припасы, которые артель беретъ съ собою, на промыселъ; составляется онъ такъ-же, какъ и въ рыболовныхъ артеляхъ, путемъ равныхъ взносовъ натурою. Затѣмъ все припасы соединяются въ одно и поступаютъ въ распоряженіе старшаго. Бдѣть, конечно, уже все вмѣстѣ, не разбирая, кто что принесъ. Если артель въ интересахъ охоты раздѣляется на нѣсколько партій, то пропорціонально количественному составу послѣднихъ и предполагаемой продолжительности ихъ дѣйствій въ розницу выдается имъ и провіантъ. Отъ времени до времени кто-нибудь изъ охотниковъ отдѣляется, не иначе какъ по распоряженію старшаго, пострѣлять «снѣдной» дичи. У инородцевъ солидарность членовъ артели и взаимное довѣріе простирается до того, что, отправляясь на промыселъ, охотники берутъ припасы не въ опредѣленномъ одинаковомъ количествѣ, а кто что имѣетъ и сколько можетъ взять: здѣсь все старые надежные товарищи, всегда готовые оказать другъ-другу взаимную поддержку всею, чѣмъ только могутъ. Наконецъ, кромѣ оружія и съѣстныхъ припасовъ берутъ съ собою различныя мелкія хозяйственныя принадлежности, какъ-то: котелки, топоры, веревки, деготь, смолу и проч.

Чтобы дойти до мѣста промысла приходится въ большинствѣ случаевъ совершить довольно продолжительный путь, нерѣдко—до 6—8 дней. Если отправляются на лѣтнюю охоту, то заѣзжаютъ на коняхъ, которые немедленно-же по прибытіи уводятся домой сопровождавшими артель подростками. Въ теченіи охоты добыча сплавляется, такъ какъ промыселъ происходитъ почти всегда вблизи сплавной рѣки. Если-же отправляются зимою на соболиные промысла, то лошадей (съ санями и проводниками) нанимаютъ до мѣста, гдѣ прекращается санный путь. Для наемки артель устраиваетъ складчину. Обратно идутъ пѣшкомъ, а для добычи, оружія, одежды и проч. устраиваютъ узкія, длинныя сани, очень легкія, на широкихъ полозьяхъ, чтобы онѣ шли по-верхъ снѣга (въ родѣ тѣхъ, какія устраиваютъ, напримѣръ,

чукчи для ѣзды на собакахъ, только еще легче и меньше); эти сани инородцы называютъ нартами. Сами-же охотники идутъ въ это время на лыжахъ, таща за собою нарты.

Кромѣ полноправныхъ членовъ артели, въ охотѣ принимаютъ нѣкоторое участіе подростки и молодые парни, безъ права, однако, на долю въ артельныхъ барышахъ. Только за какія-нибудь необходимыя или особенно полезныя для артели дѣйствія они могутъ разсчитывать на нѣкоторое вознагражденіе по соглашенію всѣхъ пайщиковъ и по ихъ усмотрѣнію. Эти подростки и парни почти всегда являются ближайшими родственниками участниковъ охоты, ихъ сыновьями или братьями. Помощь артели и участіе въ ея дѣйствіяхъ служить для нихъ прекрасной промысловой школой, изъ которой они выходятъ опытными охотниками и хорошими товарищами.

Дѣлится между членами охотничьихъ артелей не самая добыча, а денежная отъ продажи ея выручка. Исключеніе составляетъ только мясо сѣдлыхъ звѣрей — козы, лося, изюбра, которое дѣлится по вѣсу, такъ какъ частью идетъ на личное потребленіе охотника и его семьи, а частью по мелочамъ сбывается. Рога-же и шкуры продаются избраннымъ для этой цѣли пайщикамъ, обыкновенно, — старшимъ; за хлопоты и труды послѣдній получаетъ или небольшую надбавку или-же, чаще, угощеніе по окончаніи дѣла. Продать, конечно, стараются вообще какъ можно выгоднѣе, не торопясь и выжидая цѣны; но почти всегда болѣе или менѣе значительная часть добычи продается, по желанію артели, немедленно, иной разъ даже очень невыгодно съ цѣлью погашенія личныхъ долговъ пайщиковъ и удовлетворенія ихъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей.

Закончивъ описаніе рыболовныхъ и охотничьихъ артелей, я останавлиюсь еще на одной чрезвычайно любопытной формѣ приложенія принциповъ артельного труда, встрѣчающейся, настолько мнѣ извѣстно, только среди артелей, промысляющихъ въ районѣ р. Маны и прилегающей къ ней тайги. Я имѣю въ виду сложныя артели рыболововъ и охот-

никовъ. Выше уже было указано, что нѣсколько рыболовныхъ артелей, промысляющихъ по р. Манѣ, соединяются въ одну сложную артель, причемъ промыселъ ведется каждой изъ нихъ вполне самостоятельно, но добыча дѣлится между всеми участниками сложной артели поровну. Но бывають и такіе случаи, правда довольно рѣдкіе, что двѣ совершенно самостоятельныя артели—одна рыболовная, а другая охотничья—соединяются въ одну, именно—заключаютъ договоръ, что вся добыча обѣихъ артелей въ теченіи опредѣленнаго періода времени будетъ совершенно поровну дѣлиться между всеми ихъ участниками.

Цѣлью простой артели, какъ рыболовной, такъ и охотничьей служить, съ одной стороны, кооперація труда, съ другой—образованіе необходимаго для веденія промысла капитала, превышающаго обычныя средства отдѣльнаго лица; дѣлежъ добычи на равныя по числу участниковъ части является въ данномъ случаѣ естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ приложенія къ веденію промысла артельного труда и капитала. Цѣлью-же сложной артели служить именно то, что является только слѣдствіемъ организаціи артели простой, т. е. дѣлежъ добычи поровну между всеми артельщиками.

Мы видѣли выше, что собственно побуждаетъ рыболовныя пары соединяться въ одну сложную артель. Охотники-же соединяются съ рыболовами въ виду чрезвычайно большихъ колебаній въ доходности того и другого промысла, обусловливаемыхъ чрезвычайно непостояннымъ количествомъ звѣря и рыбы. Бываетъ, напримѣръ, годъ, что охотники не вахвалятся удачей, между тѣмъ какъ рыбаки возвращаются ни съ чѣмъ; но бываетъ и такъ, что рыбаки плывутъ на саликахъ, нагруженныхъ рыбою, а охотники на пустыхъ плоткахъ. Поэтому для очень многихъ промышленниковъ, могущихъ принять участіе какъ въ рыболовной, такъ и въ охотничьей артели, ежегодно является весьма важнымъ вопросомъ, къ какой изъ названныхъ артелей присоединиться угадать тутъ очень трудно, и вотъ 2 разныхъ артели согла-

шаются взаимно другъ передъ другомъ гарантировать легко возможную ошибку въ расчетѣ каждого изъ входящихъ въ ихъ составъ лицъ. Такимъ рѣшеніемъ вопроса устраняются всѣ колебанія и сомнѣнія послѣднихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ устраняется и всякая причина впоследствии пенять на себя за несчастный выборъ.

Само собою разумѣется, что образованіе описаннаго товарищества требуетъ близкаго взаимнаго знакомства между всѣми его членами и полнаго между ними довѣрія. Почти всегда сложная артель и составляется изъ односельчанъ; въ противномъ случаѣ выручка за проданную добычу уже совершенно ускользаетъ изъ подъ общаго контроля заинтересованныхъ въ пей лицъ. Однако, о случаяхъ какихъ-либо недобросовѣстныхъ дѣйствій со стороны тѣхъ членовъ артели, которымъ послѣднія поручаетъ продажу, мнѣ не приходилось слышать рѣшительно нигдѣ.

И такъ, чтобы образовъть рыболовную артель требуется отъ ея участниковъ, главнымъ образомъ, опредѣленные капитальные паевые взносы, необходимые для веденія промысла; умѣніе, искусство, опытность — имѣютъ здѣсь лишь второстепенное значеніе. Отъ членовъ-же охотничьей артели искусство и опытность требуются почти единственно. Но есть—и притомъ во множествѣ—такія артели, гдѣ почти не требуется ни того, ни другого, т. е. ни капитальнаго взноса, ни особаго умѣнья; это именно артели, заготавливающія лѣсной матеріалъ или, какъ ихъ называетъ мѣстное населеніе, артели «лѣсниковъ».

Въ предѣлахъ губерніи нѣтъ ни одной сплавной рѣки, по которой, начиная съ весны и вплоть до рѣбкостава, не плыли-бы въ значительномъ количествѣ плоты строеваго и дровянаго лѣса. Лѣсъ вездѣ находитъ хорошій сбытъ: по Мапѣ его плавятъ на сбытъ въ городѣ, по Тубѣ, отчасти и по Абакану, — на постройку барокъ, по Енисею, Ангартъ, Кану — на удовлетвореніе, главнымъ образомъ, потребностей мѣстныхъ жителей въ строевомъ лѣсѣ и въ топливѣ. Кромѣ

того, жители подгородныхъ селеній всю весну дѣятельно заняты заготовкой дровъ, которые доставляются въ города гужемъ уже по санному пути въ теченіи почти всей долгой зимы. Какъ при славѣ, такъ и при доставкѣ гужемъ, заготовка лѣснаго матеріала производится артелью и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ — семьей.

Лѣсная артель можетъ состоять изъ 2 человекъ, 4, 6 и до 10; вообще численный составъ ея очень измѣнчивый; непостояненъ и личный составъ ея, опредѣляясь болѣею частью случаемъ, такъ-же какъ и при неводьбѣ. Составить лѣсную артель всегда очень легко, такъ какъ ни особаго умѣнья, ни имущественныхъ взносовъ для этого не требуется, а рабочая лошадь, пила и топоръ найдутся почти у каждого хозяина. Лѣсничество является, стало быть, лишь, формой приложенія простаго не квалифицированнаго труда, и поэтому, такъ какъ лѣсъ на корню не стоитъ ничего, весь заработокъ промышляющихъ имъ артелей сводится лишь къ вознагражденію за потраченное рабочее время безъ всякаго вознагражденія за квалификацію труда и за вложенный въ промыселъ капиталъ, какъ въ артеляхъ рыболовныхъ или охотничьихъ. Вслѣдствіе этого занимаются заготовкой лѣсныхъ матеріаловъ только бѣдные домохозяева — захудалые; «хорошій» мужикъ плавить лѣсъ только въ рѣдкихъ случаяхъ какихъ-либо временныхъ затрудненій или какого-либо несчастія, — напримѣръ, — неурожая, потери скота, неудачнаго лова или охоты. Такимъ образомъ, если промыселъ вызывается къ жизни и поддерживается, главнымъ образомъ, обширнымъ спросомъ на разнаго рода лѣсной матеріалъ, то для каждого отдѣльнаго селенія, наоборотъ, имѣютъ значеніе не условія сбыта, а прежде всего внутреннія экономическія причины. Такъ, очень нерѣдко можно встрѣтить два почти рядомъ расположенныя селенія, находящіяся въ совершенно аналогичныхъ условіяхъ сбыта, но различныхъ по размѣрамъ находящихся въ ихъ пользованіи угодій; изъ нихъ одно малоземельное занимается лѣсничествомъ почти пого-

ловно, а въ другомъ, хорошо обезпеченномъ пашней, покосами, пастбищами, — плавять лѣсъ — только нѣсколько человѣкъ. Но и этимъ промысломъ не могутъ заниматься хозяйства наиболѣе бѣдныя, такъ какъ наличность рабочей лошади является здѣсь безусловно необходимой; неизбежная участь такихъ хозяйствъ отдавать членовъ своихъ въ батраки или перебиваться поденными работами.

Дровяной лѣсъ заготавливаютъ, обыкновенно, «на волю», рѣдко по подряду, строевой-же большею частію по подряду. Въ последнемъ случаѣ договоръ на доставку заключаетъ или вся артель, ручаясь взаимной круговой порукой, или-же выборный представитель артели, получающій за хлопоты небольшое вознагражденіе отъ своихъ сотоварищей. Нерѣдко бываетъ и такъ, что кто-нибудь изъ крестьянъ заключить условіе на доставку по собственной инициативѣ и уже затѣмъ подбираетъ себѣ товарищей для выполненія условія; его доли въ артельной выручкѣ, а также всѣ дальнѣйшія артельные отношенія не терпятъ отъ этого ровно никакихъ измѣненій; также и полученный имъ задатокъ раздѣляется поровну между всѣми участниками образовавшейся артели.

На Ману большинство отправляется «лѣсничить» великимъ постомъ, обыкновенно въ февралѣ, пока еще стоитъ хорошая санная дорога. До мѣста заготовки приходится идти 2—3—4 дня; идутъ на лыжахъ. На мѣстѣ промысла живутъ отъ 2 и до 6 недѣль; весь заготовленный лѣсъ подвозятъ къ рѣкѣ и тутъ складываютъ его въ готовые къ сплаву ряды. Къ этому времени дорога начинаетъ уже портиться и тогда тѣмъ-же путемъ возвращаются обратно. Затѣмъ, когда вскрыется рѣка и управятся со сѣвомъ, — обыкновенно къ серединѣ мая, снова на коняхъ отправляются за заготовленнымъ лѣсомъ; коней отсылаютъ съ подростками домой, а сами, связавъ лѣсъ въ плоты, сплавляютъ его внизъ по рѣкѣ. Если лѣсъ заготовлялся по подряду, то его и доставляютъ сейчасъ-же въ условленное мѣсто; если-же на волю, то тогда — «кому какъ: нечего

лѣсъ, такъ прямо въ городъ, а то домой «до зимы», такъ какъ зимою лѣсъ значительно дороже. Май и отчасти іюнь являются главнымъ временемъ плавежа. Но небольшія артели, состоящія изъ 2—3 бѣдныхъ хозяевъ, плаваютъ въ теченіи всего лѣта; нужда заставляетъ ихъ заѣзжать въ тайгу въ необычное время, съ цѣлью нарубить хотя-бы небольшое количество лѣсу, и затѣмъ плыть по обмелѣвшей рѣкѣ въ теченіи 7—10 и даже 12 дней, вмѣсто трехъ-четырехъ нормальныхъ. Нерѣдко плоты такихъ бѣдняковъ замерзаютъ въ осенней шугѣ; тогда, конечно, только и остается, что «котомку на плечи, да и ступай домой пѣшечкомъ», замерзшіе же плоты погибаютъ.

Отъ мѣста заготовки до сплавной рѣки отъ 1 и до 6 верстъ; чѣмъ ниже по рѣкѣ, тѣмъ дальше, такъ какъ лѣсъ тутъ уже вырубленъ. Если заготовка происходитъ зимою, то лѣсъ подвозятъ къ рѣкѣ на саняхъ, укладывая на каждую сани по одной лѣсинѣ. Лѣтомъ-же подъ гору тащатъ на такъ называемыхъ волокушахъ («просто таскомъ, — все равно какъ и зимній ходъ»), а на равныхъ мѣстахъ употребляютъ «медвѣдки»; медвѣдками называются сплошные деревянные круги вершка въ 4 толщиною и вершковъ въ 10—12 въ діаметрѣ; онѣ одѣваются, какъ колеса, на концы толстыхъ 2 аршинныхъ бревенъ; посреди этихъ бревенъ дѣлается выемка, въ которую и укладываютъ лѣсину, привязавъ ее веревкой. Для всѣхъ этихъ операций необходимы лошади, и потому безлошадные въ лѣсные артели не принимаются.

Подвозъ лѣса съ мѣста заготовки къ рѣкѣ является наиболѣе тяжелымъ моментомъ артельныхъ работъ: огромныя бревна въ 10—12 арш. длиною и вершковъ до 10 въ отрубѣ приходится тащить по чрезвычайно неудобной таежной мѣстности, изобилующей косогорами, покрытой ниями и сложеннымъ лѣсомъ. Тутъ идетъ горячая работа всей артели подъ руководствомъ наиболѣе умѣлаго изъ ея членовъ; также дружно работаетъ артель и при связываніи лѣса въ

плоты. Если мѣсто удобное, берегъ низкій, вода тихая, то 2 человѣка сплотятъ плотъ изъ 4—5 звеньевъ (по мѣстному—«ставовъ»), по 20 бревенъ въ каждомъ, въ 1 день. Но нерѣдко приходится сваливать бревна съ берега, вышиною въ нѣсколько сажени, иногда до 10—12, въ бурную воду и вѣтренную погоду; тогда 4 человѣка могутъ провозиться съ однимъ плотомъ до 4 дней. Артелью-же устраиваются «гребя» (по двое на плотъ; обычная длина—4 сажени) и 5—6 жердей, идущихъ на скрѣпленіе плота. Рулей и якорей на плотяхъ не бываетъ; веревочная-же снасть, вѣсомъ фунтовъ въ 30, берется изъ дому. Береть ее, по уговору, кто-нибудь изъ артельщиковъ, а другіе взаимнѣ этого берутъ свои котелки, чайники или деготь, смолу и проч. Сплываетъ съ каждымъ плотомъ не менѣе 2-хъ человѣкъ; но артель до тѣхъ поръ не трогается, пока всѣ плоты не будутъ окончательно устроены и вполне готовы къ пути. Въ рѣдкихъ случаяхъ, если плавить много и далеко, причемъ артельщики на свои силы не надѣются, они сообща нанимаютъ лоцмана съ платою 7—10 руб. за сплавъ. Если-же, наоборотъ, составъ артели сравнительно большой, напримѣръ, человѣкъ 6, а плавить мало, не болѣе одного плота, то съ послѣднимъ уплываютъ только 2—3 человѣка, а остальные возвращаются домой на коняхъ. При этомъ отправившіеся съ лѣсомъ получаютъ за потраченный сравнительно съ прочими товарищами излишній трудъ по плавежу вознагражденіе соответственно числу рабочихъ дней. Такъ, если лѣсъ заготовляли четверо, а плавить ѣдутъ двое и проведутъ въ пути 4 дня, то они получаютъ изъ части другихъ за 2 рабочихъ дня, т. е. только за время, проведенное въ ихъ пользу, на томъ основаніи, что остальные два дня они, предполагается, потратили уже на себя; если-же рубили шестеро, а плавили двое въ продолженіи то-же 4 дней, то они получаютъ уже за $2\frac{2}{3}$ рабочихъ дня,—т. е. надбавка въ данномъ случаѣ опредѣляется помноженіемъ числа проведенныхъ въ плавежѣ дней на число не участвовавшихъ въ сплавѣ пайщиковъ и

раздѣленіемъ произведенія на число всѣхъ товарищей. Разсчитать, повидимому, довольно сложный, но тѣмъ не менѣе онъ практикуется сплошь и рядомъ вслѣдствіе невозможности по самому характеру работы раздѣлить ее совершенно поровну между всѣми участниками артели. Вообще въ лѣсныхъ артеляхъ, гдѣ главнымъ, пожалуй, даже единственнымъ мѣриломъ для опредѣленія заработка служить сравнительное количество потраченного рабочаго времени, всѣ взаимные счета артельщиковъ достигаютъ крайней скрупулезности; здѣсь все идетъ въ счетъ, все переводится на поденную рабочую плату соотвѣтственно времени промысла, не исключая взятаго артельщиками провіанта для себя и корма для лошадей; послѣднія, впрочемъ, лѣтомъ содержатся, главнымъ образомъ, на подножномъ корму; на зиму-же для нихъ въ сѣнокосную пору тутъ-же заготавливаютъ сѣно въ «зародахъ» (стогахъ); но если кто изъ артельщиковъ такого запаса не имѣетъ, то долженъ сѣно купить; если онъ пользуется послѣднимъ отъ своихъ товарищей, то цѣна сѣна переводится на поденную плату и вычитается при дѣлежѣ выручки. Дѣлится-же выручка всегда деньгами послѣ продажи лѣса или послѣ разсчета за исполненный подрядъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка не лишнее сказать нѣсколько словъ объ артельномъ кредитѣ. Собственно говоря, мы нигдѣ не приходилось слышать о фактахъ такого кредита въ строгомъ смыслѣ, т. е. такихъ фактахъ, когда-бы артель, сдѣлавъ какой-либо заемъ по взаимному всѣхъ членовъ ея соглашенію, круговой порукой ручалась-бы въ неправности платежа и затѣмъ извѣстную часть выручки обращала-бы на погашеніе своихъ долговъ. Случаями, нѣсколько аналогичными артельному кредиту въ такомъ смыслѣ, можно считать развѣ только задатки, равняющіеся иногда $\frac{1}{2}$, а то и всей выраженной по подряду платѣ; такіе случаи могутъ имѣть мѣсто, конечно, только въ тѣхъ артельныхъ случаяхъ, гдѣ подряды практикуются, напримѣръ, въ описанныхъ артеляхъ лѣсниковъ, также въ артеляхъ—плот-

никовъ, пильщиковъ, сплавщиковъ хлѣба, угольщиковъ, смолокуровъ. Рыболовы-же и охотники артелями не кредитуются, но личный кредитъ подъ деньги за проданную рыбу и пушнину развитъ въ высокой степени, и многіе промышленники особенно охотники-инородцы, не выходятъ изъ вѣчной кабалы у кулаковъ-кредиторовъ. Промышленникъ вѣчно нуждается въ деньгахъ на покупку, напримѣръ, новой рыболовной снасти или на ремонтъ старой, нуждается онъ въ порохѣ и свинцѣ; нуждается въ деньгахъ на своевременную уплату податей, нуждается, наконецъ, въ массѣ необходимыхъ въ его хозяйственномъ бюджетѣ предметовъ—въ чаѣ, сахарѣ, ситцѣ, сапогахъ и проч. Все это ему даетъ въ долгъ услужливый благодѣтель лавочникъ или скупщикъ пушнины, конечно, за возвышенную цѣну. Для расплаты съ подобнаго рода личными своими долгами члены промысловой артели бываютъ нерѣдко вынуждены, съ общаго согласія, сбывать часть своей добычи, а иногда и всю по крайне низкой цѣнѣ, назначаемой самимъ-же кредиторомъ-скупщикомъ. Въ борьбѣ съ фактами такой эксплоатаціи промысловое трудовое товарищество, конечно, безсильно: въ данномъ случаѣ большую пользу могли-бы оказать лишь товарищества ссудосберегательныя и потребительныя. Но если первыя кое-гдѣ и встрѣчаются, то все-таки вслѣдствіе разныхъ причинъ они далеко не достигаютъ своей цѣли, послѣднихъ-же нѣтъ нигдѣ и въ поминѣ. Ожидать въ этомъ направленіи инициативы самыхъ промышленниковъ, разумѣется, трудно, по крайней мѣрѣ въ широкихъ размѣрахъ. Но есть немало данныхъ предполагать, что энергичный, крѣпкій духомъ и умный сибирскій крестьянинъ легко пойметъ всю выгоду такихъ товариществъ и твердо будетъ держаться за нихъ, разъ только чьей-нибудь инициативѣ удастся вызвать ихъ къ жизни. Вообще-же организація кредита является одной изъ серьезнѣйшихъ задачъ экономической жизни Сибири.

Приведенными данными о рыболовныхъ, охотничьихъ и лѣсныхъ артеляхъ далеко не исчерпываются всѣ виды при-

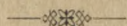
ложенія артельного труда и артельного капитала въ Восточной Сибири; кажется, нѣтъ въ ея экономической жизни такого факта, гдѣ-бы мы не встрѣтились съ артелью, съ товариществомъ: въ области земледѣлія мы найдемъ артельные вспашки и вообще примѣненіе помочей ко всеѣмъ земледѣльческимъ работамъ въ обширныхъ размѣрахъ; овины, риги, гумна почти все артельны; артельные займки, пасѣвки, амбары, вѣялки, молотилки—явленіе самое обычное. Сплошь и рядомъ встрѣчаются—артельная городьба выпускровъ, артельные пастухи, артельные водопои, артельный сбытъ продуктовъ скотоводства—мяса, масла, шерсти: соединяются нѣсколько товарищей равными по количеству и качеству частями и ѣдутъ продавать — съ условіемъ и выручки также дѣлится на равныя части; дѣлается это для того, чтобы, во 1-хъ, сократить дорожные расходы, а во 2-хъ, ослабить случайности отъ колебаній рыночныхъ цѣнъ, а отчасти—конкуренціи. Нерѣдко можно встрѣтить факты, что одинъ хозяинъ даетъ производителя, а другой самку, выручка-же отъ продажи приплода дѣлится пополамъ, причемъ извѣстная доля вычитается въ пользу воспитавшаго приплодъ. Артелями производятся и все работы на золотыхъ приискахъ. О промыслахъ-же и говорить нечего: здѣсь артель слишкомъ замѣтна, здѣсь она вездѣ.

М. М. Дубенскій.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ГРѢШНИЦА.

(Изъ воспоминаній сибирскаго сельскаго учителя).

Въ то время я былъ сельскимъ учителемъ. Настала свѣтлая весна, мои ученики мало-по-малу оставляли школу, наконецъ, въ одно прекрасное розовое утро я нашелъ училище совсѣмъ пустымъ: послѣднiе посѣщавшiе его ребята исчезли.

Отправился я по избамъ на поиски, тамъ засталъ только самыхъ малыхъ, да самыхъ старыхъ—все взрослое населенiе было «на полѣ».

«Что это Ванюха-то сегодня въ училище не пришелъ?» спрашиваю я у Ванюхиной матери.

— «Прости, батюшка—вчитель, на нашу надо было паренька отпралять, хотѣла было спосылать къ тебѣ сказаться, да некогда,—хозяинъ-то, вишь, заторопился»—говорила баба.

Я оглянулъ избу: она была неприглядна и бѣдна; закопѣлыя стѣны, да окна съ промасленной бумагой и «брюшиной» вмѣсто стекла дѣлали избу еще темнѣе, еще непригляднѣе. Ни слова упрека, конечно, не сорвалось у меня съ языка Ванюхиной матери; не нанимать-же ей мужу чужаго боронщика, коли свой есть, да и не на что нанять-то. Отправился дальше.

Изба Ѳедота—Степанова отца, была еще темнѣе и бѣднѣе. Здѣсь отвѣтили, что Степанъ къ Трофиму Карпычу нанялся въ бороньбу. Пришлось молчать и тутъ. То же съ разными варьяціями повторяли въ другихъ домахъ, изъ кото-

рыхъ мнѣ пришлось вынести въ душѣ самое гнетущее, тяжелое чувство.

Пришелъ домой: въ школѣ пусто, утро незанято обычнымъ трудомъ, чувствуется какъ-то неловко, не по себѣ. На дворѣ солнечно, весело, даже нѣсколько жарко, по сѣровато-голубому небу плывутъ легкія, перистыя облака, по деревнѣ пѣтухи перекликаются, гдѣ-то топоры звонко рубятъ дерево, далекій лай собакъ доносится изрѣдка до слуха..... скучно! Никакая работа нейдетъ на умъ; на счастье скоро въ моей комнатѣ появился дядя Никифоръ.

Это былъ хозяйственный, нѣсколько зажиточный мужикъ, — добрая, безхитростная душа.

«Ты что, вучитель, сегодня такой невеселый?» спросилъ онъ послѣ обычного здраванья.

«Да видишь—ребята разбрелись, скучно!...

— «Эхъ!... лѣшій-бы васъ побралъ,» насмѣшливо возразилъ мой гость, — «воспода, вы, воспода, поработали-бы вы съ мое, такъ, небось, на отдыхѣ-то-бы скуки не было!... пойдемъ-ка, парень, со мной на занмку, погости у насъ, авось развеселишься, ты, вѣдь, любишь въ лѣтнюю-то пору побродяжить — знаю я тебя» — говорилъ добродушно дядя Никифоръ.

Приглашеніе было радушно, я согласился, тѣмъ больше, что давно собирался пошляться по лѣсу. Живя въ деревнѣ, я пользовался всякимъ свободнымъ теплымъ днемъ, чтобы пошляться по лѣсу, а въ каникулы иногда цѣлыя недѣли проводилъ въ путешествіяхъ. И теперь, при наступленіи первыхъ сухихъ и ясныхъ дней, меня потянуло въ лѣсъ, да не пускали уроки.

«Что думать, парень, собирайся», продолжалъ дядя Никифоръ, «я вечеромъ уже зайду за тобой; на конѣ-бы поѣхали, да, вишь, ребята коней распустили, а поймать-то лѣнь имъ, лѣшкамъ, прости господи; ну-да раздобаривать-то много некогда, прощай покуда!»

Ушелъ мой гость, а я въ сладкомъ чаяніи грядущей прогулки съ радостью принялся за розыскиваніе, починку и чистку моего полевого костюма, усердно помогаль мнѣ въ этой важной работѣ и училищный сторожъ—старый, сѣдой Власъ. Въ это время въ компаніи появилась Васильевна—его жена. Она, повидимому, получила уже отъ мужа свѣдѣнія о предполагаемомъ моемъ путешествіи и долго ходила около меня и Власа, какъ-то сомнительно покачивая головой, ея губы что-то шептали, но что именно, я разобрать не могъ, кромѣ явныхъ признаковъ неудовольствія.

— «Что это вы, Васильевна, хмуритесь?» спросилъ я ее.

— «А напрасно вы, батюшка, сегодня на прогулку-то собираетесь, да еще и къ ночи».

— «А что такое?»

«Ночью дождь, либо снѣгъ будетъ безпремѣнно, это ужъ я хорошо знаю, ноютъ мои старыя косточки передъ ненастьемъ, всегда со мной такъ бываетъ».

— «Поди ты, дура!» съ презрѣніемъ воскликнулъ Власъ, «этакая благодать Божія, теплынь, а она—дождь, да снѣгъ!... Эхъ, голова, ты голова!»...

«Ну, кротко возразила Васильевна, вы, Власъ Семеновичъ, не спорьте, сами увидите..., а я, чтожъ, я обиды никому никакой, окромя добра, не желаю, потому—ночи холодныя, простудиться не трудно», договорила старуха обиженнымъ тономъ.

«Полноте, Васильевна, не сахарный, не растаю», успокоивалъ я ее,—«да и не далеко, вѣдь, идти-то, всего семь верстъ, коли на дорогѣ припыснетъ дождь, мы и убѣжать успѣемъ».

«А ты, Власъ Семеновичъ, сивку-то запряги, да довези ихъ до заимки».

— «А что-жъ, въ самомъ дѣлѣ», подхватилъ Власъ, «поѣдемте, лихо прокатимся, сивко-то у насъ больно ужъ застоялся, надо-бы промять маленько».

— «Поѣзжайте лучше», убѣдительно обратилась ко мнѣ старушка, «теперь ночью въ лѣсу сыро, холодно, ну да и бродяги».

— «Что-жъ намъ бродяги», — хорохорясь перебилъ старикъ, — «а вотъ сырость, такъ это дѣло неладно, давно-ли мы на перевозѣ простудились, да съ этой пустяковины три дня съ постели не вставали!» — съиронизировалъ онъ добродушно на мой счетъ.

«А что, развѣ ѣхать?» — мелькнуло въ головѣ у меня, но тотчасъ-же я прогналъ эту мысль — ужь сильно хотѣлось весенней свѣжей почью непременно пѣшкомъ пройтись по лѣсной таежной дорожкѣ. На этомъ я и настоялъ такъ рѣшительно, что старики волей-неволей согласились.

И жалъ, что не поѣхалъ, жалъ до настоящей минуты, и поѣзжай я, послушай добрую старуху Васильевну, я не былъ-бы близкимъ свидѣтелемъ деревенской драмы; однимъ горемъ было-бы меньше на моемъ сердцѣ.

Часа въ четыре явился ко мнѣ мой спутникъ и мы отправились. Быстро миновавши пустую деревню, сначала шли мы по мелкому маленькому лѣсу, затѣмъ деревья стали попадаться выше и выше, среди появившейся зелени виднѣлась тропинка, по которой бодро шагали мы съ дядей Никифоромъ. Она вывела насъ въ высокій, густой лѣсъ, тотъ самый, который мы, сибиряки, называемъ тайгой. У насъ шли разговоры о сосѣднихъ заимкахъ, а въ лѣсу стало темнѣть, на закатывавшееся солнце набѣжали тучи, онѣ мало-помалу закрыли все небо, — вдаль раздался глухой и короткий ударъ грома.

— «Святъ, святъ!» — заговорилъ дядя Никифоръ, снимая шапку и набожно крестясь.

— «Вотъ мы съ тобой, Петровичъ, и первый громъ услышали, слава-те Господи!» — сказалъ онъ.

— «А вотъ и дождемъ насъ начинаетъ первымъ мочить, слава те Господи», — отвѣчалъ я ему.

— «Хлопаешь, парень?» — спросилъ быстро мой спутникъ, протянувъ руку и, убѣдившись въ непріятной истинѣ, промолвилъ недовольно — «а и въ правду дождь, пойдемъ, братъ, скорѣе, а то насквозь промочить» — и мы быстро зашагали.

Разговоры прервались, и лишь изрѣдка на ходу перебрасывались мы словомъ, двумя. Дождь разошелся не на шутку, небо темнѣло больше и больше, наставалъ непроглядный мракъ, громъ быстро приближался, непрерывно сверкали молніи... Гдѣ-то неподалеку разразился страшный, потрясающій ударъ, тотчасъ за нимъ яркая молнія рѣзкимъ, ослѣпляющимъ зыгзагомъ разрѣзала воздухъ.

— «Святъ, святъ!» — почти вскрикнулъ дядя Никифоръ.

Мнѣ показалось, что мы потеряли тропинку и я дожидался молніи, чтобы увидать ее, опять ослѣпительно вспыхнуло небо, а тропинки и слѣдъ простыль.

— «Дядя Никифоръ!» — говорю я спутнику, — «мы тропинку потеряли».

— «Какая тебѣ тутъ тропинка въ этакую темень» — сердито и отрывисто возразилъ онъ, — «нужно будетъ выбираться на угадъ».

— «Куда-же мы теперь?»

— «Куда? а вотъ возьмемъ, да тутъ и сядемъ, а то, пожалуй, куда въ яму, либо въ болото попадемъ».

Сѣли на обрушившееся дерево и молчали. Въ моей тогда молодой головѣ заронились думы о прошломъ и будущемъ, одна за другой, мелькали воспоминанья и дорогіе образы являлись передъ глазами, какъ живые. Я почти дремалъ, мнѣ чудилось, что среди этого грома, дождеваго шума звучитъ тихій, мѣрный голосъ няни Акулины и напѣваетъ она свою неизмѣнную пѣсенку:

«Да Михѣй, да Михѣй,

«Да больша голова,

«Летяжьи глаза».....

Чудились молодыя пѣсни, звучная музыка, жарующіе голоса, черные глаза хорошенькой дѣвочки — первой любви, ощущался запахъ душистыхъ волосъ, слышался въ ушахъ ласковый лепетъ.

— «Глядитко, вучитель, тамъ, кажись, огонекъ вонъ на-право-то?» — прервалъ дядя Никифоръ мой прекрасный сонъ.

Я поглядѣлъ, дѣйствительно оказалось, что вдали мелькалъ огонь, и мы пошли въ ту сторону, не похваливши себя даже за храбрость.

— «Это, видно, Зубкова заимка» — вслухъ размышлялъ мой суровый дядька.

Подошедши близко, мы увидали шалашъ, въ которомъ горѣлъ ярко разведенный костеръ. Средь шума дождя и раскатовъ грома, наши шаги обитателямъ шалаша не могли быть слышны. Дядя Никифоръ сталъ прислушиваться и присматриваться.

— «Тамъ бродяга» — сказалъ онъ, — «пойдемъ!» И мы вошли.

Въ шалашѣ мы увидали, у ярко и весело горѣвшаго костра сидѣвшаго на корточкахъ молодого, высокаго парня съ кудрявыми свѣтлорусыми волосами, по всѣмъ признакамъ, бродягу.

— «Пусти, милый человекъ, къ твоему огоньку погрѣться» — спросилъ входя дядя Никифоръ.

— «Милости просимъ, добрые люди», — радушно отвѣчалъ, поднимаясь на ноги и кланяясь намъ привѣтливо, бродяга.

Черезъ полчаса, мы согрѣтые, просохшіе, пили у костра чай, — клекочущій, дымящійся кирпичный чай изъ чернаго котелка бродяги; съ своимъ амфитріономъ мы познакомились очень скоро, а звали его Филиппомъ, онъ былъ веселый, разговорчивый, добродушный парень, намъ было несказанно отрадно въ этомъ тепломъ шалашѣ, у такого радушнаго, хотя и нелегальнаго, хозяина. Дядя Никифоръ совсѣмъ рас-

таялъ и даже пригласилъ Филиппа къ себѣ на заимку въ гости. Благодушествовали мы такимъ образомъ за чаемъ, въ теплѣ и отрадѣ, а тамъ надъ шалашемъ шелъ дождь, сверкали молніи и ежеминутно грохоталъ громъ; разнѣжившійся дядя Никифоръ даже частенько забывалъ при ударахъ грома произносить свое обычное «святъ, святъ». Съ Филиппомъ мы не только познакомились, но даже успѣли до нѣкоторой степени подружиться, — лѣсъ, сидѣнье у одного костра какъ-то невольнѣ располагають къ дружбѣ и откровенности. Между прочими разговорами я спросилъ Филиппа, за что онъ былъ сосланъ, но молодой бродяга нахмурился, точно черная туча набѣжала на его лицо, и угрюмо заговорилъ:

— «Оставь!... будь другъ, не спрашивай ты меня объ этомъ»...

Вскорѣ послѣ чаю мы спали. Но подъ вліяніемъ сильныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній сонъ мой не былъ «тихъ и безмятеженъ», я засыпалъ, уходя въ какой-то призрачный туманъ грезъ; мнѣ чудилось, что на моей головѣ были длинные волосы, лицо грубо, его саднѣло, точно нажженное солнцемъ, платье на мнѣ было очень поношенное, крестьянское, въ клочьяхъ, пыли, грязи и сажѣ.

...«Кто ты таковъ?» — грозно звучитъ голосъ нашего крутаго барина, засѣдателя Сверле. Я хочу ему сказать, что онъ, вѣроятно, меня не узналъ, что я учитель Ангарскій, но вспоминаю свой костюмъ, мнѣ дѣлается стыдно и я молчу... «Въ тюрьму его!» — грозно распоряжается *баринъ* и Иванъ десятникъ... сонныя грезы несутся и несутся, уловить и вспомнить ихъ невозможно; — видится, что плыву я въ лодкѣ съ разбойниками, — лодка перевертывается, я падаю въ студеную, свѣтловодную, быструю Ангару... бррр!... Гляжу, а кругомъ свѣтло, ясно, шалашъ озаренъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, воздухъ полонъ лѣсными ароматами. Хочется и встать, — и вѣга, какая-то сладостная и лѣнивая вѣга, послѣ вчерашней дождевой подмочки одолеваетъ, тянется,... а въ лѣсу раздается далекій и какой-то немолчный,

веселый стукъ и шумъ; грудь дышетъ полно и свободно, на сердцѣ какъ-то особенно отрадно; кругомъ шалаша болѣшимъ, изумрудно-зеленымъ ковромъ раскинулась бархатная, освѣженная дождемъ мурава. Увидѣвши въ дверь шалаша такую радующую сердце картину, мы повывѣзли изъ нашего ночного пріюта и пили чай на травѣ по общему желанію.

Дядя Никифоръ сходилъ къ протекавшей не подалеку рѣчкѣ, походилъ съ четверть часа по лѣсу и, возвратившись, объявилъ, что отъ мѣста нашей стоянки до его заимки осталось только двѣ версты.

Мы стали собираться идти, дядя Никифоръ привязался къ Филиппу — «пойдемъ, да пойдемъ». Филиппъ, повидимому, не былъ большимъ баловнемъ судьбы, онъ, повидимому, крайне недовѣрчиво глядѣлъ на всякую безпричинную доброту и ласковость; вчерашнее приглашеніе дяди Никифора онъ не думалъ принимать за чистую монету, теперь же глядѣлъ на него съ большимъ недоумѣніемъ, а тотъ съ добродушно-ласковой улыбкой продолжалъ его звать; молодого бродягу должно-быть брало сомнѣніе, не подвохъ-ли какой. Онъ потупился и думалъ, отвѣтивши на никифорово приглашеніе угрюмымъ «покорно благодаримъ, куда ужъ намъ»...

Дядя Никифоръ догадался, въ чемъ дѣло.

— «А ты, парень, за кого меня, примѣрно, считаешь, за Юду что-ли? Ты только глянѣ миѣ въ шары-то, да потомъ и скажи: я, молъ, дяденька, боюсь къ тебѣ идти, чтобы ты меня не продалъ».

Парень дѣйствительно поднялъ глаза на дядю Никифора и, несмотря на сомнѣніе, недавно наполнявшее его сердце, улыбнулся, а потомъ порядкомъ сконфузился.

— «Что, парень, видно не изъ таковскихъ? съ усмѣшкой спросилъ дядя Никифоръ.

— «Прости, добрый человекъ, наше дѣло такое: на каждомъ шагѣ опасаться надо; учоны ужъ много разъ были»...

— «А ну тебя», — перебилъ дядя Никифоръ — «собирайся что-ли, да и пойдемъ!»

И дѣйствительно, въ глазахъ дяди Никифора было что-то такое, что заставляло вѣрить каждому его слову, что прогоняло всякое сомнѣніе въ его честности, добродушіи и искренности.

Черезъ полчаса мы подошли къ новой городьбѣ заимки. Эта заимка состояла изъ нѣсколькихъ строеній, плотно обнесенныхъ крѣпкимъ частоколомъ, кругомъ шумѣлъ высокій, старый лѣсъ, только съ одной стороны сквозь узкую просѣку виднѣлась привольно разстилающаяся, безграничная, сливающаяся съ синимъ небомъ даль хлѣбныхъ полей. Около заимки изъ лѣсу вытекалъ узенькой стальной полоской чистый, студеный ключикъ, направляясь къ полямъ; дальше онъ дѣлался шире и мутнѣе. Строенія заимки были новы, прочны и красивы, насколько это возможно было разглядѣть сквозь мелькавшія щели частокола.

Она была похожа на крѣпость, особенно этотъ высокій, крѣпкій частоколъ, запертыя массивныя ворота, лай нѣсколькихъ собакъ во дворѣ, ни одного окна наружу — все во дворѣ; даже ключикъ — и тотъ протекалъ черезъ заимку такъ, что въ случаѣ осады, жители этой таежной крѣпости имѣли-бы воду въ избыткѣ, такъ какъ черезъ частоколъ видно было и высоко поднявшееся на воздухъ коромысло колодца, а большіе хлѣбные амбары выглядывали такъ солидно, что можно было предполагать возможность долгаго упорства со стороны осажденныхъ.

Мы застучались въ ворота, они вскорѣ отворились съ пронзительнымъ скрипомъ, насъ встрѣчалъ рябой работникъ, на деревнѣ его звали «Никита косой», бросились было на насъ четыре большія, черныя собаки, но по одному оклику дяди Никифора онѣ умолкли, замахали привѣтливо хвостами и отправились вслѣдъ за нами, изрѣдка только глухо поварчивая, но и эти знаки недовѣрія были скоро прекращены.

Мы вошли въ просторную избу; въ сѣняхъ ея увидали племянницу дяди Никифора, молодую, кругленькую, полногрудую солдатку Дуняху.

Она весело взглянула на насъ своими сѣрыми, плутоватыми глазами и, улыбувшись, показала красивые, ровные зубы и миловидныя ямочки на румяныхъ и свѣжихъ щекахъ.

Вскорѣ мы сидѣли за большимъ бѣлымъ столомъ въ переднемъ углу; на столѣ уже красовались яства и старый, тусклый графинъ съ отломаннымъ горлышкомъ.

— «Закусите, чѣмъ Богъ послалъ, милости просимъ», привѣтливо приглашала насъ хорошенькая хозяйка и мы, конечно, не поцеремонились. Пока мы удовлетворяли свой аппетитъ она сидѣла, опершись щекой на бѣлую полную руку и разспрашивала о дорожныхъ приключеніяхъ; услышавъ о томъ, что мы попали подъ дождь и грозу, потеряли дорогу, Дуняхъ разъохалась и промолвила съ ужасомъ:

— «А что, кабы да бродяги на васъ напали, утыпали-бы они васъ!»

Филиппъ при этихъ словахъ сначала было вздрогнулъ, а потомъ ничего, оправился и даже ухмыльнулся.

— «Бродягамъ-то и спасибо», — возразилъ дядя Никифоръ; Дуняхъ удивленно поглядѣла на дядю.

— «А вишь-ты, гость-то, котораго я привелъ, — страшный ¹⁾ человѣкъ, онъ насъ и выручилъ.»

Тутъ смутиться пришлось въ свою очередь Дуняхъ, она сконфузилась, вспыхнула и совершенно потерялась.

— «Человѣкъ-то онъ всегда человѣкъ», — резонировалъ дядя Никифоръ, — «не токма что-бъ человѣка, а собаку бей — и та укуситъ, ... и что-жъ, если ты страшнаго человѣка не тронешь — и онъ тебя не пошевелить; по человѣчеству надо обходиться; по человѣчеству будешь, такъ онъ не дикій звѣрь, — не укуситъ, а еще, спасибо ему, изъ бѣды выручитъ;

¹⁾ Т. е. странствующій человѣкъ, бродяга.

человѣкъ человѣку рознь, новой ¹⁾ и нашъ братъ, да хуже каторжнаго».

Послѣ завтрака дядя Никифоръ повелѣ насъ показывать свои владѣнія, а потомъ, возвратившись въ избу, предложилъ «съ устатку уснуть». Спать мнѣ не хотѣлось и я отказался отъ любезнаго приглашенія, то же сдѣлалъ и Филиппъ.

Вышли мы съ нимъ за частоколъ заимки, передъ нами была чудная картина: небольшая полянка недавно только что проткнувшейся травки окружалась высокимъ, таинственно-густымъ сосновымъ лѣсомъ, дальше за частоколомъ разстилались поля далеко, далеко, уходя въ безграничную даль и сливаясь съ голубой синевой яснаго весенняго неба; воздухъ былъ чистый, свѣжій, — дышалось всей грудью, на сердцѣ такъ было легко и отрадно... мы стояли молча, каждый думалъ свою думу... Филиппъ очнулся и тихо промолвилъ съ глубокимъ вздохомъ.

— «А въ острогѣ-то теперь душно, вонь отъ тепла поднялась...дохнуть невозможно... мучатся тамъ, а на волюшку-то такъ и манить, спишь и на яву видишь и лѣсъ этотъ таежный, и птичьи пѣсни въ ушахъ раздаются, — вдругъ тебя по носу-то, словно обухомъ, вонюю ударить, ляжешь етта на нары, уткнешься въ шинель, глаза закроешь, стыдно, а изъ глазъ-то слезы горячія такъ и просятся, — грудь давить, дыханье захватываетъ...

— «Гости дорогіе,» — закричала намъ привѣтливо Ду-няха, — «идите-ка чайкомъ побаловаться».

— «Прости, милый человѣкъ» — обратилась она, вся зардѣвшись яркимъ румянцемъ и опустивъ въ землю свой бойкій взглядъ, — «я можетъ-быть тебя обидѣла» — едва вымолвила она, а высокая грудь такъ и колыхалась отъ волненія.

— «Полно, что за обида, и то правда — человѣкъ человѣку рознь» — простодушно возразилъ Филиппъ.

¹⁾ Иной.

Мы отправились пить чай, а тамъ уже за столомъ возсѣдалъ дядя Никифоръ, вдругъ онъ спохватился, точно забылъ что-то важное сдѣлать, а потомъ ужъ съ серьезнымъ лицомъ обратился къ своей племянницѣ:

— «Слышь-ты, пришелъ въ Зубкову Прохоръ Еремѣвичъ на побывку, видѣлъ, рассказываетъ, твоего-то, *артисъ*, говоритъ, сталъ, почитай каждый день пьянъ, картежничаетъ и еще рассказываютъ.....

— «А ну его къ ляду!» — досадливо перебила Дуняха и такъ рѣшительно произнесла это, что дядя Никифоръ заблагоразсудилъ лучше приняться объяснять миѣ, что зубковскіе мужики у него хотятъ на лѣто покоса прихватить; а Дуня сидѣла, нахмуясь, недовольная.

Затѣмъ втроемъ мы отправились въ Зубкову на пѣгомъ иноходцѣ дяди Никифора вырѣшить дѣло о покосѣ, домой возвратились вечеромъ. Такъ прожилъ я у него три дня и время пролетѣло незамѣтно, каждый день ходили куда-нибудь въ лѣсъ, или ѣздили. Филиппъ сталъ помогать дядѣ Никифору въ его хозяйственныхъ хлопотахъ и скоро сдѣлался правой рукой простодушнаго хозяина; хотѣлъ было уходить онъ, да не пустилъ дядя Никифоръ, и дѣло вырѣшилось тѣмъ, что бродяга совсѣмъ остался у него на лѣто.

Меня отпустили, только взавши съ меня «вѣрное слово» погостить у нихъ еще и лѣтомъ. Приглашалъ и дядя Никифоръ, и веселая солдатка Дуняха, и совсѣмъ освоившійся у нихъ молодой бродяга Филиппъ.

И лѣто тогда вышло у меня чрезвычайно удачное: я постоянно странствовалъ, погода стояла хорошая, а кратковременные благодатные дожди меня не пугали, ужъ достаточно закакался; то ѣздилъ, то ходилъ пѣшкомъ, то на лодкѣ на дальніе острова уплывалъ, возвращаясь обратно «на шесть». Сплошъ, да и рядомъ встрѣчался съ бродягами, дѣлился съ ними частенько моей провизіей, а иной разъ и они меня угощали чаемъ и черствымъ хлѣбомъ; часто ночевывать съ ними приходилось въ дорожныхъ или покосныхъ

шалашахъ, а когда начались покосы, у знакомыхъ косарей волей неволей приходилось выгациваться, — силой удержать, а между дѣломъ и косить у нихъ научишься; славное, веселое время! Путешествуя по покосамъ, я невольно вспомнилъ общеніе, данное дядѣ Никифору, Дуняхъ и Филиппу, наконецъ отправился я къ нимъ.

На этотъ разъ мое путешествіе было несравненно удачнѣе: тепло, небо безоблачное, да, кстати, еще и спутникъ — паренекъ попался, въ Зубкову шелъ. Пришелъ на заимку я вечеромъ; дядю Никифора я не засталъ дома и отправился въ покосный шалашъ, версты за полторы, къ косарямъ, которыми на этотъ разъ были только двое нашихъ знакомыхъ — Дуниха и Филиппъ, какъ обязательно сообщилъ мнѣ работникъ дяди Никифора — Никита, кося своимъ лѣвымъ глазомъ, точно сердясь за что-то на меня.

Мои знакомые, увидѣвъ меня, бросили косы и пошли встрѣчать, радушно благодаря за приходъ къ нимъ, а когда я вручилъ Дуняхъ мой подарокъ — большой красный платокъ съ затѣйливымъ узоромъ, то благодарностямъ и конца не было, глаза хорошенькой бабочки такъ и искрились веселыми огоньками, подарокъ больно ужъ по вкусу пришелся.

Мы сидѣли въ просторномъ шалашѣ у костра, веселая хозяйка меня заподчивала. Между Филиппомъ и Дунихой была замѣтна большая короткость. Любо мнѣ было глядѣть на эту молодую, красивую парочку, полную здоровья, силы, кипучей жизни и взаимной привязанности.

Поболтавши съ ними часа два, я растянулся на свѣжемъ, душистомъ сѣнѣ въ углу шалаша, а Дуниха и Филиппъ все еще задумчиво сидѣли у костра.

Вотъ Дуниха подняла голову, взглянула на взгрустнувшего Филиппа, встрепенулась и потихоньку заплѣла пѣсню:

«Что-жъ ты Ваня, разбудала голова,»

«Разбудалая головушка твоя,

«На кого-жъ ты спокидаешь, другъ, меня...

«Съ кѣмъ я буду эту зиму зимовать...»

«Съ кѣмъ я буду тепло лѣтичко гулять...»

Чрезвычайно грустно звучали слова пѣсни въ устахъ Дуни, она толкнула тихонько задумавшагося Филиппа.

— «Подтягивай, что-ли!»

Филиппъ очнулся отъ думъ, взглянулъ на нее и промолвилъ:

— «Не знаю я вашихъ сибирскихъ пѣсенъ»...

...«Вотъ что, Дуня, слюбились мы съ тобой крѣпко, живемъ душа въ душу, долго-ли это будетъ, а что какъ мужъ-то нагрянетъ?...

— «Молчи ужь!» — отрывисто сказала Дуня и задумалась сама.

— «Что-же я долженъ тогда дѣлать?» — спрашивалъ грустно Филиппъ.

— «Говорю — молчи», — сердито повторяла Дуня, — «если я не знаю, что дѣлаю; что я маленькая?»

Затѣмъ, невольно сдѣлавшійся свидѣтелемъ чужихъ тайнъ, я видѣлъ изъ своего темнаго уголка, какъ удивленно глядѣлъ на ея поблѣднѣвшее лицо молодой бродяга, какъ она вдругъ повернулась къ Филиппу, обняла его крѣпко своими бѣлыми, полными руками и заворковала, заворковала тихо и ласково, какъ голубка.

— «Филюшка, миленькій ты мой, или ты не видишь, какъ я тебя люблю, или ты не видишь, что я за тобой на край свѣта, куда хочешь, пойду!»

Въ ея голосѣ слышались глубокая, нѣжная, безпредѣльная любовь, слезы и тяжелыя душевныя муки.

Прошло съ мѣсяцъ времени, я, уставши шлаться, угомонился на время жаровъ и сидѣлъ дома у открытаго окна; день былъ невыносимо душный; вдругъ на улицѣ слышались хриплые, пьяные пѣсни; такое необычное явленіе въ страдное время въ деревнѣ поразило меня.

— «Что это такое?» — спрашиваю я Власа, подметавшаго въ комнатѣ.

— «А Лукашка солдатъ пришелъ на побывку, ну и гуляетъ съ зубковскимъ Прохоромъ на радостяхъ.

Я заинтересовался — «Какой Лукашка?»

— «А этой ...ну, какъ ее ...Дуняхи-то Никифоровой мужъ.

У меня захолонуло на сердцѣ, и глазамъ моимъ представилась эта молодая, славная парочка—Дуняха и Филиппъ,—представилась такъ, какъ видѣлъ я ихъ тогда — вечеромъ, сидящими у костра.

Мнѣ сдѣлалось за нихъ невыносимо тяжело, особенно когда я увидалъ въ окно высокаго солдата Лукашку, когда-то, повидимому, бывшаго красивымъ парнемъ, но теперь лицо его обрюзгло и распухло, голосъ охрипъ. Пошатываясь и какъ-то жалко изгибаясь всеѣмъ своимъ пьянымъ тѣломъ, онъ шелъ по улицѣ и пѣлъ безобразную пѣсню, пересыная ее крупной бранью.

— «Не знаютъ они, поди, тамъ» — подумалъ я, — «веселые, радостные дружно работаютъ, шутятъ, смѣются, пѣсни поютъ, а гроза то надъ самыми головами нависла.

Завтра утромъ, когда я уже проснувшись, валялся въ постели, вошелъ ко мнѣ дядя Никифоръ блѣдный, взволнованный, съ всклокоченной бородой, и грузно сѣлъ на кровать.

— «Ничего ты, Петровичъ не знаешь», — сказалъ онъ — «Дуняха-то съ Филиппомъ бѣжала!»

Я чувствовалъ, что поблѣднѣлъ отъ этого извѣстія. Филиппъ и Дуняха почему-то сдѣлались близкими моему сердцу людьми, мнѣ было невыносимо-тяжело за нихъ. Мы оба молчали съ дядей Никифоромъ, наконецъ я спросилъ его:

— «Что-же теперь дѣлать, дядя Никифоръ?»

— «А я къ тебѣ, Петровичъ, думалъ ты научишь» — промолвилъ онъ грустно, и мы снова молчали, опустивъ головы.

— «Пришелъ, пьяная рожа», — заговорилъ тихо мой собесѣдникъ, — «загулялъ, кто-то скажи имъ, а они сдуру-то бѣжали. Лукашка теперь кричить: подавай мнѣ двѣсти рублей, — уйду и въ деревню вашу проклятую не загляну никогда, не малина, говоритъ, твоя Дунька, — съ деньгами-то почище найдемъ» — и темное лицо дяди Никифора стало еще темнѣе.

Что совѣтовать ему? что дѣлать въ его положеніи, отдать деньги? но какъ вернуть бѣглецовъ?

Мы снова молчали оба и придумывали средства, какъ-бы выпутать бѣдныхъ изъ бѣды; въ это время дверь отворилась, просунулась сѣдая голова Власа со словами:

— «Дядя Микифоръ, тебя восподинъ старшина спрашиваетъ».

Бѣдный мужикъ махнулъ рукой, произнесъ протяжное «н—ну» и пошелъ къ дверямъ, у которыхъ повернулся и промолвилъ: «ты, Петровичъ, подумай, пожалуйста, а я уже послѣ зайду, може что и посоветуешь».

Цѣлый день меня преслѣдовала неотвязная мысль: какъ-бы помочь пострадавшимъ; ночью едва заснулъ и то только передъ утромъ.

На завтра утромъ разбудилъ меня Власъ со словами: «засѣдатель пріѣхалъ, Лукашка жаловаться ходилъ, теперь содомъ поднимется».

Дѣйствительно, въ деревнѣ поднялся «содомъ»: «сгоняли» народъ съ полей въ деревню, началось слѣдствіе. Лукашка не получивши двухсотъ рублей, горячо отстаивалъ свою поруганную супружескую честь.

Я отправился къ засѣдателю — знакомы были, у него на столѣ ужъ красовалось — «Дѣло о побѣгѣ съ бродягою, называвшемъ себя Филиппомъ солдатской жены Авдотьи Селиверстовой и о пристанодержательствѣ названнаго выше бродяги, учиненномъ крестьяниномъ Никифоромъ Голубковымъ».

Засѣдатель общалъ мнѣ постараться облегчить участь бѣжавшихъ, если только ихъ изловятъ. Я съ нѣскольکو

успокоеннымъ сердцемъ вышелъ изъ «земской квартиры», на дворъ которой была большая толпа народу, посреди нея громко ораторствовалъ пьяный Лукашка; многіе изъ мужиковъ высказывали ему сочувствіе и одобрительными возгласами, и киваньемъ головы; отъ этихъ одобреній Лукашка такъ и росъ.

Мнѣ хотѣлось ѣхать скорѣе къ дядѣ Никифору; увидавъ у воротъ осѣдланную лошадь, я спросилъ у стоявшихъ, чья она. — «А моя», отвѣтилъ молодой парень Дмитрій Черный, мой добрый знакомый. Онъ не спрашивая сталъ отвязывать лошадь и услужливо подвелъ мнѣ; когда я сообщилъ, что тороплюсь повидаться съ дядей Никифоромъ, онъ сказалъ мнѣ душевное спасибо «за доброжеланіе», потому, что по его мнѣнію, да и по мнѣнію всей деревни, бѣдный дядя Никифоръ «совсѣмъ не въ своемъ умѣ сталъ».

Съ большой радостью я замѣтилъ тутъ, что все населеніе деревни, которое было помоложе, да посвѣжѣе, искренно жалѣло дядю Никифора и далеко не было на сторонѣ Лукашки, сторону котораго держали кулаки, деспоты, наиболѣе тяжелые въ семьяхъ, да его собутыльники — пропойцы деревенскіе.

— «Съ Богомъ, Петровичъ!» — говорилъ, провожая меня, Дмитрій Черный, — только ты побережяй, конь то у меня пугливый».

Я вскочилъ на лошадь, выѣхалъ на улицу и понесся крупной рысью, еѣша къ дядѣ Никифору, но лишь только завернулъ за уголъ, какъ на встрѣчу мнѣ съ нѣмымъ гикомъ выскочилъ Прохоръ, собутыльникъ Лукашки, съ бутылкой въ рукахъ; лошадь испугалась, стала на дыбы и начала бѣситься, я удерживалъ ее, сколько хватило силъ, пьяный Прохоръ, желая мнѣ помочь, еще хуже пугалъ лошадь, крича и кидаясь къ ней; наконецъ она взвилась всѣмъ тѣломъ кверху и я упалъ на землю... въ глазахъ замелькали какіе-то огнисто-разноцвѣтные кружки, въ ушахъ за-

гудѣль оглушительный шумъ... что было со мной дальше— я не помню.

Очнулся я только дня черезъ три; — весь разбитый и даже раненый, я два дня бредилъ и метался. Молодость взяла свое, скоро мнѣ стало значительно легче; на четвертый день хотя и не безъ труда, но я уже могъ ходить по комнатѣ. На мои вопросы о Филиппѣ и Дуниѣ, отвѣчали какъ-то не хотя, такъ что я пересталъ даже спрашивать, видя, что отъ меня что-то скрываютъ, но въ то-же время пламенно желалъ скорѣе выздоровѣть, чтобъ помочь, чѣмъ могъ, несчастнымъ бѣглецамъ.

На шестой день моей болѣзни, когда я уже совсѣмъ почти оправился, Васильевна — Власова жена, наконецъ сдaлась на мои усиленные просьбы и рассказала мнѣ грустное окончаніе романа бродяги.

— «Какъ это ты, батюшка, зашибся», — говорила Васильевна, въ этотъ день облаву дѣлали, ходили цѣлый день мужики, ничего не нашли, ночь тоже напрасно промаялись, а къ утру нашли ихъ, Дуниху-то съ Филиппомъ, на дальнихъ то островахъ... На плоту, говорятъ, туды переплавились... Шибко ихъ мужики были, зло сорвали за то, что въ страдное время изъ-за нихъ заставили цѣлыхъ два дня потерять, самъ знаешь, како время то теперь.. Заговорили этта утромъ бабы, что поймали ихъ; пошла поглядѣть въ приказную, народу тамъ видимо-невидимо: бабы, дѣвки, ребята, страсть плачутъ, заливаются, а они оба стоятъ на улицѣ у приказной, бѣлше такіе, какъ известка, лица то у нихъ избиты, да сучьями въ лѣсу испарананы, одежда вся въ клочьяхъ; стоятъ этта они, мои милые у телѣги, головушки свои повѣсили, ни словечушка не говорятъ... онъ голову опустилъ, лица совсѣмъ не видать, а Дуниху то мнѣ видать было, смотреть не то чтобы на людей, али на кого, а такъ на вѣтеръ глаза уставила, таково дико... Дядя Микфоръ возлѣ ихъ на землѣ сидитъ безъ шапки... волосы по вѣтру раздуваются, а глаза-то страшные такіе, какъ

будто ужь онъ, дядя-то Микифоръ и не въ своемъ умѣ... Голосъ старушки, который и такъ постоянно дрожалъ отъ сдержанныхъ рыданій, дрогнувъ и она отерла рукавомъ своей дабовой рубахи нависшія на ея старыхъ добрыхъ глазахъ хорошія слезы... Дайте, читатель, и мнѣ, — скромному бытописателю бѣдной сибирской деревни, нѣсколько успокоиться — тяжелыя воспоминанія растревожили душу...

— «Нну», — продолжала, нѣсколько оправившись, сѣдая Васильевна свой разсказъ, — «выходить этта восподинъ засѣдатель къ Дуняхѣ, да ласково и говорить ей: а что, Авдотья, будешь съ мужемъ жить?» Глянула она на барина, заметалась, затряслась, да какъ закричить: «ой, не буду, ни за что не буду, рѣжьте меня, бейте — не буду!» закричала, да тутъ и повалилась; подхватилъ ее Филиппъ на руки, крѣпко такъ къ себѣ прижалъ, а самъ, какъ волкъ, страшно поглядываетъ — не подходи-моль... Не успѣли мы глазаньками этта сморгнуть, — Лукашка тутъ прискочилъ, да крикнулъ: «что ты, подлая шкура, близирничаешь-то», да пистолетъ на Дуняху-то и навелъ... и не успѣлъ тутъ онъ выстрѣлить, дядя Микифоръ какъ вскочить, да какъ медвѣдь зарычить дикимъ голосомъ: «не тронь — убью», а у меня тутъ мурашки по кожѣ пошли... и теперь страшно, не дай Богъ страшно! Лукашка-то изъ пистолета трррахъ!... дядя Никифоръ ни словечушка не промолвилъ — свалился, да захрипѣлъ, пуля въ грудь угодила... наклонилась надъ нимъ Дуняха, сама смѣется, неподходящія рѣчи такія говоритъ, намъ, бабамъ, ужь шибко страшно стало, а она пуще хохочетъ, звонко, звонко заливается, а слезы-то одна за другой, какъ дождь по лицу бѣгутъ»... Старушка больше разсказывать не могла...

Романъ бродяги кончился. Наканунѣ того дня, въ который сѣдая Васильевна повѣдала мнѣ о страшной смерти дяди Никифора, всѣхъ троихъ главныхъ участниковъ разигравшейся въ нашемъ Разломайскомъ селѣ драмы: Дуняху, Филиппа и Лукашку повезли въ волость, чтобы оттуда от-

править въ городъ — двухъ послѣднихъ въ острогъ, а Дуню въ больницу.

Въ волости случился переполохъ: Лукашка, желая освободиться, поджегъ волостную тюрьму, самъ бѣжалъ и имѣлъ великодушіе вытащить съ собой безумную Дуню, а спавшій Филиппъ сгорѣлъ.

Дуню вскорѣ отыскали въ трехъ верстахъ отъ Разломая, она сидѣла на пригоркѣ у почтовой дороги и тихонько пѣла:

«Что-жъ ты, Ваня, разбудала голова,
«Разбудалая головушка твоя,
«На кого-же спокладаешь, другъ, меня?
«Съ кѣмъ я буду эту зиму зимовать,
Съ кѣмъ я буду тепло лѣтичко гулять?»

Лукашку черезъ недѣлю подняли въ одной изъ сосѣднихъ деревень сгорѣвшимъ съ вина.

Дуню отвезли вновь въ городскую больницу, гдѣ она жила въ полномъ безуміи полгода и умерла отъ истощенія силъ, отказавшись принимать пищу.

Поправившись я пошелъ въ сельскій ледникъ, находившійся въ концѣ деревни, окруженный цѣлой рощей молодыхъ березокъ, здѣсь лежалъ въ ожиданіи врача трупъ дяди Никифора, я спустился къ нему по скверной лѣстницѣ ледника, чтобы еще разъ на него взглянуть: дядя Никифоръ лежалъ съ сумрачнымъ, недовольнымъ лицомъ, на груди по кафтану видна была застывшая, широкая струя алой крови, руки сложены крестомъ. Зубы судорожно сжаты и нѣсколько оскалены...

Тутъ я и простился съ моимъ добрымъ, благодушнымъ хлѣбосоломъ, дядей Никифоромъ...

Вышли мы за двери ледника, кругомъ виднѣлась такая веселая, отрадная картина: осеннее уже солнышко щедро лило свои лучи на землю, но жарко не было, на березѣ кой-гдѣ ужъ начиналъ блекнуть листь, временемъ по ли-

ствиямъ березняка пробѣгалъ легкій вѣтерокъ. Они что-то таинственно шептали другъ другу, а вѣтеръ летѣлъ дальше, подхватывая прядку волосъ и ласково игралъ ей. День былъ похожъ нѣсколько на тотъ, въ который вышли мы съ дядей Никифоромъ на его заимку, проходили мы здѣсь и не чувало ни его, ни мое сердце, что скоро, скоро приду я сюда въ такой-же день ясный, прохладный и безоблачный, приду для того, что-бъ проститься съ трупомъ его, дяди Никифора, убитаго шальной пулей пьянаго буяна!

Вскорѣ пріѣхалъ врачъ, вскрылъ трупъ и далъ разрѣшеніе похоронить. Когда отпѣвали моего безвременно погибшаго друга, церковь была набита биткомъ, почти всѣ плакали, но я въ церкви не былъ и, проводивъ его на кладбище, бросилъ горсть земли въ его могилу — мой послѣдній привѣтъ, и отправился домой, — меня у воротъ кладбища догналъ одинъ изъ племянниковъ дяди Никифора и усердно звалъ на поминки, просилъ быть знакомымъ; причемъ честно завѣрялъ, что у нихъ «ужъ такого невѣжества не будетъ», что они «не любятъ такую необразованность», я, конечно, поспѣшилъ общать бытъ у нихъ, если позволятъ обстоятельства, и распрощаться съ подвыпившимъ и чрезвычайно веселымъ наслѣдникомъ дяди Никифора.

Шелъ домой подъ гору, а съ вершины горы до меня долетали звуки похоронныхъ, грустныхъ пѣсенъ и горько отдавались въ моей душѣ. Я шелъ, повѣсивши голову, а кругомъ все улыбалось: лугъ пестрѣлъ послѣдними яркими цвѣтами, солнце весело играло, отражаясь на зеркалѣ тамъ и сямъ разбросанныхъ и красиво виднѣвшихся съ горы озерковъ и небольшой рѣчки.

Съ кладбища домой я не пришелъ, а прошлялся цѣлый день по лѣсамъ и полямъ, но грусть свою мало разсѣялъ; явился домой вечеромъ съ двумя большими букетами цвѣтовъ...

«Безъ васъ тутъ два раза приходили отъ Никифоровыхъ племянниковъ на поминки звать, а въ третій разъ

самъ Павелъ прїѣзжалъ, пьяный такой, говорить — общалъ, да еще и куражится».

— «Ну вотъ тебѣ, сельскій педагогъ, и еще одна пара широкогорлыхъ, толстокарманныхъ враговъ завелась въ деревнѣ», — подумалъ я, печально сядя за чай; — тутъ пришли двое ребятъ учениковъ, поболталъ я съ ними, покачался на качели, и отъ души въ ребячьемъ обществѣ нѣсколько отлегло.

Часу въ первомъ легъ спать, а въ третьемъ Власъ разбудилъ меня крикомъ «пожаръ!» — я выскочилъ на крыльцо: на селѣ было тихо, все спали, а половина неба алѣлась яркимъ заревомъ; какъ гигантскій костеръ пылалъ домъ дяди Никифора, подожженный нечаянно ликовавшими наследниками на поминной попойкѣ. Сгорѣлъ домъ со всеми надворными постройками, со всемъ имуществомъ, сгорѣлъ и находившійся рядомъ пожарный сарай съ разохшимися дорогами, бочками и баграми. Спасать было некому, наследники и поминальщики были мертвецки пьяны, многихъ изъ нихъ замертво вынесли изъ горящей избы. Большинство проводжавшихъ дядю Никифора до кладбища мужиковъ отпавилось потомъ на полевые работы, оставались собутыльники племянниковъ, на пожаръ работать было некому.

И хоть осуждаю себя за нехорошее чувство, но я отчасти былъ доволенъ, что не досталось трудовое добро дяди Никифора его возрадовавшимся наследникамъ.

«Эхъ, дядя Никифоръ, дядя Никифоръ, видно правда, что хорошимъ людямъ не жить на бѣломъ свѣтѣ!».

Иин. Ангарскій.

Изъ странствованій по землѣ Урянховъ *).

І.

Путь отъ Джаломы до усинскихъ селеній я сдѣлалъ въ 5 дней, пройдя за это время до 160 верстъ. Тропа, связывающая Усинскій край съ «міромъ», какъ зовутъ за-саянскіе русскіе все, что лежитъ по сю сторону хребтовъ или «тайги», пересѣкаетъ главный массивъ Саяна. Восточнѣе,

*) Весною текушаго года, по инициативѣ иркутскаго генераль-губернатора А. Д. Горемыкина, была снаряжена большая пограничная экспедиція для изслѣдованія русской границы съ Китаемъ въ западной части Саянскаго хребта, отъ устья Кемчика, притока Енисея, до вершинъ рѣки Уса и, если возможно, далѣе къ востоку до тѣхъ областей Саянскаго нагорья, которыя лежатъ ближе къ границѣ двухъ смежныхъ губерній, Иркутской и Енисейской. Эта экспедиція, являясь продолженіемъ подобныхъ-же работъ въ восточныхъ Саянахъ, совершенныхъ въ 1887 году подъ руководствомъ полковника Н. П. Вобыря, состояла изъ д. с. с. В. И. Перетолчина, дѣлопроизводителя канцеляріи иркутскаго генераль-губернатора, полковника генеральнаго штаба І. И. Регульскаго и класснаго топографа Н. И. Наумова. Сверхъ того покровителю Отдѣла, генераль-лейтенанту А. Д. Горемыкину угодно было предоставить въ распоряженіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Рускаго Географическаго Общества 900 рублей, съ тѣмъ чтобы одинъ изъ членовъ отдѣла присоединился къ этой экспедиціи и, не стѣсняясь ея маршрутомъ, совершилъ поѣздку въ Усинскій край и смежныя области Монголіи.

Восточно-Сибирскій отдѣлъ сдѣлалъ мнѣ честь, командировавъ меня въ эти страны. На меня было возложено порученіе пройти по Улукхему и нѣкоторымъ его притокамъ и произвести съѣмку памятниковъ древности, древнихъ могильныхъ камней съ рунообразными письменами и прослѣдить ихъ распространеніе къ югу отъ долины Енисея. Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, эти надписи привлекли къ себѣ вниманіе ученыхъ. Профессора финляндскаго университета Аспелинъ и Гейкель сняли уже большую часть извѣстныхъ камней и трудъ перваго изъ нихъ въ 1889 году былъ опубликованъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ «Inscriptions de l'Enissei». Независимо отъ того, благодаря открытіямъ Н. М. Ядринцева въ долину Орхона, въ 1891 году Императорская Академія Наукъ сна-

близъ вершинъ Амыла и Уса Саянъ идетъ только однимъ непрерывнымъ горнымъ хребтомъ, мѣстами плоскимъ и широкимъ, мѣстами образующимъ высокіе отдѣльные пики и горныя группы, но здѣсь, начиная отъ «столбовъ» Иргакіи, самой высокой вершины этой части хребта, Саяны медленно понижаются къ пересекающимъ ихъ съ юга на сѣверо-востокъ тѣнинамъ Енисея, и раскалываются на пять параллельныхъ хребтовъ. Вотъ по порядку названія этихъ хребтовъ: Кулюмысь, Малый Ойскій, Большой Ойскій, Араданъ и Мірской хребетъ.

рядила обширную экспедицію въ Восточную Монголію, одинъ изъ членовъ которой Д. А. Клеменцъ, прослѣдовалъ въ долину Улу-хема и Кемчика и вновь снялъ надписи съ различныхъ камней. Дѣломъ нынѣшняго года уже вышелъ первый томъ атласа древностей Монголіи, изданнаго Академіей подъ редакціей академика Радлова. Эти работы произведены безъ всякаго участія Отдѣла, хотя они являются результатомъ открытія развалинъ Каракорума, среди которыхъ встрѣтились дву-язычныя надписи, дающія надежду отгадать таинственный смыслъ руническихъ знаковъ. Первая-же каракорумская поѣздка Н. М. Ядринцева была совершена отъ нашего отдѣла, который тѣмъ самымъ считалъ себя заинтересованнымъ въ дальнѣйшемъ продолженіи работъ въ этомъ направленіи. Эти соображенія и побудили Распорядительный комитетъ поставить, какъ главную цѣль моей поѣздки, — отысканіе новыхъ и снятіе уже извѣстныхъ надписей.

Всѣхъ могильныхъ камней съ надписями мною изслѣдовано и снято на полотно 12; изъ нихъ 2 большихъ камня съ отчетливо сохранившимися надписями до сихъ поръ не были извѣстны. Сверхъ того тѣмъ-же путемъ я снялъ нѣсколько оттисковъ съ рисунковъ на скалахъ, одной на берегу Убуръ-Горхалыка, притока озера Убса, другой на берегу Улу-хема, немного ниже соединенія двухъ его вершинъ: Бей и Ха-кемовъ. Одинъ изъ найденныхъ мною могильныхъ камней мнѣ удалось доставить на плотъ съ солью и сплавить въ Минусинскъ, гдѣ онъ и хранится въ мѣстномъ музеѣ.

Во время всего пути я собиралъ, насколько позволяли мои перевозныя средства, образцы горныхъ породъ, четыре ящичка которыхъ уже доставлены въ нашъ музей. Въ трехъ мѣстностяхъ, въ альпійской области Саяна до Уса, въ самой долинѣ Уса и, наконецъ, въ альпійской области Тяньну-Ола мною собраны растенія, составляющія три небольшихъ гербарія. Затѣмъ я собралъ, сверхъ того, нѣсколько мелочей, относящихся къ предметамъ буддійскаго культа, произвелъ маршрутно-глазомерную съемку при помощи буссоли на пространствѣ отъ устья Чакули, притока Енисея, до озера Убса и обратно отъ Убса черезъ вершины рѣки Элегеста до мѣстности Садданъ, на лѣвомъ берегу Енисея, и дѣлалъ барометрическія опредѣленія высотъ. Для этой цѣли въ моемъ распоряженіи находились, промѣ весьма хорошихъ термометровъ Фуэсса, два anerоида: одинъ Naudet № 305, другой Pitkins № 66. Директоръ иркутской обсерваторіи Э. В. Штедлингъ просилъ меня также

Первый изъ хребтовъ, который намъ пришлось перевалить, былъ Кулюмышъ. Подъемъ на этотъ сравнительно невысокій хребетъ занялъ двое сутокъ: первый переходъ (верстъ 15) отъ селенія Джаломы до привала на Семилужкахъ, второй отъ Семилужекъ до мѣстности, называемой Черемшанка. Отъ Джаломы тропа идетъ среди нахатныхъ полей, по «еланямъ», и медленно поднимается въ гору, вступая вмѣстѣ съ тѣмъ въ область густыхъ лѣсовъ, одѣвающихъ сѣверные склоны Саяна. Затѣмъ она переходитъ въ узкую долину Малаго Кебежа, и вьется по берегамъ этой рѣки, постоянно

доставить ртутный барометръ Паррота на Усинскую метеорологическую станцію. Мнѣ удалось довести въ цѣлости этотъ барометръ до Уса и съ 1-го іюня по немъ ведутся правильныя наблюденія г. Пржигоцкимъ, помощникомъ усинскаго пограничнаго начальника, взявшаго на себя трудъ вести метеорологическія наблюденія въ весьма интересной въ климатическомъ отношеніи Усинской долинѣ.

Окончательное снаряженіе для моей повѣздки состоялось въ Минусинскѣ. Здѣсь благодаря любезному содѣйствію І. П. Попова, кандидата сельскаго хозяйства и мѣстнаго жителя, я приобрѣлъ шесть лошадей — три вьючныхъ и три верховыхъ, — и нанялъ проводниковъ. Изъ нихъ одинъ — минусинскій мѣщанинъ Иванъ Павловичъ Скрипкинъ, сильный и рослый человекъ, почти одинъ управляющійся съ нашими дикими конями, только недавно приведенными изъ Абаканской степи, — другой Абдулъ Маметовичъ Абстразаковъ, родомъ казанскій татаринъ, старикъ лѣтъ 60, много лѣтъ жившій на русскихъ торговыхъ факторіяхъ въ Уранхайской землѣ и прекрасно говорящій по соботски.

31-го мая я отправилъ впередъ лошадей и проводниковъ до деревни Джаломы, Минусинскаго округа, лежащей у самаго подножія Саяна.

Въ Джаломѣ я засталъ П. Н. Крылова, ботаника изъ томскаго университета, командированнаго Императорскимъ ботаническимъ садомъ въ вершины Бей-кхема для собиранія растений и ботаническихъ изслѣдованій. Съ своими 11 лошадьми и тремя проводниками онъ расположился лагеремъ близъ этой маленькой горной деревушки, которая съ любопытствомъ смотрѣла на необычайное стеченіе столько гостей: нужно замѣтить, что пограничная экспедиція конвоировалась шестью казаками и сверхъ того для перевозки ея вьюковъ было выслано много лошадей и проводниковъ мѣстнымъ золотопромышленникомъ М. И. Денисовымъ.

Съ П. Н. Крыловымъ мнѣ суждено было сдѣлать значительную часть моего пути отъ Джаломы до Убса-Нора и назадъ до Салдана. Мы разставались съ нимъ за это время только иногда на день, на два, когда я уходилъ впередъ его, двигавшагося очень медленно, такъ какъ онъ собиралъ огромную массу растений, требовавшую сушки и укладки. Но отъ устья Чакуля до Салдана мы двигались неразлучаясь.

переходя съ одной стороны на другую. Преобладающія лѣсныя породы здѣсь береза, пихта и лишь изрѣдка попадается кедръ. На полдорогѣ ущелье раздваивается; на юго-востокъ идетъ падъ Кебежа, лѣвѣе на юго-западъ падъ его лѣваго притока, названнаго мнѣ проводникомъ рѣчкой Кулюмысь. Идемъ лѣвой падью; дорога замѣтно становится круче, долина очень узка, такъ что мѣстами приходится идти самымъ русломъ рѣки. Подножія горъ сажень на 20 отъ дна долины покрыты щебнемъ; выше его мохъ, одѣвающий твердые сланцевыя породы, и густой лѣсъ. Вскорѣ рѣчка раздѣлилась еще на двѣ, пошли по лѣвому истоку почти прямо къ югу. Нѣсколько разъ пришлось перевалить съ боковаго ската лѣвобережной гривы на гриву праваго берега. Затѣмъ скатомъ правой гривы стали медленно подниматься на хребетъ Кулюмысь. Вправо отъ дороги видѣлась высокая вершина, но еще съ лѣсистой верхушкой, покрытая большими пятнами снѣга, хотя это было 5-го іюня. Къ вечеру перваго дня мы прибыли на Черемшанку, первую станцію отъ Джаломы, лежащую почти на самой вершинѣ Кулюмыса. Здѣсь стоитъ бревенчатая хижина, служащая мѣстомъ стоянки. Кругомъ растилается небольшой лужокъ, очень тонкій и болотистый: очевидно, что снѣгъ стаялъ здѣсь лишь недавно. Лужокъ покрытъ черемшой, черемицей, *aconitum*. Кругомъ его обступаютъ невысокія пихты и кедръ. Къ югу тянется высокая лѣсистая грива — главный гребень Кулюмыса; къ сѣверу также небольшая гривка. Береза и осина исчезли, хотя на ходу попадались эти деревья, а также очень рѣдко тополи. Начинаются альпійскія формы растений.

На слѣдующій день мы поднялись на главный гребень Кулюмыса и двигались сначала вдоль по нему, а затѣмъ по высокой гривѣ, связывающей этотъ хребетъ съ гривами, окаймляющими долину Малой Ои. Съ гривы шелъ спускъ въ верховья небольшого притока Малой Ои. Спускъ этотъ безлѣсенъ, очень болотистъ и склоны отлогихъ гривъ покрыты здѣсь огромными полянами снѣга. Дорога идетъ по сочнымъ

альпійскимъ лугамъ, покрытымъ цвѣтущими растеніями. Кругомъ горять огненно-желтыя жаркія, синѣютъ фіалки, блескъ яркаго солнца увеличивается еще болѣе, отражаясь отъ синѣжныхъ полянъ, кругомъ стелется изумрудная ласкающая зелень. Изъ подъ копытъ лошадей выступаетъ вода, съ отложихъ склоновъ сосѣднихъ горъ струятся ручьи: горы сочатся. Дойдя до берега Малой Ои прошли съ полъ-версты вверхъ по этой рѣкѣ и затѣмъ переправились вбродъ. Рѣка имѣетъ ширины $2\frac{1}{2}$ —3 сажени, очень неглубока, но быстра. Берега ея безлѣсны, горы спускаются очень отлого и склоны ихъ также не покрыты лѣсами, только верхушки гривъ и сопокъ поросли кедровникомъ и пихтами.

Съ вершины гребня Кулюмыса мы въ первый разъ увидѣли къ югу высокій гребень Саяна — Араданскій хребетъ, имѣющій видъ стѣны съ высокими зубцами и сѣдловинами. Этотъ гребень высится надъ остальными горами; только далѣе къ западу видна высокая вершина на продолженіи Большого Ойскаго хребта, — Борусъ, не уступающая по высотѣ зубцамъ Арадана.

Путь изъ долины Малой Ои въ долину Большой Ои лежитъ черезъ невысокій водораздѣльный хребетъ, покатый къ рѣкѣ Малой Оѣ и крутой по другую сторону. Нужно замѣтить при этомъ, что долина Малой Ои значительно выше долины Большой Ои, хотя мнѣ не удалось сдѣлать наблюденія при переправѣ черезъ первую изъ этихъ рѣкъ. На отдѣльныхъ вершинахъ Малаго Ойскаго хребта уже нѣтъ лѣсной растительности. Спускъ съ Малаго Ойскаго хребта къ долины Большой Оѣ идетъ по узкой долинѣ, имѣющей направленіе $SO\ 30^{\circ}\ NW$. Привалъ сдѣлали на лѣвомъ берегу Большой Ои.

На слѣдующій день (7-го іюня) мы стали подниматься на Большой Ойскій хребетъ. Горы все еще состояли изъ мягкихъ сланцевыхъ породъ; лѣса сильно порѣдѣли, хотя преобладающей породой была еще пихта. Шли сначала вверхъ по Оѣ, затѣмъ повернули прямо къ S, по узкому

ущелью, обставленному крутыми гривами. На днѣ ущелья шумѣла рѣчка, одинъ изъ притоковъ Ои. Горы по прежнему сочатся, всюду влажная болотистая почва. Нѣкоторыя вершины на оставшемся позади южномъ склонѣ Малаго Ойскаго хребта покрыты пятнами снѣга. Въ верху ущелья, по которому мы поднимаемся, видны высокія обнаженные скалы, «каменные столбы».

На перевалѣ черезъ большой Ойскій хребетъ поставленъ пограничный столбъ, отдѣляющій Минусинскій округъ отъ Усинскаго. При спускѣ съ Большаго Ойскаго хребта въ систему рѣки Казырь-Сука и его притоковъ стали попадаться впервые обнаженія гранитовъ и гнейсовъ. Руслъ рѣкъ завалены здѣсь огромными валунами; склоны горъ покрыты густыми лѣсами — главнымъ образомъ пихты, изрѣдка попадаются огромные едры. Притоки Казырь-Сука имѣютъ стремительное теченіе и несутъ много воды; съ шумомъ вырываются они изъ узкихъ ущелій и выются среди высокаго лѣса и зелѣнѣющихъ береговыхъ кустарниковъ. Тамъ и сямъ торчатъ обнаженные скалы. Тонъ всей картины значительно измѣнился въ сравненіи съ долинами Ои; исчезли луговые поляны, болотистыя тундры и обнаженные покато-сти плоскихъ горъ; передъ нами разстилалась лѣсная область средней части Саяна: высокія крутыя гривы горъ, темные лѣса, окутывающіе ихъ, мѣстами голыя скалы, шумящія, быстро-несущіяся рѣки и ручьи. Болота исчезли, вездѣ твердая почва, крѣпкій камень, покрытый мхами.

Мы прошли два притока или правильнѣе двѣ вершины Казырь-Сука. Переваливъ черезъ лѣсистую гриву, мы достигли, наконецъ, его третьей меньшей вершины и стали медленно подниматься къ ея истоку. Снова начали рѣдѣть лѣса, исчезала пихта, смѣняясь кедромъ, появились цвѣтушіе рододендроны, ольха была также въ цвѣту. Мы шли лѣвымъ берегомъ рѣки, на правомъ берегу высились овальныя вершины, на лѣво тянулись высокія гривы, покрытыя множествомъ упавшихъ и истлѣвающихъ кедровъ. Вечерній при-

валъ мы сдѣлали недалеко отъ истока этой вершины Казырь-Сука; противъ насъ на лѣвомъ берегу ручья тянулась высокая грива, на самомъ гребнѣ которой стоялъ длинный рядъ кедровъ, затѣмъ шла осыпь, покрытая щебнемъ, и наконецъ, крутой, почти отвѣсный обрывъ.

Утромъ ущелье этой вершины Казырь-Сука показалось мнѣ очень живописнымъ. Рѣка принимаетъ нѣсколько притоковъ съ окрестныхъ горъ и быстро растетъ. Со склона гривы, подъ которой мы сдѣлали привалъ, видна внизу широкая лента рѣки (6—7 саж.), окаймленной пихтами и кедрами. На мѣстѣ привала растетъ много бодана, употребляемаго сойотами, какъ суррогатъ чая.

Путь 8-го іюня лежалъ вверхъ на высокую сѣдловину, кое-гдѣ поросшую низкорослыми кедрами и промыкавшую къ высокому гольцу, или, по мѣстному выраженію, «таскылу». Съ высшей точки этой сѣдловины открывался видъ на Араданскій гребень Саяна. Я оставилъ внизу лошадей и одного проводника и вмѣстѣ съ другимъ проводникомъ поднялся на самую вершину гольца. Мы переходили съ камня на камень по громаднымъ глыбамъ гранита. Весь гольецъ представляетъ собою осыпь громадныхъ гранитныхъ кусковъ. Мѣстами еще лежали на нихъ большія поляны снѣга. Подъ камнями виднѣлся ледъ и журчала вода. При подъемѣ мы встрѣтили свѣжіе экскременты марала и слышали пискъ горной куропатки. Когда мы поднялись до самаго верха, то увидали, что стоимъ на краю огромной пропасти. Вершина гольца образуетъ длинный полуциркъ, довольно крутой къ той сѣдловинѣ, съ которой мы стали подниматься и отвѣсный съ противоположной стороны. Внизу виднѣлось маленькое озерко, изъ котораго выходила рѣчка. Кругомъ по берегамъ озера зеленѣли луга и сверкали большія поляны снѣга. Рѣчка уходила къ сѣверу и затѣмъ заварачивала на западъ, огибая соседніе таскылы и лѣсистыя гривы. Дальше по долинѣ рѣчки уже виднѣлась полоса лѣсовъ. Къ сѣверу отъ насъ выплала другая остроконечная вершина, также совершенно

голая. Съ высшей точки ея ниспадала внизъ узкая бѣлая лента снѣга вплоть до сѣдловки, связывающей оба эти пика. На югѣ тянулся стройный рядъ араданскихъ таскыловъ, пуская отъ себя колоссальныя гривы, въ верхнихъ частяхъ покрытыя громадными полосами снѣга, внизу переходящими въ лѣсистыя гривы и сопки. Вся лѣсная область системы Кызырь-Сука, всё эти горы, которыя мы перевалили, и которыя казались намъ столь высокими, лежали подъ ногами.

Гранитныя глыбы на вершинѣ гольца, близъ края обрыва, лежали горизонтальной кладкой. Эти горизонтальные слои явственно обозначались на одномъ изъ концовъ полуцирка и давали толщю саженъ 20; подъ нимъ шли пласты какой-то другой породы, наклоненныя къ горизонту градусовъ въ 55° N., опускаясь до самаго дна полуцирка, на которомъ лежало озерко. Мнѣ показалось, что эти нижнія породы — сланцы, такъ что граниты лежатъ на нихъ, но не берусь утверждать это за вѣрное.

Смотри на зубчатую стѣну Арадана, я искалъ глазами, куда долженъ будетъ лежать нашъ дальнѣйшій путь. Стѣна подымалась круто надъ сосѣдними лѣсными гривами, такъ что казалось нѣтъ возможности взобраться на эту кручу. Только въ одномъ мѣстѣ виднѣлось небольшое сѣдло — это и былъ, какъ я догадывался, проходъ черезъ Араданскій гребень, выводящій на южные склоны Саяна. Это сѣдло лежало между двухъ самыхъ высокихъ гольцовъ. Спускъ съ таскыла занялъ болѣе часа. Къ вечеру мы достигли вершины Араданскаго гребня. По пути къ нему намъ снова пришлось опуститься въ лѣсную область и пересѣчь двѣ высокія и крутыя гривы. Система рѣчекъ, лежащихъ между Араданскимъ гребнемъ и гольцемъ, на который я поднимался утромъ, составляютъ лѣвые притоки того-же Кызырь-Сука. Три долины этихъ рѣчекъ мы пересѣкли почти подъ прямымъ угломъ, направляясь прямо къ югу. Приближаясь къ зубчатому скалистому гребню, мы снова поднялись выше

лѣснаго предѣла. Подъемъ на перевалъ представлялъ значительныя трудности: онъ былъ такъ крутъ, что пришлось слѣзать съ лошадей, гора сочилась, и путь преграждали огромныя поляны снѣга. Сама-же вершина перевала была уже свободна отъ снѣга, — это была ровная поляна, сажень въ 70 шириной, съ боковъ окаймленная довольно крутыми террасами, на которыхъ громоздились гигантскіе пики. Лѣвый, восточный гонецъ, образуетъ съ сѣверной стороны небольшой полуциркъ, съ отвѣсными склонами; на днѣ полуцирка также маленькое озерко и пятна снѣга; южный склонъ этого гольца болѣе отлогій и мѣстами здѣсь выступаютъ горныя породы слоистаго сложенія, падающія къ югу, какъ будто длинный рядъ чешуй, приподнятыхъ и лежащихъ одна на другой. Западный гонецъ имѣетъ форму высокаго стога.

Боковыя пики представляютъ собою голыя скалы, въ расщелинахъ которыхъ гнѣздятся рѣдкія альпійскія растенія. Самъ перевалъ — зеленый лугъ, покрытый мѣстами мелкимъ щебнемъ. Немного ниже его встрѣчаются низкорослыя пихты и кедры, а также карликовая береза (*betula nana*). Кристаллическія горныя породы опять исчезли — остались одни только зеленоватые сланцы, лежащіе повсюду, куда ни взглянешь. На югѣ видѣлись высокіе хребты какъ ближайшіе, такъ и далекіе, окутанные голубоватою дымкой. Я лично хорошо знаю эту вечернюю южную лазурь, эти синѣющія на горизонтѣ далекія горы — мнѣ сразу вспомнились картины дѣтства, виды Монголіи, и я не хотѣлъ вѣрить словамъ проводниковъ, что эти синія горы — только За-усинскій хребетъ, а не монгольскія Танну-Ола. Но были видны и послѣднія: только чуть-чуть, совсѣмъ въ туманѣ и только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ ближнія горы понижались. Внизъ спускалось темное ущелье, и тамъ сквозь листву деревьевъ уже сверкали огни привала.

Мы быстро спустились съ Арадана въ долину Тепсея и остановились на привалѣ среди темной зелени огромныхъ кедровъ.

9-го Юля двинулись берегомъ Тенселя, все еще продолжая спускаться съ Арадана. На правомъ берегу его близъ мѣста стоянки замѣтно хорошо выраженные обнаженія сланцевъ. Версты $1\frac{1}{2}$ дальше снова такое-же обнаженіе; кругомъ густой пихтовый лѣсъ; кедры рѣдки, появилась береза. Еще прошли версты 4 и спускъ окончился; тропа повернула на SSO въ долину праваго притока Тенселя. Отсюда опять начинается подъемъ на лѣсистую гриву, на которой встрѣчается много кедровъ. Спустившись немного влѣво отъ дороги, мы остановились на полуденный привалъ у небольшого ключа. Лѣсъ здѣсь рѣдкій, сосѣднія вершины обнажены и скалы состоятъ изъ сланцевъ. Лугъ у ключа пестрѣетъ множествомъ цвѣтовъ; здѣсь я собралъ два вида генціанъ — «голубушекъ», какъ ихъ зовутъ на Алтаѣ, — синюю большую и голубую маленькую. На скалахъ какіе-то желтые цвѣточки, на болотцахъ присѣ и голубыя аквилегіи. Горы носятъ мягкій характеръ: обнаженія выступаютъ часто, но крутыхъ обрывовъ не видно.

Послѣ полудня пришлось перевалить Мірской хребетъ. Это былъ послѣдній «таскылъ», за которымъ лежала долина Уса. Когда мы поднялись на него, густой дымъ застилалъ всю южную часть горизонта; на NNW видѣлся зубчатый гребень Арадана. Спускъ съ Мірскаго хребта шелъ ущельемъ рѣки Мірской — сойотское названіе ся Шевелихъ, — притока Уса. Стали появляться лиственницы, доселѣ не встрѣчавшіяся намъ при переходѣ черезъ Саяны. На обоихъ бокахъ ущелья видѣлись крутыя обнаженія, но то не были уже сланцы, а красные песчаники. Наступила темная ночь, когда мы вступили въ сплошной лѣсъ огромныхъ лиственницъ. Люди и лошади измучились и мы отложили наше намѣреніе добраться въ эту ночь до усинскихъ селеній. Мы рѣшили переночевать въ этомъ знаменитомъ усинскомъ бору — «проклятые старовѣры, ишь куда забрались, говорилъ одинъ изъ проводниковъ — конца этому лѣсу нѣтъ». Привалъ сдѣлали близъ берега рѣки Мірской. Ночь была теплая,

вѣяло дыханіемъ монгольскихъ степей. Сквозь кроны гигантскихъ лиственницъ горѣли звѣзды яркія, преркія. Рядомъ съ нами вскорѣ развели костеръ какіе-то звѣровщики, возвращавшіеся съ промысла въ вершинахъ мірскихъ таскыловъ. Благодаря обычаю, существующему въ этихъ лѣсахъ, съ нами подѣлились свѣжей убойной и въ эту ночь мы поужинали мясомъ марала.

II.

Та мѣстность по рѣкѣ Усѣ, гдѣ расположены усинскія селенія, представляетъ расширенную долину вереть въ 20 длиною и версть 15 въ ширину. Выше и ниже этой котловины Усѣ течетъ въ узкой долинѣ, часто съ отвѣсно-падающими склонами. Рѣка Усѣ имѣетъ ширину сажень въ 50 и катитъ свои зеленоватые воды среди лиственничныхъ и тополевыхъ роцъ, образуя множество узкихъ рукавовъ. Собственно рѣчная долина, покрытая мелкимъ галечникомъ, имѣетъ ширину отъ 2 до 3-хъ верстъ. На лѣвомъ берегу, выше ея лежитъ обширная терраса, простирающаяся до самаго подножія За-усинскаго хребта. Въ этой террасѣ широкой полосой врѣзана долина небольшой рѣчки Макаровки, лѣваго притока Уса. На правомъ берегу широкимъ треугольникомъ спускается къ долинѣ Уса падъ рѣчки Мірекой, ея поросшая прекраснымъ лиственничнымъ лѣсомъ. Нижняя часть этого треугольника образуетъ свободное отъ лѣса пространство и занята пашнями. Изъ другихъ притоковъ Уса, спускающихся къ этой котловинѣ, слѣдуетъ упомянуть Узюнь и Иджимъ, впадающіе въ Усѣ выше Макаровки. Ихъ ущелья близко подходятъ къ рѣкѣ Усѣ и не образуютъ широкихъ долинъ. Горы, лежащія близъ Узюна и Иджима, состоятъ изъ крупно-зернистаго конгломерата, образчики котораго взяты мною. Теченіе этихъ притоковъ Уса обозначено вездѣ рядами тополей и лиственницъ. Остальная-же часть усинской

котловины безлѣсна, но гривы За-усинскаго хребта всѣ поросли лиственничнымъ лѣсомъ.

Усинскія селенія расположены по обоимъ берегамъ рѣки; меньшее изъ нихъ — селеніе Нижне-усинское, населенное преимущественно раскольниками «стариковскаго» толка — на правомъ берегу рѣки Усь; немного выше, на противоположномъ берегу лежитъ Верхнеусинское селеніе, въ которомъ, на ряду съ раскольниками «стариковскаго» толка, живутъ и старовѣры такъ называемаго австрійскаго согласія и небольшая группа православныхъ. Исторія образованія этихъ селеній могла-бы дать любопытную иллюстрацію къ исторіи колонизаціи Сибири вообще. Этотъ маленькій міръ, заброшенный въ глубь Саянскихъ горъ, носитъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ чертъ, какими наградила исторія нашей окраины сибирское крестьянство. Умный, энергичный, смѣлый усинскій крестьянинъ въ то же время суровъ, подчасъ жестокъ, особенно съ сойотами, и сама внутренняя жизнь его отлита въ твердо установленныя формы, гдѣ все подчинено соображеніямъ экономическаго характера. Не смотря на то, отношенія между домами выходятъ далеко за предѣлы строгаго соблюденія семейныхъ узъ и часто носятъ отпечатокъ сильной распушенности. Безъ сомнѣнія, эта черта характера объясняется тѣмъ сочетаніемъ разнородныхъ, бродячихъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось усинское общество: сюда приходили вмѣстѣ съ вольными переселенцами изъ оренбургскихъ степей и лѣсовъ Тобольской губерніи также бродячіе люди Сибири, бѣглецы разныхъ категорій до каторжныхъ включительно. Проявленіе родительской власти надъ дѣтьми часто принимаетъ весьма суровый видъ. Однажды усинскій пограничный начальникъ пригрозилъ при мнѣ отвѣтственностью передъ закономъ одному изъ раскольниковъ, о которомъ ходили слухи, что онъ приковываетъ на ночь свою дочь изъ боязни, чтобы она увидѣлась съ своимъ возлюбленнымъ, на бракъ котораго съ этой дѣвушкой не было согласія родителей той и другой стороны. На эту угрозу отецъ-

раскольникъ, сравнительно еще не старый человекъ, высокій, сухощавый, нѣсколько сгорбленный брюнетъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и сверкающими глазами, весьма сдержанно и твердо отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что родительская власть его личное дѣло и что онъ не считаетъ правымъ постороннее вмѣшательство. И когда, послѣ того, начальникъ прямо сказалъ ему, что истязанія воспрещены закономъ, онъ, не отрицая прямо факта, послужившаго поводомъ къ разговору, сказалъ только, что о немъ болтаютъ много лишняго. Вечеромъ, въ тотъ-же день, г. Талызнинъ указалъ мнѣ эту дѣвушку, сидѣвшую на завалинкѣ. Говорятъ, еще недавно она была свѣжей и бодрой красавицей; теперь-же она имѣла страшно болѣзненный видъ, ея глаза какъ-то дико смотрѣли передъ собой.

Я не берусь рисовать общей картины внутренней жизни усинскихъ селеній. Но въ моей памяти и записной книжкѣ сохранилось нѣсколько наблюдений, знакомство съ которыми будетъ, можетъ-быть и не безъинтересно для читателей. Помимо хлѣбонашества и скотоводства, главнѣйшихъ источниковъ благосостоянія жителей этихъ селеній, существуетъ еще родъ промысловъ, дающихъ имъ прибыльный и сравнительно нетрудный заработокъ. Какъ такой видъ промысла можетъ быть разсматриваема торговля съ пограничною Урянхайской землѣю и прилежащими къ ней странами собственно Монголіи. Хотя изъ жителей усинскихъ селеній я знаю только одного, который имѣетъ торговую факторію въ Урянхайской землѣ — Тарховъ, при устьѣ Шагана — и притомъ эта торговля не велика, но тѣмъ не менѣе само Усинское селеніе представляетъ изъ себя, можно сказать, почти сплошную торговую факторію, непрерывно ведущую мѣншой торгъ съ сойотами. Пушнина, добываемая въ окрестныхъ лѣсахъ, — бѣлка, соболь, рысь, росомаха, — рога изюбрей, какъ убитыхъ, такъ и выращенныхъ и содержимыхъ въ усинскихъ маральникахъ, хлѣбъ, кони, самый скотъ даже — все это служить для ссуды, продажи и обмѣна

сойотамъ, не говоря уже о табакѣ, спиртѣ, различныхъ родахъ бумажной бязи и другихъ товарахъ, частию продаваемыхъ въ усинскихъ лавочкахъ, частью обмѣниваемыхъ прямо изъ складовъ, имѣющихся у многихъ зжиточныхъ крестьянъ. Отъ сойотъ принимаются въ обмѣнъ главнымъ образомъ скотъ, лошади и та-же пушнина, затѣмъ шкуры барановъ и конскія, иногда даже кедровые орѣхи. Огромное количество послѣднихъ я видѣлъ въ упомянутомъ выше заведеніи Тархова на берегу Улу-кема, куда они были доставлены еще совершенно свѣжими съ сѣверныхъ склоновъ Танну-Ола. Благодаря этой массѣ продуктовъ, къ которымъ частию постепенно пріучается сойотъ, частию они ему нужны, какъ средство для уплаты податей, какъ напр. пушнина, усинскіе крестьяне имѣютъ большія стада и значительные табуны. Стада эти часто пасутся у тѣхъ-же сойотъ или тѣми-же сойотскими пастухами, иногда за небольшую плату, иногда просто за право пользованія молочными продуктами. Великолѣпныя пастбища высокой степи по рѣкѣ Уюку и его притоковъ служатъ главнымъ пріютомъ, гдѣ растеть и сохраняется скотъ усинскихъ богачей, пока хозяинъ не найдетъ выгоднымъ для себя угнать его на продажу или на пріиска Гусевской компаніи, лежащихъ въ вершинахъ притока Уса, рѣки Золотой, и вершинахъ притока Улу-кема, Или-кема, или на пріиска Амыльской и Бирюсинской тайги, или даже прямо въ Минусинскъ. Мараловодство и торговля пантами служатъ къ развитію связи Усинскаго края съ далекой Монголіей. Общее число мараловъ въ усинскихъ селеніяхъ, содержащихся какъ въ большихъ питомникахъ внѣ селенія, такъ и въ малыхъ загородахъ, расположенныхъ внутри просторныхъ крестьянскихъ дворовъ, доходитъ до 50. Ихъ ловятъ въ лѣсахъ иногда маленькими, иногда привозятъ и большими. Ловля большихъ мараловъ производится обыкновенно зимою. Артель охотниковъ гонится на лыжахъ, вѣроятно, съ страшною быстротою, по свѣжему слѣду животнаго. Лыжи снизу обтягиваются шерстью, которая не

даетъ имъ скользить внизъ при подъемѣ въ гору. При спускахъ-же мчатся, рассказывали мнѣ, такъ, что захватываетъ духъ, стараясь только управлять лыжами такъ, чтобы не задѣть высокихъ деревьевъ. Артель беретъ съ собой котелокъ, небольшое количество провизии и теплой одежды и все это распредѣляютъ приблизительно по-ровну между всѣми охотниками. Во время погони за звѣремъ, нѣкоторые устаютъ и не могутъ больше бѣжать, тогда бѣгущіе впередъ сбрасываютъ съ себя весь грузъ, и задніе должны подобрать его. Но мараль быстро утомляется и падаетъ въ изнеможеніи или просто застрѣваетъ въ глубокомъ снѣгу. Тогда его скручиваютъ веревками, кладутъ на сани и привозятъ въ селеніе. Здѣсь его беретъ тотъ изъ участниковъ артели, у котораго есть свой маральникъ, остальные-же члены получаютъ деньгами свою долю. Во время моего пребыванія на Усу, 14 іюня, производилось спиливаніе роговъ. Я видѣлъ близко эту тяжелую операцію, когда носящемуся изъ конца въ конецъ загороди звѣрю стараются накинуть петлю на ногу, и когда онъ повалится, то мгновенно бросаются на него человекъ 15—20 и придавливаютъ его крѣпче къ землѣ, тяжестью своихъ тѣлъ. Бѣда, если вырвется изъ рукъ или веревкою стиснутая нога животного, страшнымъ ударомъ онъ можетъ сломать кость или убить на повалъ, если кто неосторожно подвернется въ эту минуту. Сдѣлать такъ, чтобы быстро затянуть широко разостланную на землю петлю прежде, чѣмъ носящійся стремглавъ звѣрь вырветъ изъ нея свою ногу, бываетъ довольно трудно и это рѣдко удается сразу. На моихъ глазахъ разъ десять прибѣгали къ этому приему, прежде чѣмъ скрутить звѣря. Мараль волновался все больше и больше послѣ каждой неудачной попытки и въ это время старикъ крестьянинъ съ трогательною нѣжностью обращался къ нему со словами: «сыночку, сыночку». Эта нѣжность передъ мучительной хирургической операціей протекала, какъ можно было судить изъ замѣчаній другихъ, изъ опасенія, чтобы животное не расшиблось или не зацѣ-

пило рогами за столбы внутри тѣсной загороди. Нужно замѣтить, однако, что мараль этотъ принадлежалъ совершенно другому лицу, не связанному со старикомъ никакими общими интересами. Иногда маралы издыхаютъ послѣ спилки роговъ отъ кровоистеченія. Въ нашъ прїѣздъ погибло такимъ образомъ нѣсколько мараловъ, въ томъ числѣ и одинъ изъ лучшихъ во всемъ селеніи, дававшій рога до 27 фунтовъ вѣсомъ. Нынѣшній начальникъ Усинскаго пограничнаго округа, Н. О. Талызинъ, предложилъ всемъ мараловодамъ пріобрѣсти въ складчину электрическій приборъ съ платиновою пластинкою для сръзыванія роговъ и уже обратился къ петербургскимъ техникамъ за свѣдѣніями по этому дѣлу.

Рога марала стоятъ отъ 4 — 5 рублей за фунтъ, а вѣсъ двухъ роговъ колеблется отъ 8 до 16 фунтовъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ превышаетъ послѣдній предѣлъ. Рога, какъ я сказалъ, сбываются въ Монголію. Но обыкновенно усинскіе крестьяне мараловоды не ведутъ непосредственно сами этой торговли, а сбываютъ ихъ или на торговую факторію по Улу-кему или нѣкоторымъ скупщикамъ изъ своей-же среды. Послѣдніе везутъ ихъ въ Улясутай, гдѣ они вымѣниваются главнымъ образомъ на зеленый кирпичный чай, весьма плохого достоинства, но сильно расходящійся среди сойотъ въ обмѣнъ на скотъ. Этотъ товаръ (т. е. скотъ) является послѣднимъ моментомъ въ сдѣлкахъ съ сойотами и обращается въ деньги и денежныя обязательства не иначе, какъ при сбытѣ на пріиска.

Я коснусь въ другомъ мѣстѣ торговаго пути на Улясутай. Теперь-же расскажу только случай съ однимъ молодымъ усинскимъ крестьяниномъ, сыномъ одного изъ самыхъ крупныхъ старовѣровъ. На Салданѣ, торговой факторіи г. Сафьянова, жилъ нѣсколько дней этотъ молодой старовѣръ, дожидаясь прихода каравана съ чаемъ изъ Улясутая, куда онъ недавно отвезъ рога, и здѣсь, когда пришли монголы, раскупорилъ ящики съ чаями, пересчиталъ кирпичи и не досчитался одного. Вотъ изъ за этого-то одного кирпича онъ

готовъ былъ отобрать у блѣднаго возчика-монгола — верблюда, и не знаю, не рѣшился-ли онъ сдѣлать это при насъ — мы были тогда на Солданѣ вмѣстѣ съ П. Н. Крыловымъ — или по какой-либо другой причинѣ, можетъ-быть изъ разсчета, что этотъ монголъ понадобится ему на слѣдующій годъ, какъ возчикъ. И меня поразило то, что онъ смотрѣлъ на свое намѣреніе, какъ обусловленное строгимъ, непрекаемымъ правомъ и какъ-будто считалъ себя слишкомъ великодушнымъ, когда отказался отъ его исполненія. Изъ разсказовъ другихъ я узналъ, что богатая семья этихъ старовѣровъ отличается рѣдкимъ даже въ усинскихъ селеніяхъ скопидомствомъ и скупостью, отказывая себѣ во всемъ и употребляя крайне неизысканную пищу. Замѣчу здѣсь, что этотъ молодой человѣкъ былъ высокаго роста, очень сухощавъ, съ блѣднымъ лицомъ и ходилъ немного согнувшись. Но онъ былъ весьма дѣловитъ, рѣшителенъ и отецъ безъ боязни возлагалъ на него самыя трудныя порученія.

Однажды, послѣ утомительнаго дня, проведеннаго въ разѣздахъ за памятниками древности по Уюкской степи, когда я вернулся вечеромъ на мѣсто нашей стоянки, въ домѣ одного изъ уюкскихъ жителей, и расположился пить чай, въ комнату вошелъ только-что пріѣхавшій съ Уса крестьянинъ. На видъ ему было лѣтъ 35. Это былъ высокаго роста, красивый брюнетъ, прекрасно сложенный и щеголевато одѣтый въ черный суконный казакинъ. Мы познакомились съ нимъ и за чаемъ повели бесѣду о текущей злобѣ усинскаго дня. Чума или какая-то другая болѣзнь появилась въ это время въ Усинской степи, въ гуртѣ Сафьянова, и жертвою ея уже пало болѣе 150 головъ. Весь Усъ волновался по этому поводу, всѣ боялись за свой скотъ и въ то же время лелѣяли тайную надежду, что дѣло ограничится однимъ только Сафьяновымъ. Въ послѣднемъ случаѣ былъ-бы обезпеченъ сбытъ ихъ скота въ бирюсинскую и амыльскую тайги. Мой собесѣдникъ ни единымъ словомъ не выдалъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, но спустя двѣ недѣли я

хорошо узналъ въ чемъ дѣло. Этотъ усинець самъ имѣлъ гуртъ скота головъ въ 300 и заблаговременно вывелъ его изъ Уюкскихъ степей на сосѣднія горныя пастбища. Но боязнь чумы была велика и онъ торопился запродавать весь скотъ по сходной цѣнѣ Сафьянову, который не могъ выполнитьъ безъ новой покупки лежащихъ на немъ обязательствъ по доставкѣ мяса. Эта сдѣлка почти состоялась, но въ самый рѣшительный моментъ, когда уже пріѣхали отъ Сафьянова посланные, чтобъ гнать скотъ, усинець отступилъ, ибо къ тому времени чума прекратилась.

На торговлѣ скотомъ вертятся такимъ образомъ основные интересы и расчеты усинскихъ крестьянъ. Это уже не простое добываніе необходимыхъ средствъ къ жизни, это источникъ богатства и богатства не малаго. Дѣло здѣсь сопряжено, конечно, съ рискомъ, но этотъ рискъ не больше, чѣмъ вѣроятность погибнуть хлѣбамъ отъ засухи, а труда почти нѣтъ никакого, такъ какъ скотъ пасется тѣми-же сойотами и даже запасовъ на зиму для его прокормленія не нужно дѣлать, такъ какъ сойоты угоняютъ зимою весь скотъ въ вершины горныхъ ущелій и здѣсь онъ пасется до весны. Звѣропромышленность также составляетъ не малую статью дохода усинскихъ крестьянъ. Огромные лѣса, лежащіе по сую сторону Уса, высокіе таскылы Мірскаго хребта, Арадана и горъ, окаймляющихъ систему Казыръ-Сука, полны дикими звѣрями и свободны для ловли и охоты. Съ усинскихъ селеній выходятъ на звѣриный промыселъ и далѣе къ востоку въ вершины Уса и притоковъ Бей-кема, забираются на самую высъ центральной части Саяна. Охотятся и ловить звѣрей всякій тамъ, гдѣ хочетъ, гдѣ первый захватить мѣсто, и русскій наравнѣ съ сойотомъ, переходящимъ за нашу границу ради звѣриной ловли. Такъ по крайней мѣрѣ было до сихъ поръ, но многіе недовольны такимъ положеніемъ вещей и стремятся завести иной порядокъ, обращаясь однако-же не къ міру, выходя не изъ идеи общины, а напротивъ, пытаясь устроить свое дѣло, положивъ

въ основаніе формальное право. Миѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ офиціальное, совершенно чуждое крестьянскому міру, лицо, явилось ратоборцемъ за идею общины и, кажется, безуспѣшнымъ. Тотъ-же старовѣръ, о которомъ говорили, что онъ истязалъ свою дочь, подалъ чрезъ управленіе усинскаго пограничнаго начальника прошеніе казенной палатѣ объ отводѣ ему, за арендную плату, пади по одной горной рѣчкѣ для ловли пушныхъ звѣрей, на тѣхъ, конечно, условіяхъ, чтобы никто другой, ни сойоты, ни русскіе не могли пользоваться съ тою-же цѣлью этой, арендованной имъ, государственной пустопорожней землей. На это прошеніе пограничный начальникъ замѣтилъ, что хотя онъ и не можетъ не дать прошенію дальнѣйшаго хода, но считаетъ нужнымъ сообщить при этомъ свои мотивы противъ умѣстности подобной аренды. Первое — сойотамъ нельзя воспретить охотиться въ нашихъ владѣніяхъ, такъ какъ и русскіе охотятся почти безпрятственно на ихъ территоріи и сверхъ того сойоты позволяютъ русскимъ ловить рыбу въ Улу-кемѣ, Бей-кемѣ и ихъ притокахъ; второе — такихъ надей, какъ заявляемая подателемъ прошенія, считается въ усинскомъ округѣ не болѣе двадцати и, стало быть, если двадцать домохозяевъ разберутъ ихъ, то на долю остальныхъ жителей Уса не останется ничего. Въ заключеніе послѣдовалъ добрый совѣтъ обратиться ко всему обществу за разъясненіемъ этого вопроса, разбиться на артели и разобрать пади всѣмъ міромъ, но проситель не послушалъ совѣта, прошеніе осталось въ управленіи и я склоненъ думать, что казенная палата дастъ разрѣшеніе въ смыслѣ, желаемомъ просителемъ.

Этотъ фактъ, нужно думать, не болѣе, какъ единичный случай. На пахотныя земли усинскихъ крестьянъ, на ихъ покосы, вѣроятно, давно уже получила власть идея общиннаго владѣнія землей, въ силу простыхъ механическихъ причинъ, т. е. недостаточности количества этихъ земель, и относительно покосовъ также и той причины, что большинство изъ нихъ требуетъ приложенія къ себѣ труда

многихъ лицъ, такъ какъ лучшіе покосы усинскихъ селеній — орошаемые луга, «мочаги». Проѣзжая нѣсколько разъ черезъ рѣчку Макаровку, я видѣлъ то мѣсто, гдѣ рѣчка эта запруживается весной и откуда идутъ длинными грядками ряды канавокъ, орошающихъ огромную площадь между упомянутой выше верхней террасой усинской котловины и галечникомъ широкаго русла рѣки Усь. То же самое наблюдается и при выходѣ изъ ущелья рѣкъ Узюна и Иджима. Я не имѣлъ, однако, ни времени, ни специальныхъ познаній и подготовки, чтобы наблюдать существующія формы земельныхъ владѣній. Въ другомъ мѣстѣ, въ молодомъ отпрыскѣ усинскихъ сеаеній, въ селеніи Туранъ, лежащемъ верстахъ въ 60 къ юго-востоку отъ Уса, мнѣ пришлось выслушать рассказъ, сдѣланный собственно для того, чтобы сообщить мнѣ о подвохѣ со стороны сельскаго писаря, изъ котораго я заключилъ, что даже тамъ, на Туранѣ, гдѣ жители сами не знаютъ, чьи земли, ихъ или сойотскія, существуетъ, какъ норма, ежегодный передѣлъ покосныхъ угодій. Самый-же рассказъ любопытенъ въ другомъ отношеніи. Русскій поселокъ Туранъ возникъ за невысокимъ водораздѣльнымъ хребтомъ, отдѣляющимъ вершины рѣкъ Макаровки, Узюна и Иджима, отъ системы притоковъ Уюка, Тарлыка, Турана и другихъ. Въ немъ всего 20—25 дворовъ, значительная часть которыхъ состоитъ изъ старовѣровъ, выходцевъ съ Уса, — другая-же, меньшая — изъ курскихъ новоселовъ и пришлаго бродячаго элемента, съ однимъ изъ представителей котораго я и познакомился на покосѣ. Поселокъ состоитъ большею частью изъ новыхъ, недостроенныхъ домовъ; вездѣ идетъ неустанная работа по устройству жилья, замолкнувшая на время въ нашъ пріѣздъ, такъ какъ это было въ самый разгаръ покоса. Рѣка Туранъ разведена канавами, орошающими уже не покосы, а пахотныя поля, на которыхъ зеленѣла густая пшеница. Пашня прилегаетъ непосредственно къ селенію, она обнесена изгородью и тутъ-же стоитъ уцѣлѣвшій остатокъ старины, высокая каменная баба, изъ темнокраснаго

песчаника, съ рунообразными письменами, — одинъ изъ лучшихъ памятниковъ этого рода. Покосы-же идутъ вверхъ по рѣкѣ и тянутся внизъ и вправо по широкой Уюкской степи. Верстахъ въ 3-хъ отъ поселка стоитъ небольшое торговое заведеніе нѣкоего Ильи Бякова, минусинскаго мѣщанина. Когда стали дѣлать покосы, то моему упомянутому туранскому собесѣднику достался участокъ на землѣ, которую Бяковъ считалъ своимъ владѣніемъ. Туранскій житель сталъ косить и собирать сѣно, но неожиданно явился Бяковъ съ рабочими сойотами, отобралъ скошенное сѣно и прогналъ косца. Права свои Бяковъ основывалъ на томъ, что еще въ то время, когда не было и слѣдовъ русскаго поселка, заимка его стояла въ степи, онъ пользовался прилежащими покосными участками и сойотскіе начальники не только не препятствовали ему въ этомъ, но даже сами уступали землю за аренду въ формѣ подарковъ. На это туранскіе жители, уже хорошо знакомые съ порядками, существующими въ Урянхайской землѣ, возражали, что сойотскіе начальники не имѣютъ права уступать кому-либо пользованіе землею. Они ссылались при этомъ на слова прѣбывавшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Туранъ китайскаго чиновника, который сердился на сойотскихъ начальниковъ и говорилъ имъ: «гдѣ русскій воткнетъ колъ, его не выживешь оттуда, зачѣмъ вы позволили селиться!» Я не имѣю права касаться подробно вопроса о поземельныхъ недоразумѣніяхъ, существующихъ въ нашихъ пограничныхъ мѣстахъ, и отмѣчу только то обстоятельство, что узнавшій о поступкѣ Бякова сельскій писарь отказался выдать туранскому жителю какое-либо письменное удостовѣреніе въ томъ, что послѣдній началъ косить близъ заимки Бякова не самовольно, а по указанію общества. И въ средѣ самаго этого общества не обнаружилось единодушія, чтобы поддержать принятое рѣшеніе, только нѣкоторые отдѣльные члены общали туранскому жителю письменно засвидѣтельствовать, что онъ косилъ въ силу мірскаго приговора, да и то говорили объ этомъ съ опаскою.

Рыбный промысел составляет одну изъ важныхъ доходныхъ статей усинскихъ крестьянъ. Рыба ловится какъ по Усу и его притокамъ, такъ и въ Улу-кемѣ, Бей-кемѣ и другихъ рѣкахъ края. Однако, къ югу отъ Улу-кема, гдѣ господствуетъ одно сойотское населеніе, рыбная ловля не имѣетъ распространенія: эти мѣстности слишкомъ удалены отъ русскихъ владѣній и рыбопромышленники почти не проникаютъ сюда. За то по Бей-кему рыбныя ловли открыты для русскихъ, что объясняется слабостью численнаго состава сойотскаго населенія еще недавно весьма густонаселенной Уюкской степи, слабою властью сойотскихъ начальниковъ, ихъ подчиненностью зажиточнымъ крестьянамъ въ поселкахъ Турапѣ и Уюкѣ, и удобствомъ доставки рыбы въ Минусинскій округъ. Доставка эта чаще всего дѣлается путемъ сплава на плотахъ внизъ по Енисею. Самъ по себѣ сплавъ можетъ быть разсматриваемъ какъ особый видъ заработка для многихъ усинцевъ. Плоты уходятъ какъ съ самаго Уса, такъ и съ Бей-кема. На островахъ и склонахъ горъ, окаймляющихъ берега рѣкъ, вездѣ много высохшихъ, упавшихъ деревьевъ, могущихъ служить матеріаломъ для какаго угодно плота. Но чтобы приготовить плотъ болѣе цѣнный необходимо заранѣе нарубить лѣсъ и дать ему высохнуть; плоты приготовляются поэтому артелями, уходящими для этой цѣли часто далеко въ верхнее теченіе рѣкъ, откуда лѣсъ плавится внизъ и въ удобномъ мѣстѣ связывается въ плотъ. Наиболѣе обширные плоты дѣлаются для сплава соли, добываемой въ одномъ изъ озеръ Урянхайской земли. Озеро это, которое кажется не носить другого названія, какъ Тусъ-куль, что просто значитъ соленое озеро, лежитъ верстахъ въ 30 къ югу отъ Сафьяновскаго заведенія на урочищѣ Салданъ и очень богато солью. Сойоты однако-же не позволяютъ русскимъ черпать эту соль и сами добываютъ ее и свозятъ на факторію Сафьянова, гдѣ она складывается въ особый амбаръ. Соль эта весьма низкаго качества и требуетъ большихъ заботъ для очистки, но не смо-

тря на то, она находитъ сбытъ въ Минусинскѣ и идетъ иногда даже на промысла въ Енисейскій округъ. Въ годъ сплавляется въ два пріема, въ началѣ іюля и въ началѣ сентября до 2000 пудовъ соли. Плоть съ грузомъ въ 1000 пудовъ, обходится г. Сафьянову въ 200 рублей, считая въ томъ числѣ и плату лоцману (отъ 40—60 рублей), причемъ лѣсъ, при приходѣ плотовщиковъ въ Минусинскъ идетъ въ ихъ пользу и продается минусинскимъ мѣщанамъ или на постройку, или на устройство новыхъ плотовъ для сплава арбузовъ въ Красноярскъ и Енисейскъ.

Я уже упоминалъ выше о поселкѣ Туранъ въ Уюкской степи. Въ пяти верстахъ отъ него, немного ниже впаденія рѣки Туранъ въ Уюкъ стоитъ другой русскій поселокъ. Но это не земледѣльческое поселеніе и въ немъ не больше десятка дворовъ. Только въ одномъ дворѣ мы говорили, что пробовали сѣять хлѣбъ, но ничего изъ этого не выходило, такъ такъ свободно насущійся въ степи сойотскій скотъ стравилъ всѣ пашни. Сама-же высокая долина Уюка пригодна для земледѣлія. На Туранѣ родится отличный хлѣбъ, правда при искусственномъ орошеніи, условія-же остальной части системы Уюка и его притоковъ не менѣе благоприятны для земледѣлія и искусственное орошеніе здѣсь вездѣ возможно. Главные-же жители Уюкского поселка казанскіе татары и абаканскіе ипородцы. Они держатъ много скота, имѣютъ большіе табуны лошадей, занимаются мѣновой торговлей и даютъ пріютъ усинскимъ крестьянамъ и минусинскимъ торговцамъ, ѣздящимъ въ Урянхайскую землю и Улясугай, — Туранъ и Уюкъ лежатъ какъ разъ по дорогѣ въ этотъ китайскій городъ. Многие изъ нихъ ведутъ жизнь осѣдлаго скотовода. Рядомъ съ просторной деревянной избой съ нѣсколькими комнатами во дворѣ ставится одна или двѣ юрты, которыя служатъ и кухней, и мѣстомъ для ночлега. Также какъ сойоты, они готовятъ вино изъ молока, пьютъ его не меньше, чѣмъ сойотскіе дзайсанги, и также быстро пьянѣютъ и въ пьяномъ видѣ дѣлаются невыносимо

привязчивымъ. Въ сущности весь трудъ ухода за скотомъ лежитъ здѣсь на женщинахъ; скотъ вольно пасется въ теченіе дня тутъ-же, близъ поселка, на роскошныхъ лугахъ Уюкской степи, вечеромъ дворъ наполняется мычаніемъ дойныхъ коровъ и телятъ, и начинается работа женщинъ. Пастухами и работникамъ обыкновенно служатъ тѣ-же сойоты или обѣднѣвшіе абаканскіе инородцы.

Эта Уюкская степь возбуждаетъ много толковъ у жителей усинскихъ селеній: на нее обращены глаза всѣхъ, ищущихъ новыхъ земель, широкаго простора для колонизаціи. На долю пионеровъ русской колонизаціи выпадаетъ много труда и нужны недюжинный умъ и большой запасъ энергіи, чтобы держатся на нихъ. Но за то жизнь какъ-то развертывается шире, человѣческая личность можетъ дышать полной грудью, поле для развитія ея самодѣтельности открывается широкое, и какъ-бы мы ни смотрѣли на то, что подкладкой этихъ стремленій служатъ часто корыстные расчеты, возможность легко эксплуатировать трудъ тѣхъ-же сойотъ и пользоваться богатствами, накопленными кочевниками, все таки эта торжествующая сторона новой жизни невольно радуется наблюдателя и вселяетъ надежду, что эти молодые побѣги русской колонизаціи, при тѣхъ смягченныхъ условіяхъ жизни, какія наблюдаются въ данное время, уйдутъ далеко дальше, чѣмъ выселившая ихъ метрополія.

17-го іюня я выступилъ съ Уса на Вознесенскій пріискъ и первыя 27 верстъ до привала сдѣлалъ съ П. Н. Крыловымъ, остальные верстъ 40 съ Н. О. Талызнинымъ. Тропа идетъ съ начала внизъ по лѣвому берегу рѣки Усь и пересѣкаетъ двѣ рѣчки: Терешкину и Теплую. Склоны горъ по лѣвому берегу покрыты лѣсами, спускающимися довольно низко, мѣстами почти до самыхъ береговъ рѣки; здѣсь растутъ пихта, лиственница и изрѣдка сосна(?). Противоположный берегъ состоитъ изъ дикихъ, обнаженныхъ скалъ, лишь мѣстами въ падахъ поросшихъ лѣсомъ. Горы идутъ, все повышаясь, и стѣсняютъ долину Уса. Сначала мы ми-

новали небольшое займище, называемое Мордовской степью и примыкающее почти прямо къ усинскимъ поскотинамъ. Далѣе по Терешкиной и Теплой намъ встрѣтились отличные мочаги усинскихъ крестьянъ; тутъ-же по склонамъ горъ, обставленнымъ высокими лиственницами, расположились усинскія нашни. Далѣе тропа стала подыматься на карнизы, очень отлогіе и возвышающіеся надъ уровнемъ рѣки сажень на 30. Внизу вился Усь среди густой полосы лѣса. Обнаженія по лѣвому берегу Уса встрѣчены мною въ двухъ мѣстахъ, одно при началѣ Мордовской степи, другое на мѣстѣ привала. Здѣсь горы состоятъ изъ сланцевыхъ и кварцевыхъ породъ въ перемежку.

На устьѣ рѣки золотой, нѣсколько ниже нашего привала, стоитъ зимовка, служащая мѣстомъ остановки для возчиковъ грузовъ, везущихся на пріиска, и ѣдущихъ туда. Вода въ Золотой содержитъ желтую муть и сохраняетъ такой цвѣтъ до самаго устья, въ вершинахъ ея истоковъ и расположенъ одинъ изъ пріисковъ. Тропа по Золотой пересѣкаетъ нѣсколько разъ эту рѣку; на лѣвомъ берегу ея, по указанію Н. О. Талызнина, я остановился близъ гранитной скалы и взялъ нѣсколько образцовъ квасцовъ, образующихъ толстый налетъ на потолокъ одной изъ выступившихъ каменныхъ глыбъ. Здѣсь-же взяты образцы порфировъ, образующихъ обнаженія по ту и другую сторону рѣки. Отъ устья Золотой до Вознесенскаго пріиска мы ѣхали 3¹/₂ часа. Пріискъ лежитъ въ расширенной части верхней долины рѣки Золотой, недалеко отъ подножія главнаго водораздѣльнаго хребта, отдѣляющаго Усь отъ долины Улу-кема. Лѣса по приближенію къ пріиску сильно порѣдѣли, низкорослыя пихты и кедръ видны повсюду.

Пріискъ этотъ уже выработанный и работы ведутся здѣсь только старателями. Еще немного лѣтъ — прекратятся и эти послѣдніе слѣды работъ, и на мѣсто унесеннаго золота, останется только картина всеобщаго опустошенія и разрушенія: перевернутыя русла рѣчекъ, высокія насыпи,

выжженные, вырубленные и истребленные лѣса, полуразрушившіяся, неуклюжія постройки — вотъ все, что будетъ служить печальнымъ памятникомъ этого упорнаго и тяжелаго труда въ теченіи десятковъ лѣтъ.

День склонился уже къ вечеру, когда мы съ Н. О. Талызиннымъ выѣхали съ Вознесенскаго прииска и стали подниматься на гребень главнаго хребта. Здѣсь нѣтъ никакой сѣдловины, только гребень дѣлаетъ небольшой выгибъ къ югу и между склоновъ его лежитъ высокая котловина, въ которой собираются истоки рѣки Золотой изъ обширныхъ болотъ. Вдали къ сѣверо-западу виднѣлись высокія вершины Ашиана, лежація далеко выше лѣсной растительности и покрытыя пятнами снѣга. Они даютъ начало тремъ горнымъ потокамъ, также Ашианамъ, составляющимъ лѣвые притоки Уса, ниже Золотой. На лѣво отъ перевала, почти прямо къ востоку виднѣлась овальная полусфера горы Буры, на которой, по преданію сойотъ, остановился желѣзный плоть съ людьми во время потона. Къ югу спускалась котловина, подобная сѣверной, — въ вершинахъ рѣки Серлика, притока Или-кема. Перевалъ болотистъ, покрытъ мѣстами крупнымъ щебнемъ, и поросъ невысокими кедрами.

На Серликѣ лежитъ главный приискъ. Мы здѣсь переночевали и на слѣдующій день ходили смотрѣть золотопромывальную машину. При насъ промыли утреннее золото, при насъ происходила провѣрка уроковъ рабочихъ, вслѣдствіе жалобы поданной наканунѣ на приисковое управленіе. «Безпокойными людьми» здѣсь оказываются рабочіе изъ Европейской Россіи, не такъ легко поддающіеся стремленію эксплуатировать ихъ трудъ, какъ голытьба изъ поселенцевъ — этого обычнаго контингента сибирскихъ рабочихъ на золотыхъ промыслахъ. Жалоба заключалась въ томъ, что приисковое управленіе задавало уроки выше нормы, опредѣленной контрактомъ. Весь утренній урокъ былъ перемеренъ и оказался не выходящимъ изъ предѣловъ нормы. Впрочемъ и сами жалобщики не рассчитывали, что сегодня слова ихъ

оправдаются, ибо жаловались они на прошлые дни, а не на то время, когда проѣзжаетъ столько начальства.

На всѣхъ пріискахъ Гусевской компаніи, по Золотой и Серлику, рабочихъ насчитывается до 150 человекъ и вырабатывается въ годъ до 8 пудовъ золота. Въ пескахъ попадаются иногда довольно крупныя самородки. Какъ я сказалъ уже выше, мясомъ пріиска снабжаются усинскими крестьянами и съ торговыхъ заведеній Уюкской степи, сѣно свозится также съ Уса и изъ уюкской степи, хлѣбъ и другіе товары привозятся зимнимъ путемъ изъ Минусинскаго округа по Енисею и Усу. На пріискахъ есть рабочіе и изъ сойотъ. Продолжительной трудной работы они нести не станутъ, но для нѣкоторыхъ легкихъ работъ употреблять ихъ выгодно, ибо трудъ этотъ оплачивается дешево. Вокругъ пріисковыхъ построекъ, на склонахъ сосѣднихъ уваловъ, между стволами порѣдѣвшаго лѣса видныя коническія юрты кочевниковъ. Тутъ-же пасутся небольшія стада рогатаго скота и овецъ. Цѣлое лѣто сойоты гонятъ водку изъ молока, и тѣмъ причиняютъ большую тревогу пріисковой администраціи. Рабочіе тайкомъ покупаютъ этотъ сладковатый на вкусъ, не особенно крѣпкій напитокъ, и напиваются имъ до пьяна. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1892 г. было сдѣлано распоряженіе отрядить казака по всѣмъ юртамъ, чтобы онъ перевернулъ вверхъ дномъ всѣ сосуды и приборы для приготовления молочной водки, и нѣтъ сомнѣнія, что это распоряженіе было приведено въ исполненіе. Помимо водки и заработковъ, близость сойотскихъ юртъ объясняется еще и той ролью, какую сойотскія женщины играютъ по отношенію къ пріисковому люду, а сверхъ того сойотамъ и дѣваться-то некуда: вершины рѣчекъ представляютъ прекрасныя лѣтнія пастбища, гдѣ нѣтъ ни комаръ, ни мошекъ.

Скоро мы оставили пріисковую резиденцію и направились далѣе въ горы, черезъ высокую гриву, отдѣляющую истоки Серлика отъ истоковъ Куликама. Эта гора почти сплошное болото или правильнѣе лѣсная тундра, покрытая

мѣстами сплошными плитками щебня. Намъ предстояло по-сѣтить еще третій маленькій пріискъ, — на такъ называемомъ Воткинскомъ ключѣ. Здѣсь пришлось быть свидѣтелемъ печальныхъ сценъ и разсказовъ: изнуренный, больной рабочій не могъ устоять противъ соблазна, пилъ и ничего не дѣлалъ, и ему за это грозили розги. Бѣдная семья одного изъ пріисковыхъ служащихъ тоже переносила не мало горя въ этой пустынѣ, а тутъ еще хозяева порѣшили не выдавать болѣе мучную порцію крупчаткой, а перевести ее на пшеницу и рожь.

Съ Воткинскаго ключа мы быстро переѣхали еще одну небольшую гриву и стали спускаться по ущелью Були-кема. Тропа идетъ здѣсь часто карнизами или «заторами» и довольно опасна для сѣдока. Въ одномъ мѣстѣ пришлось даже провести въ поводу лошадь. Такихъ карнизовъ довольно много на южныхъ склонахъ За-усьинскаго хребта, или какъ называютъ его на географическихъ картахъ, Ергигъ-Шаня. Въ особенности опасны крутые и обрывистые заторы по Или-кему. Вершины горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Улу-кемъ, лежатъ въ дикихъ ущельяхъ, склоны которыхъ то скалисты, то покрыты богатою стенною флорою. Это не альпійскіе луга и не степи въ собственномъ смыслѣ этого слова, а именно мягкія овальные горы, поросшія стенными травами. Въ ущельяхъ гнѣздятся сойоты, по склонамъ горъ пасутся ихъ многочисленныя стада.

Крутые, безлѣсные гривы ущелья Кули-кема имѣютъ много обнаженій; самое дно ущелья покрыто мѣстами осыпавшимися горными породами. Лѣсъ — лиственница, пихта, береза и разнообразные кустарники тянутся узкой полосой только возлѣ русла рѣчки, въ которой очень мало воды. Мѣстами виднѣлись бѣловатыя скалы на правой щекѣ ущелья; это были, кажется, известковыя обнаженія. Здѣсь есть пещера, въ которой лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ жилъ какой-то неизвѣстный человѣкъ. Онъ не былъ сойотъ, но никто не можетъ сказать, былъ-ли онъ русскій. Сойоты

очень почитали его и носили ему пищу. Когда онъ умеръ, его навѣстили русскіе, изъ усинскихъ крестьянъ, и нашли комнату въ пещерѣ съ хорошо выложенной печью, труба которой выходила въ стѣну пещеры. Здѣсь нашли его трупъ, въ полулежащемъ положеніи, но потомъ этотъ трупъ исчезъ, вѣроятно, унесенный дикими звѣрями. Думаютъ, что это не былъ старовѣръ, а просто бѣглый изъ Сибири.

При выходѣ изъ ущелья, русло Кули-кема дѣлаетъ поворотъ влѣво, къ востоку, и это явленіе повторяется со всеми притоками Улу-кема съ правой стороны отъ Или-кема до Чинги. Вырываясь изъ узкихъ ущелій Ергикъ-Шаня, они направляются влѣво и выпадаютъ въ Улу-Кемъ противъ его теченія. Но въ большинствѣ этихъ рѣчекъ вода исчезаетъ при выходѣ изъ ущелья; она разведена арыками и орошаетъ скудные сойотскіе посѣвы проса. Руслу рѣкъ обозначены тополями и кустами караганы. Къ вечеру мы достигли береговъ Улу-кема, спускаясь по ровной, наклонной плоскости до крутого обрыва передъ наноснымъ займищемъ возлѣ одного изъ рукавовъ рѣки. Займище поросло огромными тополями (осокорь) и высокою травяною растительностью. Поднимаясь на обрывы — кругомъ разстилается безжизненная пустыня, съ скудными солончаковыми растеніями, вплоть до самыхъ горъ, въ ущельяхъ которыхъ кое-гдѣ зеленѣютъ небольшія рощи, и русель рѣчекъ, сопровождаемыхъ аллеями высокихъ деревьевъ.

III.

Теченіе Улу-кема отъ стрѣлки, т. е. отъ сліянія Бей-кема и Ха-кема, или какъ называютъ ихъ русскіе Большаго и Малаго Енисеевъ, до входа его въ тѣснины, при устьѣ Кемчика, представляетъ любопытную картину широкой и многоводной рѣки, по берегамъ которой, за исключеніемъ узкой полосы отъ 3 до 6 верстъ вдоль самаго русла и небольшихъ зеленѣющихъ дельтъ ея притоковъ, все остальное про-

странство представляют сухую, бесплодную степь и такіе же горы, покрытыя скудною растительностью. Эти переходы отъ зеленѣющихъ луговъ по теченіямъ рѣкъ къ полубезжизненной пустынѣ придаетъ всей мѣстности, разстилающейся къ югу отъ Ергикъ-Шаня, характеръ степей Монголіи. Долина Улу-кема какъ-бы преддверіе этой страны. Все что я видѣлъ до сихъ поръ сохраняло еще типическія черты ландшафта Восточной Сибири, по крайней мѣрѣ южной части ея. Но уже выходя изъ ущелья Кули-кема сразу видишь, что природа стала иная, что знакомое сочетаніе красокъ исчезло, что передъ глазами разстилается новая страна, отдѣленная рѣзкой гранью отъ прежней. Ущелье такой рѣчки, какъ Кули-кемъ, даетъ уже по одному обилію тополей и караганниковъ въ нижнихъ его частяхъ представленіе о горныхъ ущельяхъ Урянхайской земли; южные склоны Ергикъ-Шаня безлѣсны и этотъ первый изъ хребтовъ, на которомъ начинается наблюдаться законъ распредѣленія лѣсовъ въ Монголіи: сѣверные склоны покрыты лѣсами, южные оголены и поросли скудными представителями степной флоры. Нѣсколько высокихъ бомовъ или контръ-форсовъ, идущихъ, близъ устья притоковъ Улу-кема, отъ главнаго хребта, часто подходятъ къ самому берегу рѣки и образуютъ высокіе крутые обрывы.

20-го іюня утромъ я разстался съ членами пограничной экспедиціи, направившейся къ устью Бомъ-Кемчика, и, снявъ руническія письма близъ устья Кули-кема, сталъ переплываться на другой берегъ. Лошадей нашихъ переплавили сойоты: они завели ихъ версты за три вверхъ по рѣкѣ и, сидя верхомъ на нихъ, погнали ихъ въ воду; когда лошади всплыли, сойоты также поплыли, держась за гриву; при этомъ они громко пѣли какую-то пѣсню или молитву. Я засталъ ихъ на другомъ берегу продрогнувшихъ и прыгающихъ чтобы согрѣться; единственная одежда, бывшая на нихъ во время переправы — короткіе, выше колѣна штаны; сдѣлано это было за небольшую плату — по двѣ четверки махорки за каждую изъ лошадей. Самъ я и два проводника съ бага-

жемъ переправились на маленькой лодкѣ въ нѣсколько приемовъ. Переѣздъ черезъ рѣку длился около $\frac{3}{4}$ часа, сначала шли протоками, затѣмъ чрезвычайно быстрымъ клубящимся главнымъ русломъ. Вода въ главномъ руслѣ шумить — это галька катится по дну рѣки. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ до $2\frac{1}{2}$ верстъ. Мы переправлялись во время прибылой воды, которая не была особенно высока въ нынѣшнемъ году, но за то держалась очень долго: въ теченіи лѣта вода прибывала и упала до четырехъ разъ. Острова на Улу-кемѣ поросли осокоремъ, березой, лиственницей, караганникомъ и разнаго рода кустарниками; травы здѣсь достигаютъ громаднхъ размѣровъ и необыкновенной густоты; когда мы плыли, повсюду въ протокахъ и заливчикахъ рѣки видѣлось множество рѣчныхъ птицъ.

Мы остановились недалеко отъ устья лѣваго притока Улу-кема Чакуля, на торговомъ заведеніи Пашенныхъ, на которомъ живутъ, въ качествѣ довѣренныхъ, казанскіе татары и, въ качествѣ сторожей и пастуховъ, тѣ-же татары и окрестныя сойоты. Я пробылъ на этомъ заведеніи 4 дня и въ теченіи ихъ извѣдиль всю дельту Чакуля и окрестныя берега Улу-кема выше и ниже этого заведенія. Каждый разъ намъ любезно давали свѣжихъ, бойкихъ лошадей изъ большаго табуна, принадлежащаго заведенію. Я снялъ здѣсь надписи съ 5-ти могильныхъ камней, осмотрѣвъ другія древности, какъ напр. могильники безъ надписей, каменные курганы и каменную бабу. На каждый день поѣздка увѣнчивалась какимъ-либо успѣхомъ. Часто проводники сойоты, проводивъ цѣлый день по степи за розысками писанныхъ камней, сами не могли ихъ розыскать: «видѣлъ, гдѣ-то здѣсь, когда былъ маленькій, а теперь найти не могу», или «самъ не видалъ, а старики сказывали, что былъ такой камень въ этомъ мѣстѣ» — говорили они въ такихъ случаяхъ въ свое оправданіе. Я уже сказалъ выше, что ниже устья Чакуля, близъ берега Улу-кема мнѣ удалось найти неизвѣстный до сихъ поръ могильный камень, съ весьма тонкою и отчетливою

надписью и приплавить его въ Минусинскъ. Это я могъ сдѣлать благодаря тому, что во время моего пребыванія на Чакулѣ къ торговому заведенію присталъ плотъ съ солью, сплавляемой съ Салдана, и вслѣдствіе небольшого вѣтра долженъ былъ переждать до утра. Мы долго совѣщались съ главнымъ довѣреннымъ, какъ доставить писанный камень на плотъ. Днемъ этого нельзя было сдѣлать — могли вмѣшаться сойоты, увести на таратайкѣ также было опасно, сойоты схватившись, «отрѣзали» бы слѣдъ, который и провелъ-бы ихъ къ самому заведенію. Наконецъ, порѣшили глубокой ночью увезти камень на спинахъ двухъ лошадей до одного изъ рукавовъ Чакуля и сплавить его отсюда въ лодкѣ, на которой заѣдетъ ранѣе одинъ изъ служащихъ татаръ и будетъ дожидаться. Много предосторожностей пришлось выполнить прежде, чѣмъ ночью мы разыскали камень и доставили его на плотъ. Эти татары, наши проводники, могли-бы съ успѣхомъ обучать искусству, какъ слѣдуетъ вести сторожевую и развѣдочную службу въ виду непріятельскаго лагеря.

Чакуль верстъ за 15 отъ устья раздѣляется на три, широко расходящихся между собою рукава, изъ которыхъ, впрочемъ, только одинъ доносить воду до самаго Улу-кема, два-же другихъ частію разведены арыками, частію теряются въ прибрежныхъ болотистыхъ лугахъ. Благодаря этому пространство близъ берега Улу-кема, шириною верстъ въ 10, образуетъ длинный треугольникъ, прекрасно орошенный и представляющій богатую луговую степь; вдоль главнаго русла рѣки тянутся ряды деревьевъ и кустарниковъ, на остальномъ пространствѣ этого треугольника, вершина котораго уходитъ далеко вверхъ по рѣкѣ, нѣтъ древесной растительности, за исключеніемъ небольшихъ тополевыхъ рощъ близъ Улу-кема. Долина Чакуля — это одна изъ лѣтнихъ стоянокъ сойотъ, расположенныхъ по краямъ этой зеленѣющей дельты, тамъ гдѣ надъ ней возвышается невысокая терраса, сухая и съ скудной травянистой растительностью, составляющая переходъ къ сосѣднимъ горамъ, еще болѣе сухимъ и безжизнен-

нымъ, съ ихъ оригинальными, отдѣльно стоящими на равнинѣ сопочками, крутыми скалистыми обрывами, въ ущельяхъ которыхъ лишь изрѣдка вверху зеленѣетъ травка и прячутся двѣ три листовницы и то на сторонахъ, обращенныхъ къ сѣверу. Самъ Чакуль это небольшая рѣчка, сажень 15—20 шириною, но не во всѣхъ мѣстахъ съ удобствомъ переходимая въ бродъ. Теченіе ея медленно, вода негодна для питья, такъ какъ въ жаркіе дни въ ней стоятъ въ удобныхъ мѣстахъ и на отмеляхъ стада кочевниковъ. Въ устьѣ рѣки очень богата рыбой, болота и озера переполнены дичью разнаго рода, на террасахъ ближе къ горамъ бродитъ дрофа. Въ ясный, безоблачный день стоитъ здѣсь страшная жара и вверху отъ лучей солнца, и съ обонхъ боковъ отъ этихъ скалистыхъ горъ и ущелій, раскаленныхъ какъ печи. Мы не могли выносить безъ передышки тѣхъ 2—3 часовъ работы по сниманію надписи съ камня, которые требуются для этого дѣла.

Горы къ востоку отъ Чакуля носятъ названіе Аргылты, они не доходятъ до берега Улу-кема версты 4—5 и нигдѣ не образуютъ бома. Они пустынные, безлѣсны и состоятъ изъ причудливо изборозженныхъ скалъ и коническихъ сопковъ, въ безпорядкѣ разставленныхъ по массиву этой небольшой горной страны. Къ западу отъ Чакуля широкой полосой тянется сухая, почти безводная степь верстъ на 70 до самаго Кемчика. Ближе къ Улу-кему опять начинаются пустынные горы, между которыми и берегомъ рѣки остается равнина версты въ 2—3. Объ этихъ послѣднихъ горахъ сохранилась легенда, что гдѣ-то внутри ихъ хранятся священные книги, привезенныя изъ Монголіи на 40 выюнныхъ. Въ одномъ мѣстѣ надъ самымъ Чакулемъ въ скалѣ сдѣлано небольшое углубленіе, очень правильной формы, вродѣ печурки, на задней стѣнѣ котораго нарисовано изображеніе Будды, а по бокамъ какія-то двѣ тѣни. Печурка внутри выбѣлена, и на боковыхъ стѣнкахъ ея наклеены кусочки бумаги съ рисунками, передъ изображеніемъ поставлены століки съ разсыпаннымъ на немъ просомъ и

деревянная чарочка съ земель. Снаружи по бокамъ печурки высѣчены въ скалѣ и раскрашены двѣ человѣческія фигуры въ высоко поднятыми надъ головой и зажатыми кулаками. Пещерка эта возвышается сажени на 2 надъ подножіемъ скалы и къ ней поднимаются по наклону утеса справа и слѣва. Передъ утесомъ растянута веревка на двухъ ивовыхъ прутьяхъ и на ней развѣшаны онгоны: кусочки матеріи, бумаги, тибетскія молитвы, конскіе волосы и т. д.

Эта часовенка Будды — святилище чакульскихъ сойотъ, религія которыхъ переживаетъ переходъ отъ шаманизма къ буддизму, переходъ, который, вѣроятно, затянется еще на безконечное время. У мѣстнаго божества скоро долженъ былъ наступить праздникъ, мѣстами уже во время нашихъ поѣздовъ служились молебствія у нѣкоторыхъ обо, и во все это время населеніе Чакульской дельты пило съ утра до вечера свою молочную водку, и неистово курило табакъ, за дорогую цѣну приобретаемый на сосѣднемъ заведеніи. Часто, видя насъ ѣдущими изъ далекихъ юртъ, выѣзжали полупьяные дигари и неотступно слѣдовали за нами до тѣхъ поръ, пока не выкурятъ по трубкѣ и не получатъ въ подарокъ горсточку, другую табаку. На наши занятія археологіей больше смотрѣли съ любопытствомъ, чѣмъ съ неудовольствіемъ, но показывать памятники древности не всякій рѣшался, опасаясь возмездія со стороны своихъ начальниковъ. Одинъ разъ только бритый сойотъ, вѣроятно, готовящійся въ ламы и бывавшій въ Монголіи, нагнавъ насъ, обратился съ гнѣвною рѣчью, говоря — зачѣмъ русскіе ѣздить въ нашу землю и все высматриваютъ. Обнаружить свои сношенія съ заѣзжими русскими, вѣроятно, не совсѣмъ удобно въ сойотской землѣ; такъ, напримѣръ, одинъ молодой сойотъ, съ которымъ я два раза встрѣтился во время пути, здѣсь на Чакулѣ и позже въ вершинахъ Элегеста, только одинъ на одинъ рѣшался говорить по-русски, а въ присутствіи другихъ на всѣ вопросы, обращенные къ нему не чрезъ переводчика, упорно отвѣчалъ «бельмесь». Этого сойота звали

Томашапъ; онъ происходилъ изъ зажиточной семьи. Какъ и большинство молодыхъ сойотъ — это былъ ловкій, умный и веселый малый, безопасно разбѣзжавшій въ теченіи лѣта по степямъ и горамъ своей родины. Онъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Чоурнаемъ, часто служилъ намъ проводникомъ по Чакульской дельтѣ; когда усталые мы медленно возвращались назадъ, оба сойота выѣзжали обыкновенно впередъ и и затягивали свои пѣсни; свѣжіе голоса ихъ не лишены пріятности, пѣли они какъ будто какіе то гимны, иногда-же просто издавали горловые звуки. И то и другое были настоящія пѣсни безъ словъ не только для меня, но и переводчика. Ни старикъ Абдуль, ни татары съ заведенія никогда не могли перевести ни одного слова изъ пѣсни сойотъ.

Отъ стрѣлки до Бомъ-Кемчика, въ Улу-кемъ впадаютъ слѣдующіе притоки съ лѣвой стороны: Элегестъ, Баинголь, Чаатта, Шаганаръ и Чакуль. Изъ нихъ Баинголь и Чаатта весьма небольшія рѣчки, въ обыкновенную лѣтнюю пору едва доносящіе свои воды до главной рѣки. Шаганаръ, какъ его зовутъ русскіе, или по-сойотски Цаганъ-арыхъ есть сборная рѣка, составляющаяся недалеко отъ устья, верстъ 10—15, изъ многихъ рѣкъ и ручьевъ, текущихъ съ сѣверныхъ склоновъ Танну-Ола. Система этихъ рѣкъ обозначалась на географическихъ картахъ не совсѣмъ точно; въ нашу поѣздку намъ пришлось пересѣчь четыре истока этой рѣки, а относительно двухъ другихъ собрать нѣкоторыя разспросныя свѣдѣнія. Изъ этихъ послѣднихъ Аръ-Торхалыкъ, съ его притокомъ Аръ-Амрыкомъ, были пройдены монгольской экспедиціей Г. Н. Потанина 1880 года, а на существованіе самаго восточнаго притока — Козоя, намъ указалъ нашъ проводникъ. Элегестъ мы пересѣкли два раза: въ истокахъ этой рѣки и при устьѣ. Собранныя мною данныя могутъ пополнить наши географическія свѣдѣнія о странѣ, лежащей къ югу отъ Улу-кема до подножія Танну-Ола. Эта мѣстность въ нѣкоторыхъ, весьма значительныхъ по протяженію частяхъ ея, представляетъ всѣ удобства для осѣдлой земле-

дѣльческой жизни. Такой-же характеръ носятъ и равнины по рѣкѣ Брену, впадающему въ Хакемъ недалеко отъ слиянія его съ Бей-кемомъ. Послѣднія равнины составляютъ предметъ тайныхъ вожделѣній усинскаго населенія и о нихъ говорятъ не иначе, какъ о первомъ намѣченномъ пунктѣ для дальнѣйшаго движенія русской колонизаціи. Сами-же берега Улу-кема за исключеніемъ дельтъ нѣкоторыхъ рѣкъ представляютъ пустыню съ скудной солончаковой растительностью и стѣснены безлѣсными отрогами предгорій Танну-Ола, иногда весьма близко подходящими къ самой рѣкѣ и обрывающимися надъ ней крутыми бочагами.

Съ того мѣста Чакульской равнины, гдѣ стоитъ заведеніе Пашенныхъ, открывается довольно обширный видъ. На сѣверѣ — южные склоны Ергикъ-Шаня и тѣ высокія части его, которыя лежатъ въ верховьяхъ рѣки Чинги. На югѣ высятся вершины Танну-Ола, покрытыя огромными полянами снѣга. Одна вершина, казавшаяся наиболѣе высокой, гдѣ снѣговъ виднѣлось побольше, и остановила наше вниманіе. Рѣшивъ идти отъ Чакуля чрезъ Танну-Ола къ берегамъ Убса-Норъ, мы съ П. Н. Крыловымъ старались выяснитъ вопросъ, возможно-ли подняться именно на эту вершину. Послѣ долгихъ совѣщаній съ сойотами, одинъ изъ нашихъ проводниковъ сказалъ, наконецъ, что это возможно и 25-го іюня, мы выступили въ путь.

Мы шли сначала вверхъ по равнинѣ Чакуля, ближе къ горамъ Аргылы, пересѣкли одинъ изъ рукавовъ этой рѣки и затѣмъ громадный по длинѣ арыкъ, съ одной стороны котораго тянулись сойотскіе посѣвы проса. Этотъ арыкъ лежалъ значительно выше, чѣмъ рѣчная равнина Чакуля; но онъ былъ выведенъ изъ этой рѣки за нѣсколько верстъ выше по теченію и представлялъ канаву шириною болѣе сажени, наполненную медленно текущей водой; дно арыка составляла топкая, глинистая почва, въ которой глубоко вязли лошади. Посѣвы шли по лѣвому берегу арыка и располагались на поверхности, медленно склонявшейся къ рѣчной до-

линѣ; благодаря этому, изъ боковой насыпи арыка было возможно въ любомъ мѣстѣ выпускать воду и орошать поля. Съ праваго-же берега арыка мѣстность повышалась вплоть до горъ. Такъ какъ посѣвы не доходили до начала рѣчной долины, покрытой зелеными лугами, то между нею и полосой посѣвовъ оставалось широкое пространство съ тѣми буроватыми степными травами, какъ и на прилежащей къ самымъ горамъ равнинѣ.

Иногда отъ горъ далеко вдавались на равнину невысокіе контрфорсы, въ видѣ длинныхъ гривокъ, усѣянныхъ сопочками. Въ промежуткахъ отъ одного изъ такихъ контрфорсовъ до другого, развертывались обширныя степи, медленно понижавшіяся къ Чакульской равнинѣ, сухія въ это время года, но весною, вѣроятно, орошаемыя быстрыми потоками, глубокія русла которыхъ тянулись отъ горъ Аргыты по направленію къ Чакулю. Дно такихъ равнинъ усѣяно цѣлымъ рядомъ каменныхъ кургановъ. Одинъ разъ только въ одномъ изъ такихъ степныхъ пространствъ мы встрѣтили маленькій ключикъ, въ небольшой кѣтловинкѣ, гдѣ кругомъ зеленѣли и нестрѣли цвѣтами травы, а рядомъ разстилалась та же сѣровая степь. Мы медленно поднимались незамѣтно къ подножію вершинъ Аргыты и, съ каждымъ шагомъ впередъ, оглядывались назадъ на оставленные нами Саяны. Ергикъ-Шанъ развертывался во всей своей печальной красѣ; отъ самаго подножія хребта, омываемаго Улу-кемомъ, до самыхъ высокихъ альпійскихъ вершинъ, лежащихъ близъ истоковъ Чинги, южный видимый намъ склонъ былъ безлѣсенъ.

Мы шли какой-то большой, степной дорогою: я насчиталъ до 13 колеи, тянувшихся параллельно одна другой на разстояніи не больше аршина. Дорога вела прямо къ югу, по направленію къ высокой, покрытой снѣгами вершинѣ Танну-Ола, вскорѣ скрывшейся за передовыми горами Аргыты. Позднею ночью мы достигли вершины перевала черезъ эти передовыя уступы Танну и узкимъ ущельемъ, покрытымъ

высокими густыми травами, стали спускаться на равнину истоковъ Шагана. Мы остановились на берегу маленькой рѣчки близъ какого-то улуса; едва успѣли разбить палатки, какъ значительная часть населенія улуса, разбуженная лаемъ собакъ, пришла къ намъ. На этотъ разъ мы имѣли дѣло съ трезвыми людьми, предложившими свои услуги караулить нашихъ лошадей, изъ боязни, что если лошадей украдутъ, то отвѣтственность будетъ лежать на нихъ, нашихъ сосѣдяхъ на эту ночь. Таковы законы степи, поддерживаемые мѣстными административными порядками и выросшіе, очевидно, изъ часто непреодолимой трудности разыскать украденную лошадь.

Между горами Аргылта и Танну-Ола разстилается равнина, шириною верстъ 10, имѣющая направленіе съ юго-запада на сѣверо-востокъ и служащая поверхностью для стока водъ рѣчекъ Артикема, Иштикема и Парбарыка, истоки которыхъ лежатъ въ болотистыхъ ущельяхъ предгорій Танну-Ола. Сверхъ этихъ, весьма незначительныхъ, рѣчекъ, такъ сильно притомъ разведенныхъ арыками, что вода въ нихъ едва струится, по восточной окраинѣ равнины течетъ Куилэ, рѣка достигающая ширины сажень 15—20 и въ быстромъ потокѣ несущая много воды. Она въ свою очередь принимаетъ съ лѣва Шевелихъ, съ которымъ они сливаются сейчасъ-же по выходѣ изъ лѣсистыхъ предгорій Танну-Ола. Всѣ эти рѣки, впадая сначала въ Куилэ, а затѣмъ сливаясь съ Ар-Торхалыкомъ и его притокомъ Козой, составляютъ Цаган-арыхъ, притокъ Улу-кема. Равнина тянется къ сѣверо-востоку вплоть до береговъ Улу-кема и такимъ образомъ образуетъ широкую степь между горами Аргылты и ближайшими лѣсистыми гривами Танну-Ола.

На степи этой, близъ береговъ рѣкъ, находятся густые острова лѣса: тополи, лиственницы и пихты; мѣстами теченіе рѣчекъ также обозначено аллеями тополей и лиственницъ, но не на всемъ видимомъ изъ протяженія. Остальное пространство безлѣсно.

Нашъ путь лежалъ къ слиянію Куилэ и Шевелиха, близъ котораго собственно и начинается лѣсная область Танну-Ола. Мелкія заросли березы и лиственницъ тянутся еще версты на 3 къ сѣверу отъ устья Шевелиха, но настоящая граница лѣса проходитъ именно тутъ. Полоса лѣсовъ идетъ вверхъ по Куилэ верстъ на 28—30, какъ она обозначена на планшетахъ моей съемки, и покрываетъ какъ глубоко врѣзавшееся ущелье этой рѣки, такъ и сосѣднія гривы и при-мыкающія къ нимъ остроконечныя вершины, настоящія «стоги» сѣна, какъ называли мнѣ ихъ мои проводники. «Ишь, какой стогъ набросали мои работники», шутилъ обыкновенно одинъ изъ нихъ, любуясь на правильно отточенные, остроконечные конусы этихъ горъ. Страна, лежащая у сѣвернаго подножія Танну-Ола почти на всемъ протяженіи этого хребта отъ истоковъ Цаганъ-арыха до вершинъ Элегеста и великолѣпныхъ равнинъ его праваго притока Мичигея представляетъ всѣ удобства для жизни осѣдлаго земледѣльческаго населенія, умѣющаго воздѣлывать рожь, пшеницу и нѣкоторые иные виды хлѣбныхъ злаковъ. «Хорошія елани», твердили на каждомъ шагу наши русскіе проводники, когда мы вышли съ буроватыхъ степей близъ южныхъ склоновъ Арғылту, на границу нижняго лѣснаго предѣла предгорій Танну. Сочетаніе горныхъ лѣсовъ, полосы «еланей», т. е. высокихъ зарослей, которые могутъ быть обработаны подъ злаки, и степей, уже и теперь питающихъ обширныя стада, и все это вмѣстѣ на небольшомъ пространствѣ, такъ что переходъ отъ однихъ условій къ другимъ на лицо тутъ-же,—можетъ-быть разсматриваемо, какъ рѣдкое въ природѣ сочетаніе формъ, благопріятныхъ для весьма разносторонней дѣятельности людей. Я не говорю уже о минеральныхъ и лѣсныхъ богатствахъ Танну-Ола, объ его вершинахъ, лежащихъ далеко выше лѣснаго предѣла и богатыхъ обширными альпійскими лугами.

Куилэ мчится въ глубокомъ и живописномъ ущельѣ, представляющемъ въ вертикальномъ сѣченіи нѣсколько тер-

расъ, лежащихъ уступами одна надъ другой. Нижнія террасы весьма рѣзко обозначены почти отвѣсными стѣнками и дно ихъ покрыто крупными валунами и галькой. Все говоритъ, что когда-то здѣсь имѣла мѣсто гораздо болѣе сильная дѣятельность водъ, чѣмъ въ современную эпоху. Валыны разсѣяны, какъ и на самыхъ нижнихъ уступахъ, такъ и на двухъ верхнихъ, но на верхнихъ террасахъ они прикрыты растительнымъ слоемъ. Рѣка образуетъ непрерывный каскадъ съ значительнымъ паденіемъ, и шумъ ея доносится изъ глубины ущелья. Дорога быстро шла въ гору, по склону одной изъ гривъ, пока, наконецъ, русло рѣки само не поднялось на значительную высоту. Въ срединѣ ущелья развернулась открытая площадка и здѣсь мы остановились на привалѣ 27 іюня, второй день нашего пути отъ Чакуля.

Тайга Танну-Олы состоитъ главнымъ образомъ изъ лиственницы, только мѣстами въ нижнихъ частяхъ хребта встрѣчается кедръ, въ верхнихъ-же ближе къ лѣсному предѣлу кедръ становится преобладающимъ. Изъ другихъ древесныхъ породъ здѣсь растутъ ель и береза; сосны мы нигдѣ не встрѣчали на Танну-Ола. Тайга Танну-Олы — сухая, только выше лѣсной области попадаются болотистыя пространства, образующія значительныя площадки у подножія самыхъ вершинъ гольцевъ. На мѣстѣ нашего привала ущелье раздѣлялось остроконечной, лѣсистой сопкой и Куилэ принимало въ себя какую-то другую рѣку съ правой стороны. Кругомъ встрѣчается много обнаженій и мною взято нѣсколько образчиковъ горныхъ породъ, какъ съ мѣста привала, такъ и изъ пройденной части ущелья.

На слѣдующій день (28-го іюня), двигаясь тѣмъ-же ущельемъ Куилэ, мы достигли, наконецъ, рѣзко очерченнаго здѣсь предѣла лѣсовъ и сдѣлали привалъ и дневку на альпійскомъ лугу, болотистомъ и перерѣзанномъ небольшимъ ручьемъ, падающимъ въ Куилэ. Этотъ альпійскій лугъ лежитъ сажень на 30 выше русла рѣки, кругомъ его окаймляли уже не только безлѣсныя, но и лишенные почти всякой

растительности вершины. 28-го июня и накануне шелъ сильный дождь и вода быстро прибывала въ маленькомъ ручейкѣ. Вечеромъ этого дня мы сдѣлали подъемъ на ближайшую вершину, она вся покрыта крутыми плитами щебня, въ розсыпяхъ мѣстами лежалъ снѣгъ. Но было уже поздно, и только на слѣдующій день, отправившись съ утра, мы успѣли подняться на болѣе высокія части гольца, съ вершинъ которыхъ мы могли уловить общій контуръ гребня Танну-Ола.

Хребетъ тянется почти съ запада на востокъ, длинной, непрерывной цѣпью. Особенность этой цѣпи состоитъ въ томъ, что въ гребнѣ хребта она состоитъ какъ-бы изъ ряда полуцирковъ, обращенныхъ вогнутой стороной попеременно то на сѣверъ, то на югъ. Съ той точки гольца, которой намъ удалось достигнуть (Бар. пок. 563,5 при $t=7,0$) — эта точка значительно выше араданскихъ пиковъ, — и на которую мы поднялись съ восточной стороны, ясно различались самыя высшія точки снѣжной вершины, которая была видима съ Чакуля. До самыхъ вершинъ Куилэ мы не дошли, перейдя въ дальнѣйшемъ пути эту рѣку и повернувъ къ юго-востоку; Куилэ-же осталось вправо отъ дороги и въ глубокомъ ущельѣ, обходившемъ гонецъ съ юго-восточнаго его склона; поэтому я думаю, что эта рѣка имѣетъ истокомъ снѣжныя поля на томъ-же гольцѣ. Другая рѣка Шевелихъ — та самая, которая впадаетъ въ Куилэ слѣва на нижней границѣ лѣснаго предѣла, также беретъ истокъ съ посѣщеннаго нами гольца. Мы видѣли внутри полу-цирка, на одинъ изъ боковъ котораго поднялись, рядъ маленькихъ озеръ, непосредственно примыкающихъ къ снѣжнымъ полямъ и дающимъ истокъ рѣкѣ, уходящей внизъ по долину, почти параллельной долину Куилэ. Одно изъ этихъ озеръ, видимое сверху, казалось окрашеннымъ въ какой-то весьма красивый темнозеленый цвѣтъ. Надъ самыми истоками Шевелика и окружавшими ихъ снѣжными полями высились высшія точки гольцевъ, раздѣленные рѣзко выдѣлявшимся сѣдломъ.

Съ мѣста нашего привала до этихъ высшихъ точекъ гольца мы не имѣли возможности дойти въ одинъ день: во-первыхъ, это было довольно далеко (до 6 верстъ); во-вторыхъ, единственный путь лежалъ по гребню полуцирка, по которому подымаясь все выше и выше, приходилось часто спускаться съ отдѣльныхъ вершинокъ, игравшихъ какъ-бы роль ступеней огромной лѣстницы; въ третьихъ, день былъ холодный и пасмурный и густые клочья облаковъ, гонимые WNW вѣтромъ, постоянно поднимались изъ верхней части ущелья Шевелиха, окутывали вершины гольцевъ и пронизывали насъ холодной дрожью. Временами, когда на нѣсколько минутъ приостанавливалось это непрерывное ступеніе паровъ и разъяснялось небо, мы могли видѣть весь пройденный нами путь, всѣ эти степи отъ береговъ Улу-кема, пустынные горы Аргылы, степи, лежація близъ нижней границы лѣса Танну-Ола и, наконецъ, всю лѣсную область сѣвернаго склона этого хребта. Все говорило о томъ, что когда-то воды дѣйствовали съ гораздо большею силою, и ущелья, глубоко врытыя между гривами, отступали въ своихъ вершинахъ все дальше и дальше къ главному гребню, и что всего замѣчательнѣе, этотъ процессъ не только дѣйствовалъ на томъ и другомъ склонѣ хребта, но какъ будто съ южной стороны онъ былъ когда-то болѣе интенсивенъ, чѣмъ съ сѣверной.

На самыхъ вершинахъ гольцовъ нѣтъ сколько-нибудь значительныхъ снѣжныхъ пятенъ; напротивъ, они лежатъ на днѣ ущелья и окаймляютъ широкой полосой подножія гольцовъ. Часто тянутся они узкой лентой къ какой-нибудь глубокой впадинѣ, изрѣзывающей склонъ гольца. На розсыпяхъ намъ не удавалось встрѣтить другого живаго существа, кромѣ сѣрой горной куропатки.

Близъ нашего привала, на границѣ лѣса, встрѣтились нѣсколько шалашей сойотъ, перекочевавшихъ сюда изъ степей Шаганара, но не разбившихъ здѣсь юртъ, а просто жившихъ въ шалашахъ изъ древесной коры, устроенныхъ вродѣ навѣса, прислоненнаго къ стволамъ деревьевъ. Большое стадо овецъ

и рогатаго скота паслось тутъ-же на альпійскомъ лугу и громоздилось выше по склонамъ гольца, до той линіи, гдѣ прекращалась всякая растительность, кромѣ лишаевъ, одѣвающихъ плиты розсыней.

На слѣдующій день мы прошли версть 15 и ночевали на южномъ склонѣ хребта. Какъ я замѣтилъ выше, съ мѣста привала мы должны были вновь спуститься въ глубокое ущелье Куилэ, пересѣчь эту рѣку и подняться по весьма крутому склону на сѣдловину перевала. Какъ это ни странно, но эта крутая, сѣдловина является стокомъ водъ, сливающихся въ большой ручей, берущій начало на болотистыхъ полянахъ перевала и изъ спѣжныхъ полянъ, лежащихъ у подножія вершинъ по лѣвую сторону Куилэ. Верхняя часть ущелья этой рѣки, видимая съ перевала, представляла весьма дикую картину. Горы спускались къ нему огромными отвѣсными стѣнами, мѣстами начинавшимися чуть-ли не отъ самаго гребня гольцевъ. Всюду видѣлись массивныя обнаженія, толща которыхъ достигала до 30—50 сажень, и которыя состояли изъ горизонтально сложенныхъ плитъ.

На вершинѣ перевала мы подошли къ небольшому озерку, близъ котораго поставлены были нѣсколько обо, т. е. высокія кучи камней, между которыми воткнуты прутья и на нихъ привязаны ленточки разноцвѣтныхъ тканей, полосы матеріи съ тибетскими молитвами и сдѣланныя изъ дерева фигуры жукушки, коня и верблюда. Кстати о кукушкѣ: въ горахъ Танну-Ола эта птица весьма рѣдка: намъ почти не удавалось ее слышать, когда мы перешли на другой берегъ Улу-кема, между тѣмъ какъ въ Саянскихъ горахъ, особенно на южныхъ склонахъ ихъ, крикъ этой птицы слышался каждый день по нѣскольку разъ.

Отъ горнаго озера, съ его болотистыми, зеленѣющими берегами, мы быстро спустились до лѣснаго предѣла южныхъ склоновъ Танну и расположились на привалѣ у рѣчки Пе-

стекарасукъ. Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку: предѣла лѣсной линіи въ смыслѣ границы непрерывныхъ лѣсовъ, окутывающихъ склоны хребта, начиная съ нѣкоторой высоты, собственно говоря нѣтъ на южномъ склонѣ этого хребта, такъ какъ не только оставленные нами позади вершины гольцевъ, но и лежавшія ниже насъ гривы горъ были безлѣсны. Только въ ущельяхъ, гдѣ шумятъ рѣчки, тянулись широкой полосой лѣса — лиственница и кедръ, — взбѣгая иногда довольно высоко на покатости горъ, обращенныхъ не на южную сторону или закрытыхъ съ южной стороны противоположными гривами. Все-же остальное пространство южного склона Танну-Ола безлѣсно и покрыто скудными желтоватыми травами. Это — обнаженные, пустынные горы.

Мѣсто привала лежало на одномъ изъ склоновъ покатой полукруглой котловины, съ одной стороны замкнутой громаднымъ гольцемъ, съ юга-же обставленной полукругомъ высокими гребнями. Эта котловина имѣетъ въ діаметрѣ не менѣе 15 верстъ и хорошо видима на всемъ протяженіи. Дно ея не плоское, а сильно наклоненное отъ подошвы гольца до лежащихъ на окраинахъ горныхъ гребней. Котловина имѣетъ одинъ только выходъ изъ замыкающихъ ее горъ — это ущелье, по которому уходитъ внизъ Пестекарасукъ. Сама эта рѣчка составляется изъ нѣсколькихъ истоковъ, изъ которыхъ средній беретъ начало на склонѣ главной вершины, боковыя-же изъ гребней и ущелій сосѣднихъ гривъ. Здѣсь не видно ни громадныхъ обрывовъ, ни отвѣсныхъ скалъ, какъ по сѣвернымъ склонамъ хребта. Напротивъ, тотъ-же высокій гольецъ, круто обрывающійся въ ущелье Куялэ, имѣетъ мягкія очертанія на южномъ склонѣ и его все таки крутые бока незамѣтно переходятъ въ наклонное дно котловины Пестекарасука.

Эта послѣдняя рѣчка принадлежитъ къ системѣ рѣки Убуръ-Торхалыка, или южного Торхалыка, впадающаго въ озеро Убса. Пестекарасукъ, не выходя изъ ущелій Танну-Ола, впадаетъ съ лѣвой стороны въ значительно большую

рѣку Ак-кемъ, а эта послѣдняя, уже миновавъ ущелье и выйдя на обширную равнину между основнымъ хребтомъ и его предгоріями, окаймляющими котловину озера Убса, сливается съ Убуръ-Торхалыкомъ. Отъ привала въ вершинахъ Пестекарасукъ до Убинской котловины мы прошли въ три дня (30 іюня, 1 и 2 іюля). Первый переходъ отъ небольшихъ снѣжныхъ полей при входѣ Пестекарасука въ ущелье до подножія собственно Танну-ольскаго хребта показалъ намъ характеръ южныхъ склоновъ и ущелій этого хребта. Тайга, или, правильнѣе, тѣ полосы лѣса, которыя заполнили ущелья и горныя долины, была здѣсь еще суше, чѣмъ на сѣверныхъ склонахъ хребта. За то эти безлѣсныя горы, съ рѣзко очерченными контурами, съ рядами нагроможденныхъ другъ на друга скалъ, съ горками, имѣющими видъ то остраго конуса, то трехгранной пирамиды, съ маленькими водопадами, вырывающимися изъ боковыхъ ущелій — были очень красивы. Самъ Ак-кемъ, что значитъ бѣлая рѣка, выходилъ какимъ-то клубящимся потокомъ изъ продолжной долины, южный склонъ которой обрывался отвѣсной скалой, а сѣверный тянулся волнистой, лѣсной гривой. Недалеко отъ выхода изъ ущелья Ак-кемъ образуетъ настоящий водопадъ фута въ два вышиною, обязанный своему происхожденію плотной темно-коричневой породѣ, составляющей послѣдній уступъ кристаллическихъ породъ хребта. Уже выше этого порога высокія гривы состоятъ изъ сильно вывѣтрившихся породъ, изъ глинъ и песчаниковъ. Ниже-же, ближе къ концу ущелья мягкія породы спускаются до самаго дна ущелья и выходятъ на обширную равнину, разстилающуюся между Танну-Ола и его предгоріями. Ак-кемъ вскорѣ сливается съ Убуръ-Торхалыкомъ, и эта послѣдняя рѣка, разбившись на много рукавовъ, перерѣзываетъ эту равнину на протяженіи слишкомъ десяти верстъ и затѣмъ снова входитъ въ узкое ущелье окраинныхъ горъ, вырвавшись изъ котораго, спускается въ Убинскую котловину и къ берегамъ озера.

Течение Убурь-Торхалыка обозначено широкой полосой берегового лѣса: лиственницы, тополи, пвы различныхъ видовъ, караганники и другіе кустарники окаймляютъ берега этой рѣки и одѣваютъ ея широкіе острова. Русло рѣки, все усѣянное крупною галькою, занимаетъ по ширинѣ въ нѣсколько разъ большее пространство, чѣмъ самъ водный потокъ и его рукава. Любопытно при этомъ, что по окраинамъ галечное русло лежитъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ ближе къ срединѣ, гдѣ вода течетъ какъ-бы въ жолобѣ, наружныя стѣнки котораго образованы изъ валовъ гальки, скрѣпленныхъ отложеніями глинистыхъ породъ.

Привалъ, который мы сдѣлали при выходѣ изъ ущелья Ак-кема, не обошелся безъ маленькаго столкновенія съ сойотами. Проходя мимо небольшого улуса, мы были остановлены толпою полунынныхъ сойотовъ, изъ которыхъ одинъ схватилъ за узду лошадь передняго проводника. Изъ разговора выяснилось, что сойотъ требовалъ, чтобы у него купили быка. Ссора начиналась довольно крупная, но къ счастью не пошла дальше словъ. Что говорили проводники и сойоты — я никакъ и послѣ не могъ добиться во всѣхъ подробностяхъ. Кажется, просто насъ приняли сначала за русскихъ торговцевъ, потомъ-же, когда узнали, что мы не торговцы, а какіе-то русскіе «нойоны», и имѣемъ паспорта, разрѣшающіе переходить линію монгольскихъ карауловъ, насъ пропустили впередъ, хотя едва мы успѣли разбить палатки, какъ снова пришло нѣсколько человѣкъ просить табакъ. Надоѣдали они довольно долго, но подъ конецъ становились все миролюбивѣе и, когда я показалъ, что мы хотимъ спать, они ушли. На утро тѣ-же самые сойоты снова явились къ намъ, но хмѣль уже давно исчезъ изъ ихъ головы, и я не видалъ болѣе вѣжливыхъ и услужливыхъ людей, чѣмъ эти дикари, еще вчера пытавшіеся насъ обидѣть. Дѣло кончилось тѣмъ, что двое изъ нихъ отправились вмѣстѣ съ нами за линію карауловъ къ берегамъ Убса и взяли съ собой

кремневая винтовка, говоря, что дальше въ степи много дзереповъ и дичи.

Линія карауловъ пересѣкаетъ Убурь-Торхалыкъ на равнинѣ между Танну-Ола и его предгоріями, окружающими Убсинскую котловину. Караулы расположены на разстояніи 25—30 верстъ отъ друга и тянутся вдоль южнаго склона Танну, то подходя къ нему на протяженіе не болѣе 8 верстъ, то удаляясь верстъ на 20. Эта линія карауловъ составляетъ южную политическую границу Урянхайской земли и ни одинъ сойотъ не имѣетъ права перейти черезъ нее безъ особаго разрѣшенія, такъ-же какъ ни одинъ монголъ и дюрбютъ не можетъ попасть въ Урянхайскую землю. Караулы содержатся монгольскими воинами и имѣютъ цѣлю ограждать сѣверо-западную Монголію отъ угона скота и лошадей урянхайцами. Наши два новыхъ спутника пошли на рискъ и единственное, на что они рассчитывали, это то, что мы можемъ выдать ихъ за своихъ проводниковъ. Но, къ счастью, этого не пришлось дѣлать, такъ такъ и въ передній, и въ обратній путь мы пересѣкли пограничную линію, не встрѣтивъ ни одного монгольскаго воина. Точно также и дюрбюты или, какъ произносятъ это слово сойоты, «тюрбетъ» повидимому довольно легко проникаютъ къ урянхамъ. Во время одной изъ моихъ поѣздокъ съ мѣста привала къ скалѣ съ писаницами на Убурь-Торхалыкъ мы встрѣтились съ тюрбетомъ въ густыхъ заросляхъ, окаймляющихъ берега этой рѣки. Это былъ высокій, стройный наѣздникъ съ весьма красивымъ смуглымъ лицомъ, — гораздо красивѣе сойотъ, — державшійся очень ловко на сѣдлѣ — сойоты сидятъ очень крѣпко, но всегда принимаютъ какую-нибудь безобразную позу, — въ монгольской шляпѣ и съ длиннымъ платкомъ, свѣшивающимся изъ подъ нее и закрывающимъ затылокъ, шею и часть спины. Онъ былъ очень взволнованъ, говорилъ глубоко разстроганнымъ голосомъ, постоянно прикладывая руку къ сердцу, но не смотря на то, не забылъ выполнить правила вѣжливости, обязательнаго для каждого джентель-

мена этихъ степей. Онъ предложилъ намъ свою табакерку изъ матоваго нефрита съ маленькой ложечкой и мы должны были понюхать крошечную горсточку его душистаго табаку; взаи́мъ этого, мы предложили ему курить. Изъ разговора съ нимъ выяснилось, какъ узналъ я, впрочемъ, только на привалѣ, гдѣ остался старикъ Абдулъ, — со мной-же поѣхалъ только русскій проводникъ да одинъ изъ сойотъ, взявшійся показать скалу — что у него пропали лучшія лошади и онъ поѣхалъ отыскивать ихъ къ урянхамъ. Въ разговорѣ онъ нѣсколько разъ упоминалъ одно монгольское слово, которое употребляется обыкновенно какъ привѣтствіе, но имѣетъ и нѣсколько иное значеніе; это обстоятельство, а также и его мужественное, смѣлое лицо, и то уваженіе, съ которымъ къ нему относился мой спутникъ сойотъ, заставили было меня подумать, что рѣчь шла не объ однихъ только лошадяхъ, а скорѣе касалась той живой народной легенды, выполнения которой такъ ожидаютъ и сойоты, и тюрбеты и, вѣроятно, другіе племена Монголіи. Но на всѣ разспросы Абдула по этому поводу — сойотъ упорно отмалчивался и даже не хотѣлъ рассказать подробно, что говорилъ таинственный «тюрбетъ».

Этотъ незнакомецъ скоро скрылся въ рѣчныхъ заросляхъ, а мы отправились разыскивать береговую скалу съ рисунками звѣрей и сценъ охоты. Она стоитъ на правомъ берегу Убуръ-Тархалыка, окружена небольшими высотами, возвышающимися метровъ на сто надъ окрестной равниною. Со стороны рѣки подняться на нее весьма трудно и намъ пришлось завернуть кругомъ и вѣхаться на покатый противоположный склонъ. Верхъ этого холма, обрывающагося къ сторонѣ рѣки, установленъ рядомъ обнаженныхъ красно-бурыхъ песчаниковъ (?), съ гладкою поверхностью, мѣстами представляющихъ плоскости, мѣстами выдавшіе далеко впередъ двугранные углы, и на всѣхъ этихъ плоскостяхъ рисунки лосей, верблюдовъ, быковъ, лошадей, изображенія людей съ натянутыми луками въ рукахъ, изображеніе коле-

сницы, какіе-то круги и полукруги, но рунообразныхъ писъ-ментъ здѣсь не было; я снялъ, все таки, значительную часть этихъ рисунковъ на миткаль, пока не вышелъ весь захва-ченный съ привала запасъ, т. е. около 10 аршинъ.

Въ этотъ день мы уже перерѣзали равнину, разсти-лавшуюся у подножія Танну-Ола и остановились на берегу маленькой рѣчки Хурганъ-Шибирь, текущей близъ край-ныхъ горъ и впадающей въ Убуръ-Торхалыкъ. Эти окраин-ныя горы носятъ по-сойотски слѣдующія названія: за-падная, лежащая ближе къ Убуръ-Торхалыку — «Тусъ-тагъ», что просто значитъ соленая гора, восточная — Юргутъ-тагъ. Собственно это не есть отдѣльныя горы, а довольно длинной хребетъ, къ востоку сливающийся съ ближайшими отрогами Танну-Ола, а здѣсь отошедшій отъ хребта на разстояніе верстъ въ 15, и тѣмъ образовавшій упомянутую уже мною равнину. Хурганъ-Шибирь не носитъ характера горной рѣчки: она медленно течетъ въ илистыхъ, топкихъ берегахъ, по краямъ которыхъ много отдѣльныхъ заливчиковъ и озерковъ; вдоль рѣки зеленѣющіе луга рѣзко выдѣляются изъ общаго сѣраго тока песчаной равнины, кое-гдѣ поросшей лишь су-хими стеблями дэрису. Не доходя до Хурганъ-Шибира, мы встрѣтили цѣлыя стада дзереновъ, которыя быстро умчались отъ насъ. Тутъ-же мнѣ удалось убить маленькаго дзерена, шкурку котораго я сохранилъ.

Переправа черезъ Хурганъ-Шибирь не обошлась безъ затрудненій. Маленькая рѣчка, не болѣе сажени шириною и глубиною по колѣно, имѣла столь тонкое дно, что перейти ее въ бродъ не было возможности. Пришлось искать мостика, состоявшаго изъ ряда жердей, положенныхъ какъ черезъ ру-сло рѣчки, такъ и чрезъ береговыя топи. Для лошадей, не-привычныхъ къ переходу по жердямъ, и этотъ путь ока-зался неудобнымъ, нѣсколько изъ нихъ оступились, попали ли въ тину и долго барахтались въ ней, пока ихъ не разъ-в्यूчили и не помогли имъ выбраться съ помощью веревокъ и дерганія за хвостъ. Дальнѣйшій путь нашъ (3-го іюля)

лежалъ чрезъ ущелья и гребни Тусъ-Тага, на который мы поднялись по пологому и узкому логу, покрытому щебнемъ. Небольшой перевалъ на востокъ вывелъ насъ къ довольно широкой равнинѣ — версты 3 — лежащей между горами Юргутъ-Тагъ и Тусъ-Тагъ. Далѣе къ югу эти хребты, или, правильнѣе, горныя группы, соединялись между собою небольшою перемычкой, замыкавшей равнину съ юга. Мы подошли къ этой перемычкѣ, двигаясь вдоль восточнаго склона Тусъ-Тага и приблизились къ высокой горѣ, имѣющей форму усѣченной пирамиды. Съ вершины перевала къ востоку видѣлась зеркальная гладь озера Убса и далекія горы. Въ логу справа отъ дороги, близъ самой перемычки подошли къ залежамъ каменной соли. Горы состоятъ съ мягкихъ породъ, красноватаго и зеленоватаго цвѣтовъ. Ямъ, гдѣ добываютъ соль, въ настоящее время вырыто три, онѣ имѣютъ глубины до $1\frac{1}{2}$ сажень и на днѣ ихъ накопилось темнаго воды, испаренію которой препятствуетъ навѣсъ, образованный изъ той-же каменной соли, прикрытой лишь тонкимъ слоемъ почвы, — очевидно самимъ процессомъ добыванія соли и углубленія внутри. Лучшая соль лежитъ глубже въ ямѣ. Одинъ изъ кусковъ соли я привезъ съ собою. Сверху лежатъ пласты глины и щебня, по дорогѣ близъ восточнаго склона Тусъ-Тага тѣ-же горныя породы на горахъ, самый-же склонъ усѣянъ весьма мелкой галькой, часто величиною съ горошину или ружейную пулю. Мѣстность вокругъ ломокъ каменной соли безводна верстъ на 30 въ окружности; горы Тусъ-Тагъ безлѣсны, унылы и покрыты лишь скудными солончаковыми растеніями. Поэтому, вѣроятно, соль никогда не добывается лѣтомъ, а только зимою.

Отъ соляныхъ ямъ намъ пришлось сдѣлать еще небольшой подъемъ, прежде чѣмъ передъ нашими глазами развернулся во всю ширь одинъ изъ громадныхъ ландшафтовъ Монголіи. На переднемъ планѣ его обозначались длинными аллеями деревьевъ многочисленные рукава Убуръ-Торхалыка, за нимъ теряющееся вдаль, обширное водное пространство

озера Убса, и тонкая лента синеватыхъ горъ за его южнымъ берегомъ. Ближе къ западу — отроги Танну-Ола и въ самомъ юго-западномъ углу вершины горъ, уходящихъ выше снѣжной линіи, — Харкиринскихъ бѣлковъ. Вся мѣстность была еще бѣльшей пустыней, чѣмъ тѣ равнины, которыя мы оставили позади. Однакожъ на Убсинской котловинѣ жили люди и, повидимому, сумѣли окружить себя извѣстнымъ довольствомъ, — тюрбеты, которыхъ мы встрѣчали здѣсь, были и богаче одѣты, и не отличались тѣмъ попрошайничествомъ, какъ сойоты. Мы провели двое сутокъ (3-го и 4-го іюля) близъ береговъ Убса-нора, сначала на одномъ изъ арыковъ Торхалыка, слѣдующій день на самомъ берегу озера. Правда, за это время мы не встрѣтили ни одной юрты, — такъ какъ они стояли далеко, или у подножія горъ, или въ самомъ ущельи, но изъ улусовъ пріѣзжало много тюрбетовъ къ берегамъ озера, гдѣ были расположены пашни. До самаго устья Убуръ-Торхалыка мы не дошли, по разспроснымъ-же свѣдѣніямъ мы узнали, что рѣка въ это время года, перебравшая при выходѣ изъ ущелья многочисленными арыками, не доноситъ своихъ водъ до озера, но тотъ большой арыкъ, на которомъ мы остановились, обратился въ настоящій рукавъ рѣки и впадалъ въ Убса-норъ, пройдя, вѣроятно, не менѣе 25—30 верстъ. Берега его поросли многими разнообразіями пивъ, кустами обліпихи, караганы, и вдоль нихъ не болѣе какъ сажень на 10 въ обѣ стороны тянулся зеленѣющій лугъ, за которымъ лежала почти абсолютная пустыня по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ не было посѣвовъ проса. Впечатлѣніе пустыни еще болѣе усиливалось, благодаря множеству старыхъ, заброшенныхъ пашень и вновь распаханной, но не засѣянной земли. Здѣсь только по краямъ пашень росли дѣрису. Уже во время нашего пребыванія на вершинахъ Танну-Ола тамъ шли дожди и, вѣроятно, они продолжались и въ послѣдующіе дни, потому что къ вечеру вода въ аракѣ стала сильно прибывать и скоро начала выступать изъ береговъ, затопляя болѣе низкія мѣста. По этому-

то на слѣдующее утро и пріѣхали тюрбаты съ лопатками въ рукахъ, посланные обществомъ, чтобы прорыть, гдѣ нужно, маленькія канавки для стока воды въ пустынный пространства и оградить берега арыка тамъ, гдѣ прибыль воды могла грозить посѣвамъ.

Вода въ арыкѣ была прозрачна и чиста, шириною онъ былъ около сажени и имѣлъ стремительное теченіе: «стрезняя вода», говорилъ одинъ изъ проводниковъ П. Н. Крылова, родомъ томичъ. Лежа на спинѣ, вѣроятно, не дурно было купаться въ арыкѣ, что и сдѣлали нѣкоторые изъ нашихъ проводниковъ *). Изъ живыхъ существъ въ Убсинской котловинѣ мы видѣли табуны дзереновъ, нѣсколько дрофъ, много кобылокъ и маленькихъ ящерицъ, ползавшихъ по песчанистой почвѣ, на самомъ-же озерѣ и его берегахъ безчисленное множество различной водной птицы. Вдоль береговъ Убса-нора шли, но съ промежутками, небольшія древесныя рощи, состоящія изъ различныхъ кустарниковъ и лиственницъ. Въ нихъ брали начало небольшіе ручейки, скатываясь къ самымъ водамъ Упса. Озеро — горько соленое, и эти ручейки — единственные источники прѣсной воды вдоль его береговъ, такъ какъ большинство рѣкъ и арыковъ лѣтомъ обыкновенно не доходятъ до берега, а исчезаютъ въ песчаной почвѣ Убсинской котловины.

*) Что этотъ потокъ былъ сдѣланъ искусственно, это было видно какъ изъ правильности очертаній его береговъ, изъ которыхъ правый былъ во многихъ мѣстахъ обложенъ комками глины и укрѣпленъ камнями, такъ и изъ того обстоятельства, что теченіе арыка шло не по геодезической линіи немного чашеобразной поверхности Убсинской котловины, какъ-бы слѣдовало ожидать, если-бы это былъ естественный рукавъ рѣки, но по боковой линіи, такъ что берегъ арыка лежалъ чуть-чуть выше мѣстности вдоль его праваго берега, а потому могъ ее орошать. Что касается времени существованія арыка, то относить его къ слишкомъ далекой эпохѣ нѣтъ основаній уже по одному тому, что вдоль береговъ его нѣтъ лиственницъ, по крайней мѣрѣ высокихъ, обычныхъ для береговъ всѣхъ потоковъ въ этой странѣ; съ другой стороны берега обросли, какъ я замѣтилъ, довольно густо тальникомъ, различными видами ивы, и самая длина арыка показываетъ, что прошло много лѣтъ и потребовалось много труда прежде, чѣмъ онъ принялъ свой теперешній видъ.

Обратный путь отъ Убса-Норъ къ берегамъ Улу-кема мы намѣтили черезъ вершины притока Улу-кема Элегеста. На географическихъ картахъ вершины этой рѣки показаны далеко къ востоку, и мнѣ казалось, что намъ придется сдѣлать весьма большой переходъ по безводной пустынѣ, такъ какъ въ сѣверо-западномъ углу Убса-Нора на картахъ не обозначено ни одного притока выше Убуръ-Торхалыка и пришлось бы сразу сдѣлать переходъ до одного изъ послѣднихъ притоковъ большой рѣки Теса, берущей начало въ горахъ Танну. Однако, проводники увѣрили, что мы найдемъ рѣку, не доходящую до Убса-Норъ въ это время года. Эта рѣка любопытна не только тѣмъ, что она теряется въ Убсинской котловинѣ, но и оригинальностью своихъ истоковъ.

Мы прошли вдоль сѣверо-западнаго берега озера Убса и свернули немного къ западу, ближе къ пустыннымъ горамъ Юргутъ-Тагъ. Не смотря на то, что утромъ мы простояли довольно долго подъ сильнымъ и крупнымъ дождемъ, остановившимъ нашихъ лошадей, погода быстро разъяснилась, день сдѣлался столь жаркимъ, пустыня была столь однообразно утомительна, а уходящій вдаль къ Танну-Ола обнаженный кряжъ Юргутъ-тага казался такимъ непроницаемымъ валомъ, что мнѣ не приходила и въ голову мысль, что мы можемъ гдѣ-либо остановиться ближе, чѣмъ у подножія Танну-Ола, т. е. верстъ за 40 далѣе къ сѣверу, тѣмъ болѣе, что нигдѣ не было видно никакихъ слѣдовъ зелени, ни малѣйшихъ признаковъ рѣкъ. Тѣмъ болѣе мы были удивлены, когда неожиданно, сдѣлавъ верстъ 15 отъ привала, дошли до крутаго и глубокаго рва, на днѣ котораго журчала рѣчка, одѣтая, впрочемъ, весьма скудною растительностью. Рѣчка вырывалась паискомъ изъ узкой щели Юргутъ-тага; о существованіи этой щели нельзя было и подозрѣвать, смотря на горный кряжъ съ той стороны, откуда мы двигались. Черезъ это ущелье мы и перерѣзали весь Юргутъ-Тагъ, часто идя по нѣскольکو сотъ сажень самымъ русломъ рѣки, и вышли снова на ту равнину, которая лежала между Юргутъ-Тагомъ

и Танну-Олой, только, очевидно съ другой стороны. Рѣка носить названіе Кадый и ея истоки лежатъ какъ разъ въ самомъ концѣ ущелья, тамъ гдѣ начинается равнина. Кадый выходитъ какъ будто изъ подъ земли, изъ какихъ-то глубокихъ, наполненныхъ водой рвовъ и колодцевъ, прикрытыхъ огромными травами. Ущелье Кадыя весьма извилисто и въ одномъ мѣстѣ, чуть-ли не въ срединѣ крижа, въ него выходитъ другая такая-же узкая щель, тоже съ русломъ рѣки на днѣ. Въ ущельѣ много займищъ, но весьма небольшихъ, всѣ они покрыты сочными, густыми травами, кустарниками и лиственницей. Ивы лѣпятся вдоль самаго русла Кадыя даже тамъ, гдѣ рѣчка стиснута почти совсѣмъ отвѣсными скалами. Лиственница вздымается вверхъ по горамъ, гдѣ склоны сколько-нибудь отлоги и не представляютъ сплошныхъ обнаженій твердыхъ горныхъ породъ. Въ одномъ мѣстѣ, около середины ущелья, щеки его состоятъ изъ сплошныхъ мраморовъ, сажень на сорокъ поднимающихся надъ уровнемъ рѣки, такъ что Кадый на протяженіи болѣе двухъ верстъ течетъ буквально въ мраморныхъ стѣнахъ. Мраморы есть чисто бѣлые, и съ розовой окраской, и пестрые, зеленые. Въ горахъ Юргутъ-тога водится много «джинновъ», т. е. каменныхъ барановъ.

Дальнѣйшій путь отъ истоковъ Кадыя до вершинъ Элегеста мы сдѣлали въ два дня. Сначала шли прямо къ сѣверу по направленію къ видѣвшейся вдали, покрытой пятнами снѣга, вершинѣ Танну-Ола, но, пройдя равнину и дойдя до текущей въ глубоко вырытыхъ берегахъ рѣки Ак-Талъ, вѣроятно, одного изъ притоковъ Хургонъ-Шибиря, круто повернули на сѣверо-востокъ и стали подыматься продольной долиной, идущей параллельно главному хребту и отдѣленной отъ Убсинской котловины невысокою цѣпью отроговъ Танну-Ола, сливающихся съ Юргутъ-Тагомъ. Долина имѣетъ въ ширину не болѣе 2—3 верстъ и пересѣчена нѣсколькими рѣками, образующими одинъ изъ притоковъ Теса. Сѣверные склоны южной окраины этой долины густо поросли

лиственничнымъ лѣсомъ, противоположные-же склоны безлѣсны. Здѣсь много стоянокъ сойотъ и близъ одного изъ такихъ улусовъ, на берегахъ рѣчки Ак-карасукъ мы и остановились на привалъ. Сопки, стоящія рядами на южномъ краѣ долины, имѣютъ очень оригинальный видъ: ихъ вершины, густо поросшія лѣсомъ, представляютъ издали какъ-бы грани огромнаго кристалла.

Идя далѣе той-же продольной лощиной, мы на другой день дошли до довольно значительной горной рѣки Юрбитей и повернули къ сѣверу ея ущельемъ, слѣдуя по которому и достигли вершины перевала черезъ Таниу-Ола. Ущелье Юрбитея, принимающее нѣсколько притоковъ съ той и другой стороны, представляло-бы, вѣроятно, очень значительный интересъ для геолога по множеству разнообразныхъ обнаженій и выходовъ горныхъ породъ по его краямъ. Оно любопытно и тѣмъ, что, во-первыхъ, глубоко врыто въ массивъ Таниу-Ола, такъ что гигантскіе пики видны по бокамъ ущелья еще за долго до приближенія къ перевалу, который и не поднимается даже выше лѣснаго предѣла, во-вторыхъ, оно образуетъ нѣсколько излучинъ, и въ тѣхъ изъ нихъ, которыя защищены съ юга, на днѣ ущелья лежатъ сплошными массами снѣгъ и ледъ, такъ что мѣстами на протяженіи полу-версты и болѣе Юрбитей течетъ въ ледяныхъ берегахъ. Русло рѣки очень часто занимаетъ почти всю ширину ущелья и въ нѣсколько разъ шире самого потока. Склоны окрестныхъ гривъ и боковыхъ горъ то густо поросли лѣсомъ, если они обращены на сѣверъ, то безлѣсны и покрыты альпійскими травами и щебнемъ. Но какъ я уже сказалъ, среди нихъ есть очень высокія вершины, лежащія выше лѣснаго предѣла даже на сѣверныхъ склонахъ; самые-же высокіе гольцы стоятъ ближе къ перевалу; одинъ изъ нихъ, сѣверный, очень отлогъ, вершина его овальна и занимаетъ огромную площадь, другой-же болѣе южный — остроконечный, коническій пикъ.

Видъ, который раскрывается съ вершины перевала къ сѣверо-востоку, является рѣзкимъ контрастомъ съ оставленною пустынею на южныхъ склонахъ хребта. Насколько можетъ хватить глазъ, вы видите здѣсь безконечныя, зеленыя равнины, разстилающіяся у подножія горъ. Проводники сказали намъ, что это и есть степи Элегеста и его притоковъ, самая богатая и густо-населенная часть Урянхайской страны, земля племени ойнарровъ. Перемычка между двумя гольцами, образующая перевалъ, лежитъ перпендикулярно главной оси хребта, такъ что рядъ высокихъ вершинъ, уходящихъ къ востоку южного гольца, видѣнъ съ перевала на огромное разстояніе. Горы образуютъ длинную цѣпь, далѣе на востокъ какъ-бы заворачивающую немного къ сѣверу; весь рядъ ихъ лежитъ выше лѣсной области, а самыя вершины изборозжены бѣлыми горизонтальными полосами, вѣроятно, обнаженіями известняковъ.

На вершинѣ перевала росли кедры, подымавшіеся и немного выше по склону сѣвернаго гольца. Отправивъ впередъ вьючныхъ лошадей, мы проѣхали по гребню до послѣднихъ остатковъ деревьевъ, и затѣмъ взопли пѣшкомъ на одну изъ вершинъ, откуда въ полупрозрачной дымкѣ видѣлось озеро Убса, теченіе Теса, отмѣченное полосой лѣса, Харкиринскія бѣлки и длинный невысокій хребетъ къ югу и юго-востоку отъ Убса—Ханъ-хухей. Голецъ очень сухъ, какъ и вообще эта часть Танну-Олы, и состоитъ изъ большихъ плитъ розсыпей. Отъ его главной вершины спускаются въ долину Юрбитя длинныя контръ-форсы, стоящія рядами, и между ними глубокія ущелья наполнены снѣгомъ, питающимъ истоки рѣки. Съ гольца хорошо видно верхнее теченіе Элегеста, состояющагося изъ трехъ потоковъ, изъ которыхъ одинъ образовалъ ущелье, лежащее прямо подъ проваломъ, два-же другихъ лежали гдѣ-то съ сѣверной стороны сѣвернаго гольца. Такъ какъ мы поднялись на него съ южнаго склона, и вершина, какъ я замѣтилъ уже, занимала обширную площадь, то я не могъ дойти до сѣвернаго ея

обрыва и оглядѣть горы, идущія къ берегамъ Улу-кема. Но когда, почти мѣсяцъ спустя, я плылъ на плоту по Улу-кему, то, не доѣзжая устья Шагана, имѣлъ возможность видѣть эти лѣсистыя, горбообразныя горы, подходившія на разстояніе не болѣе 30 верстъ къ берегамъ рѣки. Такимъ образомъ, въ этомъ мѣстѣ, противъ вершинъ Элегеста, массивъ Танну-Олы имѣетъ весьма значительную толщину и горы идутъ складками, параллельными оси хребта, медленно понижаясь къ берегамъ Улу-кема, между тѣмъ какъ далѣе къ востоку, начиная отъ перевала, хребетъ вдругъ обрывается къ сѣверу крутою стѣной и между рядами высокихъ гольцевъ съ бѣловатыми вершинами и лежащими у подножія ихъ широкими равнинами нѣтъ никакихъ замѣтныхъ промежуточныхъ кражей.

Ночью мы уже спустились съ перевала, слѣдуя по теченію Джатырлы-кема, ближайшаго къ перевалу истока Элегеста; рѣка течетъ по каменистому ложу въ глубокихъ, обрывистыхъ берегахъ. Иногда мракъ ночи освѣщался какимъ-то страннымъ блескомъ, какъ будто въ дали на склонахъ ущелья горѣлъ невидимый костеръ и разливалъ мягкій свѣтъ сквозь листву деревьевъ. Мы не разъ принимали этотъ свѣтъ за отблескъ огней нашего привала и только спокойная увѣренность нашего проводника сойота остановила отъ намѣренія измѣнить путь, пересѣчь рѣчку и ущелье и идти на освѣщенное пространство. Изъ за высокихъ горъ намъ не было видно луны, но она освѣщала снѣжныя поляны, лежавшія въ ущельяхъ, а этотъ свѣтъ мы ошибочно принимали за огни костровъ, и, напротивъ, замѣтили послѣдніе только тогда, когда почти что наѣхали на нихъ, выбравшись на поляну изъ густой чащи лѣса.

Путь отъ вершинъ Элегеста до устья его лѣваго притока Киндырге шелъ сначала черезъ густыя лиственные лѣса, далеко спускающіеся со склоновъ Танну-Ола на лежащую у подножія ихъ равнину, затѣмъ мы перешли въ степи, перѣзанныя грядами невысокихъ холмовъ и гривъ, у которыхъ

только верхушки поросли лѣсомъ, по крайней мѣрѣ на южныхъ склонахъ. На пути, вскорѣ послѣ выхода изъ ущелій мы отклонились отъ теченія Элегеста, и вся широкая равнина этой рѣки осталась къ востоку отъ дороги, путь-же нашъ лежалъ близъ окраины западныхъ горъ. Мы пересѣкли маленькую рѣчку Курагайчикъ, впадающую въ озеро Байкуль, и затѣмъ вышли на небольшую болотистую равнину, спрятавшуюся въ углу между невысокими холмами, защищавшими ее полукругомъ съ трехъ сторонъ. Четвертая сторона — южная, была открыта и давала прекрасный видъ на бѣловатые пики Танну. Эта уютная равнинка была избрана мѣстомъ для постройки буддѣйскаго монастыря, пріютившагося на склонѣ одного изъ холмовъ.

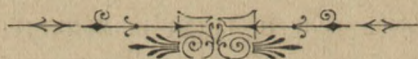
Мы остановились часа на 3 близъ монастыря и повели переговоры съ однимъ изъ «дзайсанговъ», въ вѣдѣніи котораго находился монастырь, о томъ, чтобы насъ пустили по-смотреть богослуженіе, совершавшееся въ этотъ день. Это было незадолго до праздника Майдари, и, еще будучи въ горахъ, мы слышали, что многіе сойоты готовились ѣхать въ этотъ монастырь на праздникъ. Китайскія власти, хотя и разрѣшаютъ подданнымъ поднебесной имперіи исповѣдывать любую религію, однако не оставляютъ безъ чиновничьяго надзора такіа учрежденія, какъ монастыри. «Дзайсангъ» — нѣчто вродѣ нашего засѣдателя, назначенный изъ тѣхъ-же сойотъ, — не сразу согласился впустить насъ въ дацанъ. Онъ долго говорилъ съ нашими проводниками и однимъ изъ старшихъ ламъ, пріѣхавшихъ къ намъ прямо отъ богослуженія, въ красномъ халатѣ и съ высокимъ колакомъ на головѣ, обтянутомъ мишурнымъ золотомъ. Вскорѣ мы поѣхали въ дацанъ, сопровождаемые дзайсангомъ, ламой и толпою сойотскихъ всадниковъ, частью составлявшихъ свиту дзайсанга, частью пріѣхавшихъ къ нашей стоянкѣ отъ монастыря. У деревяннаго забора монастырскаго двора мы поздоровались со старшимъ ламою, сѣдымъ, добродушнымъ старикомъ, и отцомъ дзайсанга, который былъ пьянъ и ка-

жется что-то говорилъ противъ того, чтобы насъ пустили въ дацанъ. Вслѣдъ за нами и онъ пришелъ туда и пьяный сѣлъ среди площадки, по обѣимъ сторонамъ которой сидѣли рядами ламы и пѣли молитвы. Затѣмъ онъ началъ буянить, пока сынъ не схватилъ его въ охапку и не вынесъ на рукахъ изъ храма. Дацанъ — ветхое зданіе съ плохимъ бревенчатымъ поломъ, было наполнено толпой грязнаго народа, изъ которыхъ многіе были пьяными, но, не смотря на то, спокойствіе ламъ среди этой обстановки и ихъ согласное, торжественное и почти непрерывное пѣніе тибетскихъ молитвъ, затѣмъ то глубокое уваженіе, съ которымъ относился ко всему нашъ проводникъ-сойотъ, принесшій и отъ насъ въ подарокъ дацану куски желтой матеріи и мѣдное блюдо, — произвели на насъ, т. е. на меня и П. Н. Крылова, такое впечатлѣніе, что мы какъ будто и забыли о непріятныхъ сценахъ, видѣнныхъ нами въ дацанѣ, и дорогой могли говорить только о томъ невольномъ удивленіи, которое вызываетъ въ постороннихъ зрителяхъ дѣйствія этой жреческой касты ламъ, медленно, но увѣренно прокладывающихъ путь своей религіи среди шаманистовъ.

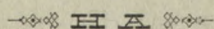
Но всего болѣе поразилъ меня проводникъ сойотъ. Правда, онъ много лѣтъ провелъ среди русскихъ, и ихъ вліяніе могло отразиться на настроеніи его ума, но въ сущности, онъ остался тѣмъ-же сойотомъ, какъ и другіе, и когда я подѣхалъ къ нему во время пути, чтобы спросить о названіи одного изъ притоковъ Элегеста, къ которому мы приближались, то онъ началъ самъ разговоръ о богахъ, видѣнныхъ имъ въ дацанѣ. Изъ его короткихъ, отрывистыхъ фразъ я узналъ, что онъ считаетъ этихъ боговъ только деревомъ, мѣдью и ничѣмъ больше; что въ природѣ живы только люди, звѣри, птицы, змѣи, словомъ все, что движется само собою и что можно видѣть. Нельзя никогда говорить о томъ, чего не видѣли люди, — нельзя и вѣрить этому — таковъ былъ его выводъ.

На меня его задумчивая рѣчь произвела то впечатлѣніе, что въ умѣ дикарей, каковы сойоты, сквозь сложную и тонкую паутину суетвѣрій, сохранилась и перенесена черезъ рядъ вѣковъ чистая и ясная мысль о сущности природы. И если принять во вниманіе, что тотъ образъ жизни, кажущійся намъ только лѣнивымъ бездѣйствіемъ, который ведутъ кочевники, оставляетъ имъ много досуга для размышленія и созерцанія, то не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что основная идея положительнаго знанія зародилась еще въ доисторической глубинѣ вѣковъ, и вся наша культура есть не болѣе, какъ съ трудомъ осуществляемое стремленіе дать ей реальное содержаніе, и что по мѣрѣ того, какъ растетъ и крѣпнетъ эта ясная мысль, растутъ также и мистическія вѣрованія, принимая новыя и новыя формы.

В. Ошурковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ГАЗЕТУ ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ,
посвященную изученію Востока и Сибири.
(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ.

Въ 1893 году въ нее войдутъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

I. Статьи по мѣстнымъ внутреннимъ вопросамъ.	VII. Хроника переселенческаго движенія въ Сибири.
II. Хроника сибирской жизни.	VIII. Хроника золотопромышленнаго дѣла.
III. Городская хроника Иркутска.	IX. Литературное обозрѣніе.
IV. Корреспонденціи изъ Западной и Восточной Сибири.	X. Политическая хроника: событія русской жизни и жизни Европы.
V. Фельетонъ.	XI. Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.
VI. Отчеты засѣданій: Иркутской Думы, Суда. В. Сиб. Отд. Г. Общ., Общ. Вспом. Учащимся В. Сибири, санитарные отчеты, театральные отчеты и пр.	XII. Справочный отдѣлъ.

При газетѣ издаются, въ видѣ приложеній, періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

Цѣна газеты за годъ 8 руб., за полгода 5 руб., за три мѣсяца 3 руб. и за одинъ мѣсяць 1 руб.

Лица, выписывающія газету съ приложеніями (сборники), добавляютъ къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Гг. городскіе подписчики „Восточнаго Обозрѣнія“, желающіе получать въ 1893 г. ежедневныя телеграммы „Сѣвер. телегр. Агентства“, благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 3 р. за годъ, 2 р. за полгода; иногородные же по московскому тракту—7 р., по забайкальскому—5 р. 50 к. и по якутскому—4 р. 50 к.

Адресъ: Иркутскъ, „Редакція Восточнаго Обозрѣнія“.

Издатель Н. М. Ядринцевъ.

Редакторъ В. А. Ошурковъ.

